

Маруся Климова

ГОЛУБАЯ КРОВЬ

*Кровь голубая в синей вене,
Как флаг под мертвенной луной.*

В. Кондратович

"Я хочу уехать за границу, как угодно, любым способом, только за границу. Я готов жить там в коробке из-под телевизора. Я согласен там убирать мусор, мыть полы - все, что угодно. Жаль только, что у них эту работу делают черные, белых не берут, но может, меня возьмут. А, может, какой-нибудь богатый старик возьмет меня к себе, и я буду ходить ему в магазин за покупками, ну и просто помогать.

Мой приятель Олег живет в ФРГ, он женился на старухе, она не очень старая, ей всего пятьдесят восемь лет. Правда, недавно она подала на него в суд за невыполнение супружеских обязанностей. Он мне тоже нашел старуху, только французскую - ей шестьдесят пять лет. Она не очень похожа на иностранных старушек - она прислала мне свою цветную фотографию - стоит в цветастом платье на берегу какой-то грязной лужи. Она такая здоровая, и рожка у нее кондовая - видно, что всю жизнь на фабрике работала. Одним словом, колода, как любит говорить мой приятель Пусик. Она очень любит Советский Союз и одобряет политику перестройки. Она как-то давно была в советской стране, и до сих пор не может забыть, так ей здесь понравилось - один милиционер был такой вежливый, что даже ходил ей за лекарством и купил его на свои деньги. У нее есть только кушетка и железная кровать, и вообще, обстановка в квартире не очень хорошая. Она слишком много платит за отопление зимой. Меня она содержать не будет, она так прямо и написала. Ну, может, конечно, не так уж прямо, но мне все равно показалось, что это хамство. Я к такому не привык. Конечно, она боится, или у нее просто есть отрицательный опыт, наверное.

Я послал ей свою фотографию. На ней я был сфотографирован с одной американкой, но американку я отрезал, чтобы старуха не ревновала... Я случайно отрезал себе еще и завиток волос, но потом пририсовал новый фломастером.

Я хотел ехать к ней со своим другом Сережей, я написал, что это мой двоюродный брат. Но я с ним поссорился, он оказался таким гадом, я с ним теперь даже разговаривать не хочу. Поеду к старухе один, а ей скажу, что его забрали в армию. Его, кстати, и так собирались забрать, все слали ему повестки, а он скрывался. Может, даже мне стоит

позвонить туда и рассказать, что он скрывается, а сам собирается ехать за границу - чтобы его вовремя прихватили. А то на что это похоже - все служат, а он? А то он еще поедет туда и украдет что-нибудь в универмаге, а когда его поймают, расскажет и про меня. Тогда я больше не смогу никуда ездить. У них там насчет этого строго - занесут в компьютер, и потом всю жизнь не отмоешься. Слава Богу, у нас еще до такого не дошло! Я тут по телевизору видел про Америку, как там они борются с теми, кто не платит налоги, это же просто ужас!

Старуха пишет, что, когда я приеду, она у меня сразу попросит паспорт. Так надежнее. Мне не жалко, у меня их целых два, один прописан на Рубинштейна, а другой - в Кировском районе, где я раньше жил, не знаю уж, который ей больше понравится. Еще она пишет, что сломала ногу и нуждается в помощи. Но мне кажется, это она меня на пушку берет, хочет проверить. Может, конечно, и на самом деле сломала, но тогда вообще нет смысла к ней сейчас ехать. Да я и так к ней сейчас не поеду, только через год. Я женюсь на ней и останусь там, а потом посмотрим. Я уже написал ей, что хочу взять ее фамилию. У нее очень красивая аристократическая фамилия - Дюран-Бертолле.

Мы с моим приятелем Веней недавно были в Западном Берлине. Западный Берлин - это единственное место, куда выгодно ездить. Мне и Вене устроил приглашение мой приятель Эдвин, с которым мы познакомились на пляже в Солнечном. Туда и дорога дешевая, приезжаешь, на эти обмененные деньги покупаешь видеоплейер и еще себе кучу тряпок. А потом здесь этот плейер продаешь. И с деньгами, и удовольствие.

В Западном Берлине я так бегал по магазинам, что совсем похудел, ножки у меня стали как спички - просто ужас. И главное - никак потом не мог поправиться. Нет, вообще-то мне поправиться - раз плюнуть, я, наоборот, этого боюсь. И ноги у меня сейчас, по моему, не толстые, это я специально джинсы такие купил - в обтяжку.

В Западном Берлине я украл в универмаге туфли за двадцать марок, свитер и рубашку - там никто за этим не смотрит. А к свитерам у них приделаны такие железные блямбочки, и когда с ней выходишь из магазина, раздается пиканье. Причем, эту блямбочку никак не отодрать, а продавец кладет свитер на тарелочку - она и отваливается. И как только они это делают?

Так вот, Веня нашел свитер без такой штуки - мы его и украли. Он зашел в кабинку и запихал его в пакет. Свитер был очень красивый - синий, крупной вязки - у меня его потом отняли. Я выходил из ресторана летом, а там мажоры тусовались, они с меня его и сорвали. Хорошо, что я сам в метро убежал, к милиционеру.

У меня в последнее время проблема с работой - хорошо бы устроиться в тот музей, что в бывшем соборе, недалеко от меня, музейным смотрителем - там ведь вполне культурное место, и к тому же иностранцы бывают. Я сяду у входа, прикинусь - у меня это самый худший прикид, остальные гораздо лучше. Я сделаю себе прическу, может, меня кто-

нибудь и возьмет, ну, иностранец, конечно. Пусть даже баба, а не мужик, наплевать. А пока они мне будут что-нибудь дарить: сигареты, например, или ручки. Не знаю только, стоит ли, сейчас я могу устроиться директором булочной - наверное, это лучше.

Я все равно уеду отсюда через год, просто пока надо хоть где-нибудь работать.

Вообще-то, мне ничего не надо, я могу жить на рубль в день. Мяса и масла я не покупаю, сахара тоже. Газеты и кино мне не нужны, там одна пропаганда. Правда, водку я пью, я от нее сразу худею.

Если я поступлю работать в собор, мы с Марусей сразу напьемся. Маруся – это моя подруга, она работает недалеко от меня. Я называю ее Марусиком. Я хотел, чтобы она называла меня Пауль, но она зовет просто Павликом.

Два дня назад мы у нее напились - а там еще была баба - комсомольский секретарь - просто ходячий лозунг какой-то. Откуда она взялась? Никогда бы не подумал, что у Марусика такие подруги. В ней столько коммунистического! С ней рядом и сидеть-то невозможно. А потом я пошел провожать другую бабу, ее звали Ира - мне не хотелось, но она так прицепилась, пришлось идти. Я никак не мог поймать ей тачку и решил - поймаю на Невском. Мы пошли на Невский, но там было то же самое. А я как раз там рядом живу, я решил - пойдём ко мне, я по телефону вызову. Мы пришли, она сразу же схватилась за телефон и звонит в такси. Я ей говорю - сними хоть пальто, а она не слушает. Дозвонилась, спрашивает адрес, я ей сказал, а потом спрашивает фамилию, я ей говорю: "Крокодилов", после чего ее там попросили не хулиганить и бросили трубку. Тогда она набросилась на меня, зачем я ввожу в заблуждение службу быта и не говорю свою настоящую фамилию. Наконец я сам позвонил в такси и назвался Чемодановым, мне почему-то поверили, только сказали, что лучше бы моя фамилия была Смирнов.

Ира все допытывалась у меня, как моя настоящая фамилия, но я так и не сказал. Пока мы ждали такси, я рассказал ей, что хочу учить французский язык, и она сразу же принялась писать мне спряжение французского глагола avoir и при этом пыталась положить голову мне на плечо, а когда я не выдержал и отодвинулся, она мне сказала: "Брось, пожалуйста, свои педерастические штучки!"

"А ты брось свои жидовские примочки", - ответил я.

Тут она вдруг разрыдалась и говорит: "Что ж, если черные волосы и глаза, то уже и жидовка!"

Я был очень рад, когда наконец пришло такси. Она явно нездорова. Я, было, хотел, чтобы она меня обучала французскому языку, но теперь не хочу. Да к тому же она просит пять рублей за урок.

Но, наверное, она меня иногда вспоминает, мы все же знакомы.

Веню недавно ограбили - он спал, а к нему влезли через окно. Его били железным ломом по голове, но он жив - удивительно, его и ломом не убьешь. Сейчас он, конечно, немного не в себе - у него что-то с головой. Хотя это у него и раньше было, наверное, от

старости - он уже становится "бабушкой". Но я все равно его очень люблю.

Милиция, конечно, ничего не нашла, да и не найдет - его грабят уже не в первый раз.

Почему у нас все так плохо, разве Ленин этого хотел?

Говорят, Маргарет Тэтчер пьет по утрам грейпфрутовый сок. И это весь ее завтрак. А здесь просто некуда пойти вечером, никаких развлечений, ничего. Я вспоминаю Западный Берлин - там совсем другое дело - идешь, как по большому магазину! Там даже дождь какой-то особенный. Когда там пошел дождь, я протянул руку - ну точно, совсем особенный дождь!

Я заходил там в самый дорогой универмаг КДВ, ничего не покупал - там все очень дорого, но там можно бесплатно прыскать на себя разные духи, и я каждый день заходил туда и прыскался. А один раз продавщица сама взяла флакон и опрыскала меня всего - наверное, я ей понравился. От меня потом целую неделю хорошо пахло.

Когда я приехал обратно - тут везде грязь, все грязное, ото всех воняет говном, жрать нечего - ужас! Я даже никуда выходить не хотел. Я покрасил всю свою мебель в белый цвет из распылителя и поставил низенький столик, а на него положил иностранные журналы. Я стал выращивать цветы, но они плохо росли - в комнате слишком темно. Я привез из Западного Берлина много разных дезодорантов, и они все стояли у меня под зеркалом. Все мои знакомые приходили ко мне и прыскались. Они все, наверное, думали: "Ну ничего, я один попрыскаюсь, это немного!" И так каждый, а их сколько! В конце концов, мне пришлось все убрать - ведь им что-нибудь объяснять бесполезно!

У меня есть соседка, Шурка, она уже на пенсии. Она со своим мужем все подглядывала за мной и подслушивала. Но я один раз ее поймал у своих дверей и сказал:

"Все подслушиваете? Материалы на меня собираете?"

И с тех пор она меня побаивается, хотя подслушивать, конечно, продолжает.

Раньше у меня была жена и дочь - это единственное, о чем я жалею в своей жизни. Я женился потому, что думал, что так должны делать все. Во всех фильмах, которые я видел, молодые люди встречались с девушками, и у них рождались дети. Конечно, мне всегда больше нравились юноши, но я думал, что я какой-то ненормальный.

Когда мне было двенадцать лет, к нам в гости приехал мой двоюродный брат, и нас положили спать в одну постель. Мы трогали с ним друг друга за разные места, обнимались, и в конце я почувствовал такой кайф, ну просто кончил, хотя тогда я еще не знал, что это так называется.

Мой папаша был сумасшедший, у него была любовница, я ее знал - она работала техником-смотрителем в нашем РЭУ - такая крашенная блондинка с потасканной рожей. Он приводил ее к нам, когда матери не было дома, а я сидел за стенкой, и все слышал - всякие там стоны и шуршание.

А моя жена была балерина. Она все время притворялась, что любит меня, все изображала что-то, а потом у нас родилась дочь. Тут уж жизнь стала просто невыносимой. Я помню, мы с ней ужасно поругались, она мне так осточертела, и ее рожа, и ее задница еще больше, и ее проклятые родственники, они просто доводили меня до сумасшествия. Я шел по Фонтанке и думал, какой я несчастный, как все плохо, какая ужасная жизнь - и вдруг увидел идущего мне навстречу... Лицо его показалось мне таким прекрасным и почему-то знакомым. Он улыбнулся мне. Так мы познакомились с Веней".

Маруся закурила сигарету и отложила дневник Павлика в сторону. Во дворе напротив был серый дом. По двору бегали маленькие дети. Рядом находились какие-то очистные сооружения и летом, когда ветер дул в их сторону, в квартире воняло, как будто что-то разлагается. Сейчас весна, грязный снег еще не растаял, и все вокруг грязное, серое и унылое. В такие дни она всегда чувствовала беспокойство и тоску, и ей хотелось пойти куда-нибудь, только чтобы не сидеть на месте, и хотя идти было некуда, все равно можно идти просто по улице, по лужам, мимо серых домов, и так ходить долго, долго, пока не устанешь, и ноги не откажутся передвигаться. Тогда можно будет сесть на скамейку на ледяном ветру, потому что некуда идти, и никто не ждет, и никто никому не нужен, и так и должно быть всегда, до самой смерти.

Когда Маруся училась в школе, у нее было много знакомых девочек. Эти девочки были маленькие, им было только по двенадцать лет, как и Марусе, но они все уже были настоящие бляды. Одна из них ходила в синей куртке и курила в подворотне. А другая, по имени Ляля, жила со взрослым мужиком. У мужика была жена и дети, но по вечерам он встречался с Лялей. Он трахал Лялю в подвале, но больше ей нравилось сосать. Она даже как-то спросила Марусю:

"Как ты думаешь, через рот нельзя залететь?"

Маруся не знала, она в этом не разбиралась. Другая девочка была очень толстая, все ее звали Куча. Ей это не нравилось, и она просила, чтобы ее называли Бланка, потому что она была влюблена в певца Рафаэля и даже учила испанский язык во Дворце пионеров. У нее была цель в жизни - переспать с Рафаэлем. Переспать с Рафаэлем, а потом умереть. Она сказала:

"Каждому, кто назовет меня Бланка, я буду давать рубль".

Но ее все равно звали Куча. Когда ей сказали, что Рафаэль - гомосексуал, она не поверила и продолжала надеяться.

Сама Маруся до семи лет жила у бабушки в городе Шепетовке. Там вечерами они собирались с мальчиками у большого солдатского забора, за которым была воинская часть. Мальчики были старше, им было лет по десять, они делали кольца из разноцветных проволочек и дарили их Марусе, а она за это ложилась с ними в канаву, и они тыкали в нее мягкими пипками. Один мальчик говорил другому:

«Далеко не запикивай, а то у нее ребенок будет».

Однажды к забору прибежала бабушка Маруси, наверное, она заподозрила что-то, но ее заметили издали и успели мирно рассестись на бревна.

«Вы що тута робытэ?» - с подозрением спросила бабушка.

«Та от, сыдымо тута, - ответил самый старший Алик очень спокойно, - кольцо Маруське плэтэмо».

Бабушка сказала, что уже поздно, а действительно, было уже совсем темно, и она взяла Марусю за руку и увела ее домой.

Вечером, лежа в кровати, Маруся боялась, что ее дедушка уже все узнал. Она вся тряслась от страха, а еще она боялась, что у нее будет ребенок. Ей было непонятно, что она будет с ним делать, ей было очень страшно, и она говорила себе, что больше никогда так делать не будет. А на другой вечер повторялось то же самое. Днем они играли с подружкой на солнышке, ловили бабочек. Они научились определять, где самец, а где самка, и заставляли их ебаться. Если им попадалась бабочка с толстым брюшком, они сладострастно дрожали и говорили: "Это беременная".

Вокруг было много насекомых, и птиц, и воробьев, и все они ебались друг с другом.

Вечером к калитке прибежал кривоногий рыжий мальчик и говорил: "Маруська, ебаться будешь?" - и они вместе бежали к большому забору, где росли желтые одуванчики.

По воскресеньям они с братом Гришей ходили на железнодорожный вокзал, туда приезжали поезда, и в буфете продавали мороженое. Там на стене в зале ожидания висел огромный портрет Ленина в расстегнутом пальто, развевающимся на ветру, а вокруг на картине были серые тучи. Марусе он почему-то очень не нравился, и эта картина вызывала у нее тоску и беспокойство, и, когда ей однажды попала газета с портретом Ленина, она даже выколола ему глаза, а потом изрезала на куски. Тогда, еще совсем маленькая, она любила играть в собачек. Она привязывала себя веревкой за руку к ножке стола и лаяла "ав-ав". Она говорила, что она собачка Нэрочка. При этом ей виделась такая пушистая белая собачка, которую она то ли видела где-то у знакомых, то ли просто в книжке. До пяти лет она спала в постели с дедушкой. Она очень любила дедушку, только иногда он ужасно храпел. А потом вдруг дедушка перестал с ней спать, и ее переселили на пол, на перину. Обычно они спали на чердаке. Маруся слышала, как дедушка говорил бабушке:

"Я не могу с ней спать, у меня наступает возбуждение".

Маруся не поняла, что это.

Бабушка часто делала вареники, и Маруся их очень любила. Как-то они с бабушкой поехали в гости в Мирополь - там жила бабушкина родственница. У родственницы было два внука, уже большие. Там приготовили вареники с вишнями, и Маруся, даже после обеда, все ходила по комнате и ела их. Она бы рада была переключиться на что-нибудь другое, но не могла, и все ела их и ела. Тут в комнату зашел один из внуков бабушкиной родственницы, Сережа, и ущипнул ее за бок. Маруся не поняла, зачем он это сделал, но покраснела. Он сказал: "Ешь, ешь", - и еще раз ущипнул. Маруся смутилась и ушла.

Там была деревянная уборная, где на маленькой полочке на стенке стояла книжка с какими-то странными буквами, которых Маруся раньше никогда не видела. Маруся уже умела читать и все буквы знала. Она взяла листок и пошла к бабушке спросить. Бабушка сказала, что эта книга напечатана давно, и сейчас таких букв нет. Потом они пошли прогуляться. Было очень жарко. Недалеко стоял завод, и из огромной трубы лилась вода, от этого рядом образовался пруд, называвшийся здесь "ставок". Маруся разделась и тоже полезла в воду. Там было много мальчиков, они стали смеяться над ней. На Марусе были голубые трикотажные штаны. Ей пришлось одеться и уйти, хотя ей очень хотелось залезть в трубу, как это делали ловкие загорелые мальчики, и поплескаться там.

Вечером они с бабушкой поехали в поезде назад. Маруся увидела в буфете пряник, светло-коричневый, облитый белой глазурью, и стала просить бабушку купить. Но бабушка сказала, что нету денег и что Маруся уже сыта. Маруся обиделась. Она смотрела в окошко. Там уже темнело, в окне были одни деревья, кругом лес и лес.

Напротив бабушкиного дома через улицу жила Ленка, подружка Маруси. Ленка была бледная и худая, с черными волосами. У Ленки была старшая сестра - Наташка. У нее тоже были знакомые мальчики, которые часто приглашали ее в парк. Она не любила туда ходить вечером, потому что говорила, что ее могут отьебать. Маруся удивлялась, – почему она не хочет, ведь это же так приятно, но вслух говорить об этом не решалась.

У Наташки был красивый, переливающийся фиолетовым и желтым, кулончик на цепочке, короткая юбка, белая кружевная блузка и черный широкий пояс с золотой пряжкой.

Марусе очень хотелось быть как Наташка. Однажды она потихоньку пошла к ним, там никого не было дома. Она зашла в комнату, открыла шкаф и достала оттуда пояс и цепочку с кулончиком. Потом так же тихонько пошла домой. Дома она надела на себя цепочку и попыталась застегнуть пояс. Но она была толстая, и пояс застегнулся с большим трудом - только на последнюю дырочку. Маруся даже не могла вздохнуть. Ей казалось, что теперь она хоть немного стала похожа на Наташку. Она попыталась начесать волосы у себя на голове, она много раз видела, как это делает Наташка, но так и не поняла, как. От этого все волосы спутывались, но зато голова казалась большой и круглой, как воздушный шар. Но тут подкралась бабушка, набросилась на Марусю и стала орать, что она себя уродует. Маруся даже не слышала, как подошла бабушка, ни одна половица не скрипнула. Бабушка любила подглядывать и подслушивать и ходила бесшумно, как кошка.

В войну она жила в оккупации, но имела связь с партизанами. Она часто рассказывала, как она шла в Киев или из Киева, выводила из окружения какого-то секретаря партии, хранила какие-то передатчики – у Маруси потом все спуталось в голове, и ничего конкретно вспомнить она не могла. У матери бабушки было четырнадцать детей, она была простая крестьянка и всю жизнь работала, они жили в деревне Татарновка. Потом бабушка переехала в Киев, в Дарницу. Во время голодомора в тридцатые годы бабушка

спасла всю их семью, потому что стащила где-то мешок пшена, и по ночам, чтобы не был виден дымок из трубы, они варили его и ели. А если варить днем, то по дыму из трубы специальные отряды определяли, что в доме есть еда, заходили, и забирали все, вместе с кастрюлями и котелками. С того времени отец Маруси очень любил пшенную кашу.

Бабушка приговаривала: "Моя жизнь никто не знает, что я пережила, как я страдала, Боже, Боже!"

А мама говорила Марусе, что у бабушки было много любовников, что она в молодости работала продавщицей в магазине.

В молодости бабушка была довольно красивая и познакомилась со своим мужем, который работал большим начальником в киевском НКВД. У них родился ребенок, марусин папа, а потом муж ее бросил, - мама говорила, потому что бабушка была очень хамская. После этого бабушка вышла замуж за дедушку. Она оформляла витрину и надела на себя красивую юбку. Дедушка ее заметил и потом специально пришел в магазин с ней познакомиться. Он попросил у нее какие-то консервы, а она раздраженно швырнула их ему в рожу, и дедушка ее сразу полюбил.

Потом они с дедушкой построили дом. Дедушка работал на паровозе машинистом и во время войны помогал немцам. У него даже был друг - Ганс.

Дедушка говорил, что при немцах везде был порядок, и они всех кормили. Работать с немцами было одно удовольствие. Но потом, когда наши победили, дедушка уже не писал Гансу и боялся, как бы его не заложили соседи. Но соседи и сами почти все дружили с немцами, и один мужик – его звали Грихаил – вообще стучал у немцев и закладывал всех коммунистов. Потом он тоже затихарился. В соседях у бабушки были одни бандеровцы, а напротив жила белесая, покрытая веснушками баба, которая вообще родила ребенка от немца. Ее все называли попадъей, потому что когда-то давно ее отец был священником.

Обо всем этом Маруся слышала от мамы.

Дедушка с бабушкой часто ругались, и Марусе это нравилось, потому что тогда про нее вообще забывали. Они с Ленкой потихоньку учились курить. Маруся воровала у дедушки папиросы "Шахтерские", и они курили их за солдатским забором. Она только набирала дым в рот, но не вдыхала, поэтому никаких неприятных ощущений не было. Дым выходил изо рта тонкой красивой струйкой. Наташка курила точно так же. Маруся со своим младшим братом Гришей и с Ленкой часто ходили в кино. Они шли через большой парк, который назывался "Парк культуры и отдыха железнодорожников". Они проходили мимо серебряной матери, которая протягивала своего младенца куда-то вверх, и мимо коричневых каменных оленей. Однажды, когда бабушка с Марусей и братом гуляли здесь, они все вместе сфотографировались, и Маруся залезла на оленя. В углу парка стоял старый грязный сортир, и соседи рассказывали, что в нем один мужик утопил свою мертвую жену. Он ее разрезал на куски и утопил там. Маруся боялась этого сортира.

Потом из парка они выходили на асфальтовую площадь, шли мимо стадиона, украшенного плакатами. На плакатах были нарисованы мускулистые загорелые мужики и

бабы в трусах и майках.

Кинотеатр был совсем новый и располагался сразу за парком. Они покупали билеты и долго ждали начала сеанса. В соседнем здании размещался музей революционного писателя Островского. Его можно было посещать бесплатно, и они ходили туда практически каждый раз перед кино. Там были гнутая алюминиевая ложка и вилка, а также потрескавшаяся тарелка и мутный стакан: из них писатель ел и пил. Там же в витрине были выставлены его вышитая сорочка и засаленный военный френч. Еще был обгрызенный карандаш и картонка с пробитыми на ней линиями, при помощи которой он писал, когда окончательно ослеп. В последней комнате в витринах были разложены подарки, присланные на его юбилей разными заводами и фабриками. Особое впечатление производил на Марусю сахарный бюст писателя, который прислал сахарный завод. Ей хотелось отколоть хотя бы кусочек, но наверняка многие посетители думали, как она, поэтому бюст стоял в закрытой стеклянной витрине.

Билеты в кино продавали без мест, и все дети толпились в очереди у стены, а потом, когда двери открывались, бежали и занимали места. Маруся была очень большая и толстая. Один раз какие-то взрослые мальчики с сигаретами уставились на нее, и один из них сказал:

"Гляди яка пузата. Ебана, должно быть".

Это произошло именно в тот день, когда у Маруси было хорошее настроение, и когда она решила, что она совсем не толстая, а, скорее, худенькая. Маруся покраснела, ушла и спряталась в кустах. В кустах валялись пачки из-под папирос, смятые пожелтевшие окурки, какие-то грязные тряпки, и ползали муравьи. Она долго сидела там, думала, но ничего не могла понять. Единственное, что ей было совершенно ясно – надо худеть.

В кино они смотрели в основном индийские фильмы, там все было так красиво, все обнимались и целовались.

Когда Маруся ходила в кино с Гришей без Ленки, им часто встречалась одна и та же пара – девушка в короткой юбке и высокий парень с длинными волосами и вытянутым бледным лицом. Они ходили обнявшись. Марусе они очень нравились, и она все время наблюдала за ними издали, а потом показала их Грише. Гриша с ней согласился, что они очень красивые. С тех пор они стали называть девушку "красавицей". Они даже ходили за ними по парку, стараясь, чтобы их не заметили. Потом как-то с ними опять пошла Ленка, и они показали "красавицу" ей. Ленка внимательно осмотрела ее с ног до головы и сказала:

"Эта ваша красавица, по-моему, беременная".

Маруся покраснела, ей стало очень неприятно, она пожалела, что показала красавицу Ленке, а та все испортила. Ленка часто смотрела, как Маруся ебалась с мальчиками, но сама не хотела, а когда Маруся ее спрашивала, почему, она только уклончиво пожимала плечами. Но она даже предлагала Марусе ебаться у нее за домом на огороде, там никто ничего не увидит, говорила она, и можно это делать даже днем. Гриша тоже иногда смотрел на Марусю и мальчиков.

Маруся мечтала похудеть, но бабушка готовила очень вкусно, и Маруся не могла заставить себя отказаться, да к тому же бабушка и не разрешала не есть. Ночью, лежа в постели, Маруся щупала свой живот и пыталась его втягивать.

У бабушки была картонная коробка, и в ней много пластинок. Маруся часами слушала их. Когда пластинка кончалась, она ставила ее снова. Многие песни она помнила наизусть. "Все ждала и верила сердцу вопреки, мы с тобой два берега у одной реки". Маруся представляла себе какого-нибудь мальчика, что это они с ним два берега, и взволнованно ходила по комнате. Она не знала, кто из мальчиков, с которыми она лежала под забором, нравится ей больше. То ей казалось, что она любит рыжего кривоногого Витальку, то ей нравился больше Юрка с выпученными глазами, а то рябой узкоглазый Алик.

Потом она уехала в Ленинград, ей пора было идти в школу.

В Шепетовку она приезжала почти каждое лето.

Через год она снова приехала и на вопрос: "Ебаться будешь?" - отрицательно покачала головой. С тех пор мальчики, когда они играли вместе, говорили ей: "Маруська, а ну отвернись, я поссу!"

Когда Маруся училась уже в пятом классе, ее отправили в спортивный лагерь. Она ходила тогда в плавательный бассейн. Спортивный лагерь находился в городе Туапсе. Провожал ее туда отец. Он постриг Марусю очень коротко, к тому же она ходила все время в брюках, отчего все принимали ее за мальчика. Когда она села в поезд, там было много девочек, они стали играть в какую-то игру и спросили ее: "Как тебя зовут?" Она тихо пробормотала: "Мура", а они стали называть ее "Шура", потому что подумали, что она мальчик, и одна девочка, самая красивая, с яркими синими глазами и алыми губами стала с ней кокетничать. Потом Маруся объяснила им, что она не мальчик, и все очень удивились. Она действительно была похожа на высокого здорового мальчика в шортах и мужской рубашке. Жить их поселили у какой-то старухи, и она сказала, увидев Марусю:

"Вот хорошо, и парень есть, будет следить за дисциплиной!"

Марусе это даже нравилось, она давно уже хотела быть мальчиком, ходила в брюках и в классе дружила только с мальчиками. В этом доме им выделили самую большую комнату, где стояло десять или двенадцать кроватей, и каждая девочка выбрала себе кровать. Маруся досталось самое плохое место, рядом с дверью, мимо нее все ходили, дверь хлопала.

Рядом с домом был небольшой сад, как у бабушки в Шепетовке, и там росло большое узловатое дерево, на котором висели аппетитные крупные груши. Маруся походила вокруг, посмотрела, и одна груша прямо так и бросалась ей в глаза, так и манила, такая ярко-желтая с красными боками. Марусе ужасно захотелось ее попробовать, она огляделась по сторонам – никого не было – протянула руку, сорвала эту грушу и поднесла к губам. Но попробовать ее она не успела, вдруг на нее обрушился ужасный удар, она чуть не упала, стукнувшись головой о ствол груши. Она подняла голову вверх: над ней возвышался

какой-то косматый старик в старом рваном пиджаке, вытянутых на коленях синих шароварах и резиновых тапках, при этом его пиджак был весь увешан орденскими планками. Маруся не заметила, как он подкрался, он взялся буквально ниоткуда, а может, затаился у нее за спиной, назад-то она забыла оглянуться.

«Ах ты, сука малолетняя, – пробормотал он, – приперлась сюда и думаешь, что можешь гадить? Да я тебе сейчас...», – и он снова занес руку. Маруся, выронив грушу, в ужасе бросилась мимо старика по тропинке к дому, заскочила в комнату, где разбирали свои вещи девочки, и уселась на свою кровать. Она решила, что сюда страшный старик не доберется, во всяком случае, не решится прямо на глазах у всех ее избивать. В это мгновение из-за двери высунулась голова старухи и как будто подмигнула Марусе. Маруся подумала, что та, видимо, уже изучила повадки своего мужа, потому что такое происходит тут не впервые.

У одной девочки с платиновыми белыми волосами, худенькой и загорелой, были очень красивые солнечные очки, с синими стеклами, в белой оправе, треугольные, очень стильные. Марусе ужасно понравилась эта девочка – ее звали Нина – и ее очки, и она сразу решила их украсть. Но как это сделать? Когда пропажа очков откроется, наверняка ведь начнут обыскивать всех девочек, значит, нельзя просто взять и засунуть их себе в рюкзак. И Маруся придумала план. Когда Нина куда-то ушла, оставив очки на тумбочке у кровати, она их забрала и спрятала под кровать, в самый дальний угол, который никак не просматривался даже издали. И стала ждать. При этом Маруся понимала, что во время уборки хозяйка, скорее всего, будет выметать пыль из-под всех кроватей, поэтому нужно как можно скорее забрать очки из этого тайника. Но пока важно было не дергаться и просто на время затаиться.

Нина почти сразу обнаружила отсутствие своих любимых очков, стала их искать, вопить, плакать, устроила жуткую истерику, тут же прибежал их тренер, Владислав Викторович, и велел всем приготовить свои рюкзаки и чемоданы для досмотра. Маруся, внутренне ликуя, открыла свой рюкзак и подвинула его поближе к краю кровати, чтобы было удобнее обыскивать. Естественно, там ничего не нашли, да и вообще нигде не нашли, а после, когда все успокоилось, Маруся достала эти очки из-под кровати и спокойно положила их себе в сумку. Она единственно жалела, что не может их тут же сразу надеть, но ничего не поделаешь, приходилось ждать возвращения домой. К тому же Нина и так как-то странно смотрела на Марусю и, похоже, (или Марусе это только казалось?) подозревала именно ее. Но, конечно же, она ничего не могла сделать, у нее же не было доказательств.

Потом, уже дома, мама сообщила Марусе, что Нина уверена, что очки у нее украли Маруся. А Нина была дочкой капитана дальнего плавания, с которым дружил Марусин отец, поэтому она наверняка рассказала обо всем своему папаше, и это было особенно неприятно. Однако сама Маруся никому ничего говорить не стала. Глупо было бы так поступить после всех тех ухищрений, к которым ей пришлось прибегнуть для получения

этих замечательных очков. Правда, мама Марусе все равно не верила, так как знала об ее преступных наклонностях.

В Туапсе они просыпались рано утром, часов в шесть, и отправлялись тренироваться. Бассейн там был устроен прямо в море, рядом с пляжем, дорожки разделялись толстыми канатами. В первый же день Маруся встретила там жирного мужика в диковинных плавках: плотная ткань у них была только спереди, а сзади красовалась довольно-таки крупная сетка (похожая на авоськи, которые вязал специальным крючком Марусин дедушка в Шепетовке, чтобы потом продавать их на рынке), и сквозь эту сетку просвечивал ярко-красный, в каких-то жутких рытвинах, зад этого мужика – такое впечатление, что его когда-то обварили или облили кислотой. Он стоял на краю мостков и готовился нырнуть в воду. Заметив, что Маруся пристально смотрит на его зад, он какое-то время еще помедлил, чтобы она смогла все внимательно разглядеть, потом ухмыльнулся и прыгнул в море, подняв целое облако брызг.

Однажды у Маруси там украли всю одежду. Она, как обычно перед плаванием, переоделась в специальном приспособленном под раздевалку деревянном сарае, где и оставила свои джинсы, футболку и трусы, надела купальник и пошла плавать. Но когда через пару часов она вернулась назад, на вешалке ничего не было, остались только трусы, сиротливо валявшиеся на деревянной скамье. Маруся долго ходила по раздевалке, везде смотрела, и под скамейками, и во всех углах, однако своих вещей не нашла и поняла, что придется идти домой как есть, в купальнике. Так она и отправилась по пыльным улицам Туапсе. Было жарко, купальник быстро высох, а встречавшиеся ей по дороге бабы в платках и с авоськами смотрели на нее с осуждением, как будто это она специально решила прогуляться в купальнике, чтобы бросить вызов общественному мнению. Маруся вспомнила, как в школе учительница рассказывала им про английскую леди, которая жила очень давно, кажется, еще в средние века, была замужем за графом и как-то раз на пари проехала обнаженной на лошади по городу на виду у его жителей. Вот и Маруся теперь чувствовала себя такой дамой, представительницей высшего света, которая вынуждена идти практически без одежды по улицам незнакомого города в окружении простолюдинов.

У Маруси был друг – Вова Гольдман. Они с ним лазили на помойки, забирались на крыши и бросали оттуда лампочки на головы прохожим. Еще они любили звонить в квартиры и убегать, пока не открыли. Часто они ходили по подвалам, полузатопленным водой, и жгли газеты, освещая ими путь. Однажды они боролись с Вовой на диване, и он стал вдруг задираť ей платье и сильно сопеть. Маруся с большим трудом справилась с ним и освободилась. Вова жил в соседнем доме и часто приходил в гости.

По ночам, когда родители спали, Маруся играла с братом в игру, которую придумала сама. Она ложилась на пол голая, а брат на нее садился. Он трогал ее, и Марусе было

приятно.

Отец Маруси был капитаном и плавал за границу. Как-то они с мамой пошли встречать отца к нему на судно, когда он пришел из рейса. Маруся очень любила порт и корабли, и серое небо, море и чаек, их всегда было очень много, они летали и кричали странными голосами. Она всегда мечтала плавать на таком же белом корабле по серому морю, у морского ветра был прекрасный запах, ей казалось, что это и есть счастье. И потом, спустя уже много, много лет, стоило ей почувствовать морской ветер с запахом водорослей, ее сразу же тянуло туда, к морю, она даже сама точно не знала, куда, просто уйти, уйти в море.

Тогда на корабле была еще одна девочка, и они с Марусей долго бегали по палубе, везде заглядывали, в разные каюты и даже в капитанскую рубку, и в конце попали в машинное отделение. Огромный бородатый мужик с голубыми глазами сказал им: "А во что вы играете? Вот мы, когда были маленькие, играли в доктора, раздевались и смотрели". Маруся захихикала, и они убежали. В коридоре ей захотелось в туалет, но задвижка на двери была сломана. Ее подружка держала ручку, и тут откуда-то появился бородатый мужик, ласково отстранил девочку, открыл дверь и стал смотреть, как Маруся сидит на унитазе. Потом он потрогал что-то у себя в штанах и ушел. Маруся с подружкой побежали за ним и увидели, как он зашел в дверь каюты. Они тоже заглянули туда. Там было сильно накурено, и за столом, уставленным бутылками, сидела компания пьяных мужиков с красными рожам. Они увидели девочек и стали приглашать их:

"Заходите, заходите, у нас здесь и конфеты есть!"

Но Маруся боялась, хотя ей и было интересно посмотреть, что будет дальше. Она бегом спустилась в машинное отделение и затаилась там, между трубами, она знала, что рано или поздно бородатый туда придет, потому что была его смена.

Наконец, примерно через полчаса, послышались шаги, и на трапе показался бородатый, он уже успел выпить, и ноги у него заплетались. Он спустился вниз и зашел в клетку, на которой были нарисованы череп и кости, и стал что-то там ковырять. Тогда Маруся выскочила из своего убежища, подбежала к клетке и повернула в дверях ключ, который бородатый оставил снаружи. Сперва он не понял, реакция у него была замедленная, он ласково улыбнулся и сказал ей:

"А, это ты. Пришла", - и хотел выйти из клетки, но оказалось, что дверь заперта. Он стал трясти металлическую сетку и вопить:

"Открой, а ну открой сейчас же!" - и ругаться матом, а Маруся убежала.

Сверху с головокругительной высоты она оглянулась, трап уступами уходил вниз, там все гудело, и с самого дна, как из преисподней, доносились хриплый рев и звон сетки.

Долго, конечно, он так не просидел, его выпустили, а Марусю наказали. Ее посадили в туалет, который в каюте был вместе с ванной. Туалет был белый, красивый, там все блестело, и Марусе даже нравилось там сидеть.

Отец все повторял:

"Мишка такой хороший парень, зачем это ты его закрыла? И как тебе такое могло в голову прийти? Ну, надо же, не ребенок, а черт знает что!"

Маруся мрачно молчала.

В школе у Маруси были подруги. Одна подруга жила недалеко от Маруси, ее звали Маша Степанова. Маша была черноволосая и черноглазая девочка, очень бойкая и пухленькая. Они ходили вместе в школу и из школы. Однажды, когда они ехали в троллейбусе, к ним прицепился пьяный старик. Ему не понравилось, что Степанова так громко хохочет, а она хохотала непрерывно, и голос у нее был хриплый. "А еще пионэры!" - сказал он. "Пионэры, пионэры", - передразнила его Степанова, а старикан схватил ее за косу и стал трясти. Волосы у Степановой растрепались, шапка упала, а старик все не отпускал ее, он весь побагровел и ругался матом. Маруся подобрала Степановскую шапку. Степанова еле вырвалась от старика, и они выскочили из троллейбуса. Степанова была вся красная, растрепанная и плакала. Правда, это длилось недолго – вскоре они с Марусей уже громко хохотали, передразнивая мерзкого старика.

После уроков они со Степановой часто заходили в ближайший универмаг и воровали там в отделе самообслуживания игрушки и канцелярские принадлежности: тетради, кисточки для клея, пластилин. Потом они выбрасывали все в урну, потому что родители могли спросить, откуда это взялось. Однажды они попытались украсть краски прямо из-под носа у продавщицы, но их поймали и отвели в милицию. Эти акварельные краски назывались «Ленинград» и стоили пять рублей, вообще астрономическая сумма по тем временам, поэтому они лежали ближе всего к кассе. Маруся подошла к ним, встала спиной к продавщице и запихнула коробочку в свою сумку. Однако далеко отойти ей не дали, схватили и потащили за собой, а вместе с ней и Степанову, так как они были вместе. Сперва их отвели в специальную комнатку, находившуюся под самой крышей этого универмага, и при этом вызвали милицию. Степанова рыдала, а Маруся молчала, хотя ей было ужасно страшно. Она слышала, как продавщицы переговариваются между собой. Разглядывая их, они пришли к выводу, что Маруся, «наверное, опытная, а Степанова – в первый раз, потому что плачет». Вскоре пришел молодой милиционер и отвел их в милицию, посадил в какой-то комнатку, но долго это не продлилось, потому что приехали их мамы. Потом они ехали в переполненном троллейбусе, была зима, и рано смеркалось, в троллейбусе было темно, горела одна тусклая лампочка, пахло чем-то мокрым и кислым, и Марусю охватило чувство неотвратимости смерти и собственной беспомощности. Дома Марусю очень сильно избили резиновой дубинкой. Обычно Марусю бил папа, но на этот раз мама сделала это сама. Никакого раскаяния Маруся не чувствовала, воровала она уже не в первый раз. Часто в школе она лазила по карманам в раздевалке, а еще раньше, когда была совсем маленькая, украла у соседской девочки колечки. За это ее тоже сильно избили.

Еще она воровала у отца сигареты "Филипп Моррис" в пластмассовых коричневых коробочках, и они с Гольдманом их курили. После случая с милицией ей запретили

дружить с Машей, и она встречалась с ней тайком. Она вообще поняла, что все надо делать так, чтобы об этом никто не знал, и ничего никому не рассказывать.

В десятом классе она напилась в первый раз на дне рождения у своего одноклассника по прозвищу "Коммунист". Это прозвище ему дали после того, как на уроке истории он заявил, что верит в коммунизм. Коммунист был единственным мальчиком в их классе, который уже давно сношался с девочками, пил и курил. Когда она пришла домой, отец смеялся, но сказал, чтобы этого больше не было. А Марусе понравилось, и она вскоре напилась снова. Когда она возвращалась домой, она долго стояла у парадной и трясла головой, пытаясь протрезветь, но ничего не получалось. Дома отец вопил:

"Посмотри на себя в зеркало, у тебя же глаза стеклянные". Она послушно шла и смотрела, а потом говорила - нормальные. За это ее избивали.

В школе девочки часто рассказывали про наркоманов, и ей это нравилось. Она хотела сама стать наркоманкой. Она попробовала таблетки пентальгина и испытала приятные ощущения. Пентальгин тогда продавали без рецепта, но чтобы поймать кайф, нужно было съесть целую упаковку.

Перед выпускными экзаменами, когда родители уехали в отпуск, к ней в гости пришел Коммунист. Он принес две бутылки портвейна, и они выпили. Потом сели на диван и стали обниматься и целоваться.

"Смотри, – говорил Коммунист, глядя ее грудь, - ведь ты скоро станешь старая и никому не будешь нужна. А баба щипком жива. Давай сейчас...".

Потом они пошли в спальню, коммунист снял с кровати простыню, и они легли на голый матрас. Это была родительская кровать. "Кровь будет", - сказала Маруся. Она боялась, что испачкает матрас, и родители догадаются, в чем дело, а кровь будет не отстирать.

"Может и не будет". - Коммунист залез на нее и стал членом бодро тыкать ей между ног. Маруся вспомнила Шепетовку и канаву под забором, но тогда ей было приятно, а сейчас больно и хотелось только, чтобы от нее отстали. Она потихоньку стала отползать вверх от Коммуниста, потом встала и сказала: "Не получается". Коммунист долго сидел на кровати и рассматривал свой член, приговаривая: "Черт возьми, неужели я старею!" Он встал и голый стал плясать по комнате, потом схватил пустую бутылку и вскочил на подоконник. Окно было открыто, стояла белая ночь, и все прекрасно просматривалось. Маруся испугалась, что его увидят соседи, а потом расскажут родителям, и она сказала ему: "Слезай". Коммунист бросил пустую бутылку во двор, раздался звон. Он соскочил с подоконника и сказал:

"Я восстановился. Пошли опять".

"Нет, – сказала Маруся, – иди лучше домой. Я хочу спать". Ей стало скучно и хотелось, чтобы он ушел.

"Давай на ночь останусь, – сказал Коммунист.

"Нет", – повторила Маруся.

Когда он ушел, Маруся открыла окно у своей кровати и поблевала сверху. Блевотина стекала на подоконник соседей, а потом на сиреневый куст, что рос у Маруси под окном.

Летом железные крыши нагревались на солнце и от них хорошо пахло. Маруся любила лето в городе.

Ее подруга Маша Степанова однажды привела ее к девочке, которая жила на Петроградской стороне. Эту девочку родители отселили от себя, потому что она очень любила трахаться, и к ней постоянно ходили мужики. Особенно ей нравились грузины, она даже рисовала их портреты. Марусе было хорошо у нее, но долго там находиться она не могла, ее все время ждали родители. А когда она приходила поздно, отец сажал ее на стул посреди комнаты, направлял настольную лампу ей в лицо и устраивал допрос, выясняя, где она была. Маруся хотела вообще уйти из дому, но ее отец имел связи с КГБ, и она боялась, что ее все равно найдут. Брат Гриша тоже следил за Марусей и все грозил каким-то Геннадием Аристарховичем, который был другом отца и работал в КГБ.

" Подожди, - говорил Гриша Марусе, - все эти твои гнилые связи рассекретят. Ах, какие там одухотворенные личности! А все они просто говно и ничего больше!"

Маруся не понимала, что Гриша имеет в виду, особой одухотворенности она в своих знакомых не видела. Гриша был младше Маруси на два года, но уже собирался работать в КГБ. Он хотел стать профессионалом.

Маруся продолжала есть пентальгин, а однажды ей попался пузырек с таблетками, на котором было написано "белоид", и она решила попробовать, тем более, что одна девочка сказала ей, что это гораздо лучше пентальгина.

Маруся съела целый пузырек. Сначала ее немного тошнило, а потом стало очень хорошо.

Какая-то огромная пропасть образовалась в голове, и там были даже не видения, а ощущения всяких квадратов, треугольников, они проносились и улетали вдаль, а далеко-далеко была маленькая белая звездочка. Как будто это была сфера, вселенная, обязательно круглая, с зубчатыми краями, и она все время поворачивалась. Она слышала чьи-то голоса: "Открой глаза", но ей не хотелось, ей было хорошо, казалось, что она и не сможет открыть глаза, веки очень тяжелые, глаза заклеены. И от этого глаза как будто поворачивались внутрь, и получался длинный черный коридор, оттуда приходили разные треугольники, квадраты, опять треугольники. Наконец глаза открылись. Она увидела какие-то блестящие огромные четыре глаза, и еще блестели зеркала и металл. Было очень красиво. Каждая блестящая точка многократно повторялась, переливалась и слепила глаза. И как железом по стеклу раздался визгливый женский голос, вобравший в себя всю злобу и грязь: "Вот блядь, ну и хлопот с ней".

"Я все же поступил работать в собор. Когда я туда пришел в первый раз, мне показалось, что там ужасно темно, и какие-то безумные толпы. Старуха у входа не хотела меня пускать без билета, но я сказал, что я по поводу работы, и она пустила, указав на стол в глубине зала. Я пошел по этому огромному залу и сразу же потерял из виду стол и заблудился. Пока я там ходил, я слышал обрывки экскурсий. Почти все экскурсоводы говорили одно и то же, и только одна вопила громче всех про архитектора, построившего этот собор, какой он прекрасный и умный. Мне даже стало интересно, я так и ходил за ней всю экскурсию.

Когда она немного успокоилась и пришла в себя, я спросил ее про стол. Она была не в очень хорошем настроении, но все же показала мне куда-то в угол. Я пошел туда и увидел такую колоду с маленькими глазками и бюстом огромного размера, который она уложила на стол. Я подумал, что это начальница и сказал ей, что хочу у них работать. Тут из-за ее спины высунулась другая, страшная, с серой рожей и очень мило стала меня расспрашивать, кто я и что умею делать. Вроде бы, я ее устраивал, но она колебалась. Наконец она меня спросила, женат я или нет. Я сказал, что в разводе. Ей это, по-моему, понравилось, и она стала расспрашивать меня, почему я развелся с женой, и какая она была. А я ей сказал, что она была жуткая стерва и меня совершенно не понимала, а мне ведь нужно было просто человеческое отношение. Ей это понравилось еще больше, и она направила меня в кадры. Мимо как раз проходила еще одна баба, вся скрюченная и согнутая с выпученными глазами. "Начальница", с которой я разговаривал, окликнула ее: "Надежда Константиновна! Проводите, пожалуйста, молодого человека в кадры!" Та угодливо согнулась еще больше и закивала головой. Я шел за ней и думал: "Боже, какие уроды! Все как на подбор! Просто паноптикум какой-то!" Мы прошли с ней по длинному темному коридору. В тесной каморке огромная курчавая колода в розовом свитерке кокетливо посмотрела на меня и спросила: "А почему вы хотите работать именно у нас?" Я ответил, что интересуюсь религией и вообще памятниками культуры. Тогда она предложила мне писать заявление на музейного зрителя.

Я вышел на работу на следующий день. Я должен был сидеть у входа и показывать посетителям, где собираются группы на экскурсии.

Мне сказали, что туалет раньше находился в подвале, и до него нужно было идти целый километр. Но теперь, когда собор стал зарабатывать валюту, сделали небольшую реконструкцию, и туалет перенесли в алтарь, недалеко от кабинета директора. Это гораздо удобнее, хотя и неприятно, что кабинет директора рядом, и из-за этого можно с ним лишний раз встретиться.

Фарцовщики буквально осаждали собор и мешали мне тусоваться с иностранцами. Почему-то их не трогали, хотя я часто на них жаловался милиционерам. В конце концов,

фарцовщики подарили мне новую английскую шляпу, и я стал пускать их в собор бесплатно.

Постепенно я познакомился со всеми сотрудниками. Самая умная из всех была, конечно, Елена Борисовна, та, на которую я натолкнулся в первый раз, когда пришел. Она знала буквально все, каждую мелочь, каждую деталь. Ее экскурсии пользовались наибольшим успехом у посетителей. Она так любила архитектора, который построил собор, что писала про него роман. Она прямо так всем и говорила, что влюблена в него, и что он спас ее от смерти. Ей было очень плохо, когда она пришла в собор, а теперь стало совсем хорошо... Она вообще очень заботилась о сохранении нашего культурного наследия и по мере сил воспитывала всех некультурных посетителей.

Однажды я видел, как один иностранец подошел к дверям собора и стал их ковырять, он просто хотел потрогать и узнать, из чего они сделаны. Я уже хотел подойти и поговорить, как вдруг вижу, что она подкрадывается сзади. Она завопила: "Вот ду ю ду!" Он так вздрогнул и обернулся. А она опять завопила, еще громче: "Вот ду ю ду!" - и стала бить его по рукам. Он прямо оцепенел на месте, тут на этот крик все сбежались, и его увели. Он так и держался рукой за сердце. Потом Елена Борисовна всем об этом рассказывала и говорила, что это был американец, и что они такие некультурные. Конечно нельзя так относиться к нашей культуре, в чем-то она здесь права, хотя мне не верится, чтобы это был американец, наверное, какой-нибудь наш говноед.

В соборе она неизменно всем напоминает: "Товарищ, вы забыли снять шапку!" И все всегда снимали. Но один раз вышел ужасный скандал. В собор пришли советские офицеры, они были в фуражках, и она на них заорала: "Снимите шапки, молодые люди!" А они не обратили на нее никакого внимания и фуражек не сняли. Тогда она вдруг покраснела как рак и завопила: "Сними фуражку, оккупант проклятый!" А надо сказать, что в то время ограниченный контингент наших войск еще находился в Афганистане, о чем она, конечно, меньше всего думала. Тут они ужасно обиделись и пошли жаловаться директору. Их долго уговаривали, но они стояли на своем и грозили написать в политуправление. Они усмотрели в ее словах какой-то намек. Собрались все научные сотрудники и всячески прогибались перед ними, умоляли их не обижаться и говорили, что она сумасшедшая, но очень несчастная, и что ее терпят здесь только из гуманных побуждений. Услышав про гуманность, офицеры немного успокоились. Тут вызвали Галю, и та провела им экскурсию по собору. Увидев Галю, они совсем растерялись и забыли обо всем. С Галей я тоже дружу, она такая огромная, у нее грудь восьмого размера и громадный взбитый кок на голове, а волосы черные, как у цыганки - она их красит. Правда, на макушке у нее просвечивает лысина, но это не каждый увидит - это на стул надо влезть, чтобы стать с ней одного роста.

Она меня тоже очень полюбила и трепалась со мной, так как она была научным сотрудником, а научным сотрудникам абсолютно нечего делать на работе.

У нее было три мужа. Но они ее совершенно не удовлетворяли. Она никак не могла забыть своего одного друга детства, который ее когда-то очень любил. Она очень жалела,

что не вышла за него замуж, потому что он стал кандидатом наук, и у него даже была машина. Но теперь он женат, у него дети... И вот они случайно встретились – в магазине, кажется, я точно не помню. И она решила: "Хоть разок с ним поношаюсь!" Она, конечно, рассказывала не такими словами, но суть была именно такова. Они с ним поехали на машине за город. Там в машине он ее раздел и вдруг стал делать ей "горяченькие" и "саечки" и даже давать "щелбаны", ей было больно, но она терпела. Она так и сидела голая, вся съежившись, и изображала, что ей приятно, она вся изгибалась и вздыхала, потому что надеялась, что, в конце концов, он ее все же трахнет. Она надеялась, что это у него только прелюдия к главному акту. Но он вдруг остановился и спросил ее: "Тобой никто еще так не обладал?" И она покорно ответила: "Нет, никто!" Она испугалась, что он сумасшедший и задушит ее, если она будет выражать неудовольствие. Не знаю, почему он так поступил. Может быть потому, что они вместе учились в школе, и это связано с какими-то детскими воспоминаниями.

А вообще, все эти бабы в соборе, такие страшные и прыщавые, постоянно говорили про мужиков, они даже сосиску в подвале не могли спокойно съесть без нездоровых ассоциаций - мне они все ужасно остоебенили, особенно тем, что строили мне глазки. Я как-то сидел спокойно на стуле и дремал, то есть работал, и вдруг одна прибегает вся красная, возбужденная и спрашивает: "Куда ты дел мою квитанцию?" Я ничего не понял. Оказывается, ее квитанция об уплате партийных взносов лежала на полке, а я туда поставил свою сумочку, и теперь квитанция потерялась. А она от меня чего-то хочет. Конечно, ясно, чего ей надо, но с этим не ко мне.

Директор нашего музея решил отчислять деньги на Чернобыль и устроил в алтаре собрание. Там поставили цветной телевизор и показали фильм про облученных - пожарников, доярок, колхозников и прочих. Что касается меня, то я гораздо больше боюсь СПИДа, я даже несколько раз проверялся. А однажды мне вдруг позвонили и сказали: "Вы были в контакте с больным". Я чуть с ума не сошел от страха, опять сходил и сдал анализ, а потом подумал: "У нас такие врачи, они даже кровь проверить не могут. Вдруг я болен, а анализ отрицательный". Я стал наблюдать за своим состоянием - я мерил себе температуру, она у меня была 36,9, а иногда и 37. Это меня ужасно беспокоило. Однажды мне показалось, что у меня на ноге какая-то сыпь. Я показал ее Марусику - она как раз зашла ко мне, а она сказала, что мне все кажется, потому что мне нечего делать. В общем, это все были не очень приятные моменты.

Жалко, конечно, денег - лучше бы мне дали мою часть валюты - но все же лучше на Чернобыль, чем неизвестно куда, потому что мне все равно бы не дали.

На собрании выступал сам директор - он очень высокий, у него такая благородная седина, и маленькие глазки, а волоски сзади немного завиваются. Я не думаю, что он их завивает, он, по-моему, натурал, хотя кто-то и говорил, что он стал импотентом после своей службы на подводных лодках во время войны. Там он был политруком, а потом работал в Обкоме партии и хоть и лечился в специальной больнице, но потенцию не восстановил.

Впрочем, наверное, все это сплетни, люда ведь такие завистливые. Когда он смотрел фильм про Чернобыль, то стал вдруг весь красный, будто из бани вышел. Наверное, ему чего-то захотелось, там были такие кадры, просто прелесть, одну такую лапочку показывали в постели... А впрочем, это, конечно, ужасно, ужасно!.. Потом выступала баба, секретарь парторганизации, я ее заметил, еще когда пришел наниматься на работу. У нее тоже был огромный бюст, даже не знаю у кого больше – у Гали или у нее. Правда, Галя высокая, а парторгша приземистая, и такое впечатление, что ее бюст сильно перевешивает спереди, и она того и гляди упадет и уткнется носом в пол. Недавно у нее были неприятности - ее пригласили в общество "Знание" читать лекцию, а она объелась семечками и не смогла прийти. Так она сама рассказывала, я слышал. Хотя теперь она выглядела вполне здоровой и говорила так же бодро, как и всегда. Она мне даже чем-то нравится. Не своим бюстом, конечно, а тем, что она такая простая, хотя отчасти и бюстом, не спорю. Так бы хотелось посмотреть на нее в голом виде – докуда свешиваются ее сиськи – до колен или ниже? Только она со мной не дружит. Она меня совсем не замечает. Говорят, что она была любовницей директора, и что он любит таких низкорослых и огромных баб. Галя мне рассказывала, что он как-то пригласил ее к себе в кабинет и предложил перевести с английского книжку, на обложке которой была нарисована баба с голой жопой, которая, к тому же сидела верхом на дереве. Наверное, занималась там онанизмом. Что было дальше, я не знаю, она не рассказывала.

Вечером после работы я зашел к Марусику домой. Она помогает мне писать письма французской старухе и переводит ее ответы. Марусик знает французский язык. Она написала мне просто очень трогательное письмо, а потом мы попили чаю без сахара, потому что я худею, и она тоже".

Эскалатор плавно спускался вниз...

Маруся боялась ездить в метро. Однажды в вагоне метро ей стало плохо, и она упала в обморок. Ее вытащили на остановке, и баба, торговавшая билетами спортлото, дала ей свой стульчик. Маруся сидела и приходила в себя. Правда, баба дала ей посидеть недолго и вскоре потребовала свой стул обратно. Тогда Маруся села на свою сумку. К ней подошел бородатый мужик и представился "художником". Он сказал, что пишет картину "Похищение сабинянок" и попросил Марусю попозировать. Маруся никогда не видела живых художников, она тогда еще училась в школе, ей было интересно, и она поехала с художником. Художник жил у станции метро "Звездная". Тесная комната была разделена пополам занавеской, в форточку с мясокомбината проникал отвратительный запах. За занавеской едва теплился синий свет, там кто-то шевелился. Марусе стало страшно. Художник пояснил:

"Это моя мама за занавеской. Она совсем не встает. Я ее кормлю. Но ты не бойся, она

нам не помешает. Раздевайся, я буду тебя писать".

Он даже не спросил Марусю, как ее зовут.

"Что, прямо сейчас?" - спросила Маруся.

"А чего откладывать? - спросил художник. - Мне так только скажи - Виталька, давай, - и я уже готов, хоть в баню, хоть куда".

"Нет, спасибо, - сказала Маруся, - я лучше пойду".

"Ну и зря, - сказал художник, - а я хотел тебе такую штучку сделать" - и он показал какого-то жуткого деревянного черта с длинным веревочным хвостом.

"Это кулончик. Может, зайдешь еще?"

"Хорошо, зайду, "- пообещала Маруся.

Эскалатор глухо гудел.

Однажды, когда она училась в десятом классе и после уроков ехала в метро домой, к ней подошел грузин. Маруся не испугалась, потому что он приветливо улыбался, и еще с ним была девица небольшого роста, коротко стриженная, она молчала и тоже улыбалась. Грузин крепко взял Марусю за локоть и быстро-быстро стал говорить:

"Дэвушка, а как нам на улицу Костюшко проехать? Скажи пжалуста, дарагая, пакажи!"

Маруся стала вежливо все объяснять грузину. Они сели в электричку и поехали, потому что им было по пути. А потом Марусе надо было выходить и пересаживаться на другую линию, но грузин ее не пустил. Он встал перед ней и держал за руку, пока не закрылись двери, а потом сказал:

"Поехали, ты нам покажешь, где это!"

Маруся не стала вырываться и поехала с ними. Ей было интересно, что будет дальше. От метро они дошли до улицы Костюшко. У дома грузин сказал ей:

"Давай, пошли с нами. Мы тебя угостим, чаю выпьем!"

Маруся поднялась с ними. Дверь им открыла огромного роста девица с крашеными белыми волосами и черным фингалом под глазом. Грузина, который привел Марусю, звали Гиви, а девушку, что была с ним, Люся. Огромную девицу звали Таня. Все прошли в комнату, где стояла железная кровать и старый приемник. Гиви сел на кровать, а девушки - на стулья рядом с кроватью. Гиви включил приемник, там загорелся зеленый глазок. Маруся вспомнила, что такой же приемник был в Шепетовке и дедушка всегда слушал его на ночь. И Маруся засыпала под монотонный голос диктора с легким акцентом, а зеленый глазок горел долго-долго и продолжал гореть, когда она уже спала.

Здесь в этой комнате приемник успокаивал и навевал приятные воспоминания. Потом пришли еще два грузина. Один был помоложе, худой, кудрявый, а второй совершенно квадратный, волосатый, причем волосы росли у него прямо от бровей. Они долго разговаривали с Гиви по-грузински, причем Марусе показалось, что речь шла о ней, потому что Гиви несколько раз оглядывался на нее. Потом Марусю отвели на кухню и поставили перед ней тарелку с вермишелью и мясом. Маруся не хотела есть и стала

отказываться, но Гиви наклонился и спросил ее:

"Ты что, брэзгуешь?"

Маруся молча взяла вилку и стала есть. Оказалось очень вкусно, там был какой-то острый соус. Потом Таня, подперев щеку ладонью, стала рассказывать Марусе, что грузины в интимных отношениях - настоящие звери и что иметь с ними дело - не дай Бог.

"Видишь? - она дотронулась до фингала. - Это мне Вартан поставил. Просто так, чтобы помнила".

Тут в дверь заглянул Гиви и сказал, обращаясь к Марусе:

"Дарагая, падажди меня, я скоро буду. Только нэ ухади, даждись абизателна".

Хлопнула дверь. Маруся молчала. Таня спросила:

"У тебя есть телефон? Дай мне свой номер, а то я хочу уйти от них, а мне даже не к кому здесь обратиться. Я из Таллина, а здесь у меня ни знакомых, ни родственников нет".

Маруся сказала ей свой номер телефона, ей стало жалко огромную Таню, и к тому же у нее был такой страшный фингал. Но предупредила, что к телефону обычно подходят родители, так что пусть придумает, как назваться, чтобы они не испугались. Потом Маруся встала и сказала:

"Ну, я пошла..."

У дверей ей преградил дорогу высокий грузин.

"Ты куда, дарагая? Разве Гиви разрешил?"

"Да пусти ее, Вартан, - Таня стояла на пороге кухни - Пусти. Гиви сам сказал ей выйти через часик, а сейчас как раз одиннадцать..."

"Ну ладно, смотри, отвечаешь... Иди тогда, дарагая..." - и Вартан широко распахнул перед Марусей дверь. Маруся с облегчением вышла на улицу. Домой она пришла около полуночи, и мама, как всегда, стала ее расспрашивать, где она была, почему так поздно. Маруся сказала, что гуляла с девочками в парке. А на следующий день раздался телефонный звонок. Трубку сняла мама, она всегда сама старалась подойти к телефону. Мужской голос в трубке попросил Марусю. Марусе никогда не звонили мужики, и мама насторожилась.

"А кто это ее спрашивает?"

"А ты сама кто?" - нагло спросил ее голос в трубке.

"Я ее мама, - сказала мама, - а ты кто?"

"А я ее знакомый грузин!"

Тут мама пришла в ужас, она стала кричать, чтобы тот больше никогда не звонил, что Маруся еще учится в школе, что она еще маленькая, и что, если он будет звонить, она сообщит в милицию, и его посадят за совращение несовершеннолетней. Грузин выругался и повесил трубку. Вечером, когда Маруся вернулась из школы, настала ее очередь. Мама билась в истерике, она кричала, что с грузинами ходят последние девки, что даже проститутка не каждая с ними пойдет. Маруся пыталась оправдаться, но получалось очень неправдоподобно, она и сама видела, что это неубедительно. Потом Маруся попросила у

мамы прощения и просила не говорить отцу. Мама обещала, отец уехал в командировку и должен был вернуться через два дня. А когда отец приехал, он был такой довольный, вошел в комнату и спросил: "Ну, как дела?" Маруся как раз сидела перед телевизором, она обрадовалась отцу и сказала: "Все хорошо". А мама многозначительно промолчала, а потом сказала:

"Да, все хорошо. Только Маруся тут... с грузинами познакомилась..."

У отца улыбка слиняла с лица:

"Как с грузинами? С какими еще грузинами? Она что, уже в проститутки записалась?"

В метро Маруся встречалась с Костей. Костя был поэт. Она с ним училась в Университете, а потом какое-то время они жили вместе. Он периодически попадал на Пряжку.

Безумие обычно приходило весной или зимой, когда все таяло, шел мокрый снег, были серые дни, и дул сильный ветер. Этот ветер внушал тоску и странные мысли. Косте нравилось безумие, он становился каким-то другим, все вокруг преображалось, и он чувствовал вдохновение. Костя говорил, что любит холод, а когда становится тепло, он чувствует себя чужим, тепло отторгает его, и только когда холодно, ему хорошо. Он не любил лето. И вообще ему было хорошо там, где всем плохо, потому что там всем так же, как и ему. У Кости были голубые глаза. Маруся увидела его издали, он почти не изменился. Он шел в толпе, но казалось что-то отделяло его будто бы невидимой стеной от остальных. Он был иным. Среди довольных сытых людей, да и вообще среди всех людей он чувствовал себя чужим.

"Привет, Маруся, - сказал Костя, - давно ждешь?"

"Нет, я только что пришла. Вообще, я не люблю метро, в метро мне часто становится плохо".

"Да, - сказал Костя, - в метро есть что-то дьявольское, пугающее".

И он рассказал Марусе, что однажды, когда был в безумном состоянии, хотел поехать к своему другу. Он поехал на метро, но поезд все время шел не туда, или ему так казалось. Объявляли следующую остановку, а Костя точно знал, что остановка должна быть совсем другая, он выходил, садился и ехал в другую сторону, и опять происходило то же самое. Остановка была не та, звучало другое слово, а как найти ту, нужную остановку, он не знал, и помощи попросить было не у кого...

Маруся вспомнила, что один раз, когда Костя опять рехнулся, он позвонил ей и пригласил в гости. Маруся приехала, но его уже не было, а дверь в квартиру была открыта. Она не знала, что делать, спустилась вниз и позвонила Грише. Гриша приехал сразу же, он жил недалеко. Вдвоем они осмотрели квартиру и увидели, что нету телефонного аппарата. Маруся точно знала, что у Кости был телефон, она сама часто звонила от него. Аппарат был

красного цвета.

"Наверное, он ходит по городу с телефонным аппаратом и говорит в трубку: "Але, але, это Смольный? Я Антонов-Овсеенко, прием!" - сказал Гриша совершенно серьезно. Но телефон они потом обнаружили в помойном ведре. А Костя тогда исчез, и его нигде не могли найти.

"Я сегодня случайно увидел газету с фотографией Ленина без бороды и усов – это он в целях конспирации, наверное, побрился. Надо сказать, что узнать его совершенно невозможно. Правда, так он мне нравится гораздо больше - такая лапочка, щечки пухленькие и губки бантиком - просто зайчик! А Марусик говорит, что он жуткий и похож на жабу...

Это Маркс был весь волосатый, бородатый, противно - у него, наверное, весь пиджак был засыпан перхотью и волосами, и воняло от него, наверное, застарелым потом, как обычно от таких натуралов. Маркс - он точно был из натуралов, а про Ленина не знаю, Ленин как-то приятнее.

А мой приятель Колобок не любит Ленина. Мы с Колобком не трахаемся, у нас чисто дружеские отношения. Он и про меня всем говорит, что я по натуре лидер, и его подавляю. Конечно, ему нравятся такие же червяки, как он сам. Он все ищет себе таких в очках, со скрипочками, в общем, вкусы специфические. К тому же он совершенно не умеет даже что-нибудь приятное человеку сказать. Все за мной повторяет. Например, зашла ко мне Марусик, а я ей говорю: "Маруся, какая ты сегодня красивая!" И он тут же то же самое повторяет, прямо при мне. Иногда это меня ужасно раздражает.

Колобок живет с мамой, у него нет никакой личной жизни, мама очень строгая. Когда он ночью возвращается и тихонько открывает дверь, она все слышит и орет ему: "Ну что, блядь, пришла? Где шлялась, сука?" Это же не жизнь, а просто ужас. Мама его уже довела.

А у нас тут в соборе недавно забастовка была. В тот день я пришел в собор с фотоаппаратом, мне его Эдвин подарил. Фотоаппарат очень хороший, японский, на нем написано "Canon", но только без пленки, потому что она дорого стоит, и Эдвин мне пленку не подарил. Я взял его с собой в собор, мне давно уже хотелось получше рассмотреть там на потолке рисунки, ангелов с крыльями и Бога с такой огромной седой бородой, эту бороду я снизу и без фотоаппарата видел. А если смотреть через этот аппарат, то все очень хорошо видно, он все увеличивает. Я пришел и сел, как всегда, на свое место у дверей. Но потом меня моя начальница попросила сменить на обед старушку-смотрительницу, и я очень удачно разместился в центре собора на стуле и стал рассматривать через аппарат потолок, и там были голые мужик и баба, Адам и Ева, наверное, те самые, что жили в раю, а потом трахнулись. И я стал рассматривать этого Адама. Он был ничего, симпатичный, только толстоват. Я все никак не мог рассмотреть, какой у него член, потому что на том месте он

держал руку. Рука была довольно большая, и можно предположить, что и член такой же. Я долго-долго смотрел, и мне показалось, что внизу из-под руки выглядывает кончик. А Ева была просто отвратительная: жирная, вся опутанная волосами и какая-то тошнотворно-жеманная, совсем как моя подружка Галя. Я невольно перевел взгляд на Адама. У меня дома есть такой журнал, специально для наших, и там в разных позах изображены голые мужики, такие красавцы, у меня всегда встает, когда я его рассматриваю. Особенно мне нравится там один, с такими узкими бедрами, кудрявый, с огромным членом. Лицом Адам на него чем-то был похож. Я почувствовал настоящий кайф, и сидел на этом стуле и думал, что неплохо бы мне сходить в алтарь, в туалет, я уже чуть-чуть не кончил. И тут я услышал чей-то отвратительный визгливый голос: "Это что такое? Это что за безобразие? Кто это вам здесь разрешил фотографировать? Чем вы на работе занимаетесь? Как ваша фамилия? Кто вас, собственно, на работу принимал?" Я опустил фотоаппарат. Передо мной стоял директор, весь красный, с отвратительной рожей, это мне сразу бросилось в глаза после Адама! Какой мерзкий голос! Он был вне себя от ярости. Я сказал ему: "Извините меня, Виктор Афанасьевич, если я сделал что-нибудь недозволенное, но мой фотоаппарат не заряжен, в нем нет пленки. Вот посмотрите", - и я протянул ему мой фотоаппарат, хотя я его вообще никому никогда не даю, даже посмотреть, а то сломают еще. А он с таким отвращением скривился, будто я ему жабу протянул и говорит: "Зайдите, пожалуйста, ко мне. В час будет собрание Совета трудового коллектива, как раз и объясните ваше поведение. А то совсем распустились, забастовки разные, понимаете!.." Я так удивился, у меня просто дыхание перехватило от подобной несправедливости. Я шагнул к нему и говорю: "Виктор Афанасьевич, что вы, какая забастовка, я же просто сидел и работал!.." Но он даже не дослушал, махнул рукой и отправился в алтарь, в свой кабинет. А я смотрю - все по собору как тараканы бегают туда-сюда, туда-сюда, никто со мной не разговаривает, просто дурдом какой-то. Тут я вижу - идет поклонница архитектора, вся такая гордая, прямо вышагивает, а вокруг нее шестерит, так и вьется главный хранитель, он, по-моему, татарин, у него и имя какое-то нерусское, Шамиль, что ли. Маленький, очкастый, плюгавый, я его один раз за мальчика принял. Он стоял, наклонившись, в углу и что-то там рассматривал, а я тогда тоже замечал старушку-смотрительницу и тихонько подошел к нему сзади. А он так раком и стоит. Я так нежно его за задницу приобнял и говорю строгим голосом: "Мальчик, ты что это тут хулиганишь? У нас мрамор нельзя ковырять!" Он обернулся, весь красный, очки на носу блестят и говорит: "Я вам не мальчик! Я главный хранитель! А вот вас я не знаю!" А мне, честно говоря, до фени, главный он хранитель или младший, единственно, я испугался, что он директору пожалуется. Но он, к счастью, не пожаловался. И вот теперь он бегал вокруг этой бабы и что-то возмущенно верещал, а она как будто и не замечала его вовсе, и шла так, будто подвиг какой совершила, будто ребенка из пожара спасла. А когда проходила мимо меня, то вдруг остановилась и говорит: "Здравствуйте, Павел!" До чего ненавижу, когда меня так называют, просто прибил бы. Но я, конечно, улыбнулся ей и сказал: "Здравствуйте, Елена Борисовна! Что это вы, с

экскурсии идете?" А она уставилась на меня с таким удивлением и возмущением, будто я не просто вопрос ей задал, а смертельно ее оскорбил и унизил. Тут она мне и выложила, что сегодня она по призыву академика Сахарова провела в соборе предупредительную забастовку в поддержку требования отмены шестой статьи Конституции. Забастовка продолжалась пятнадцать минут, и ее поддержали кассир Нина и музейный смотритель Авдотья Павловна, которые помогли ей перекрыть вход и не пускать посетителей в собор... Тут только я понял, о чем говорил директор, и откуда весь этот шумер вокруг. Нину я знал плохо, вроде бы, это была молодая девица, откуда-то из провинции, которая пришла работать в собор уже после меня. А вот Авдотья Павловна - смотрительница - это да. С ней шутки плохи, это такая суровая старуха, которую боятся даже все фарцовщики, и она всегда в разговорах в подвале выступает за Сталина... А вот что значит шестая статья и зачем ее отменять, я не знал, но глаза Елены Борисовны так сверкали, что я почувствовал, что лучше сейчас ее об этом не спрашивать. Я прямо обалдел. Я подумал, что она рехнулась. По правде говоря, я о ней был лучшего мнения. Это же надо было до такого додуматься! А ведь ее директор так ценил, мне Галя говорила. И так себе на голову насрать! По призыву академика Сахарова, видите ли! Да он просто из ума выжил, так же как и эта старушка-сталинистка, она еще кошек любит и занимается на курсах флористики, т.е. клеит цветочки на бумажки, она сама мне об этом рассказывала. Но только академику все равно ничего не будет, а вот ее с работы выгонят! Да, вот это событие! Поэтому и директор такой злой был, и на меня набросился! Это же все из-за нее! Тут я увидел Галю, и она мне подробно рассказала, как было дело! Оказывается, в одиннадцать часов эта полоумная вдруг вскочила и с криком: "Бастуем, бастуем!" - выбежала из собора. Все вокруг подумали, что она шутит, все уже давно привыкли к разным ее заебам. А она, не встретив поддержки у экскурсоводов, помчалась в кассу. Там как раз работала эта девица, она новенькая и ничего не понимает. Может, она решила, что это приказ директора, может, ей показалось, что бастует весь музей, а только она сразу же кассу закрыла и села курить. А эта безумная старбень тоже была рядом, и, услышав вопли про забастовку, схватила огромную железную решетку, поволокла ее и перегородила вход. И тоже завопила: "Забастовка, забастовка!" А на улице, между прочим, был мороз, и там было много детей, они мерзли, как раз были школьные каникулы! И там была огромная очередь, а еще эта дура закрыла кассу! Нет, это же надо! Это же надо так мозги людям заебать! Мало того, что она там детей и стариков морозила, так еще и мне насрала! У меня такая злость на нее, просто ужас! Я бы ее задушил!

Тут черт принес этого Шамиля, и он позвал меня к директору! Я пришел в кабинет, вежливо поздоровался со всеми и сел подальше от этой ненормальной. Она уже была там, вся бледная и гордая собой. Ее попросили рассказать, как было дело, и почему это ей вдруг такое пришло в голову. Она встала, вся затряслась и стала вопить, прямо как с трибуны. Она вопила про партию, про шестую статью, что она против нее, и про академика Сахарова, какой это замечательный человек. Я с ней, конечно, кое в чем согласен, мне тоже не нравятся всякие партийные, но ведь среди них есть и хорошие, настоящие коммунисты, и

причем здесь дети, почему они должны страдать. Ей, кстати, так и сказали, и Шамиль выступал, и парторг, и даже Галя. Я с ними был согласен. Я даже сам хотел выступить, я подумал, что тогда, может, меня не будут так уж ругать. Но мне директор не дал, он заставил меня писать объяснительную записку, а сам как начал, и пошел, и поехал. Он все смешал в кучу, и забастовку, и меня. Он вопил, что был ранен и даже показывал всем шрам на голове! О господи, как мне повезло! Это же надо было так влипнуть! Эта дурацкая забастовка продолжалась минут пятнадцать, не больше. А она, оказывается, уже и на телевидение позвонила, хотела выступить и рассказать про свою позицию - она сама проговорила. Ну, в общем-то, даже и неплохо было бы, если бы меня показали по телевизору, я как раз в тот день прекрасно выглядел, и на мне была моя любимая шубка из волка. Веня бы меня по телевизору увидел, так просто упал бы!

А потом встала моя начальница и сказала, что я не оправдал ее надежд. Директор покачал головой, и меня отпустили. Но я остался стоять у кабинета, чтобы потом зайти и попросить прощения у него. Скоро все разошлись, и он остался один. Я заглянул в дверь и спросил: "Можно?" А он так приветливо: "Заходите, заходите, Павлик!" Я зашел и сказал, что признаю свою ошибку. Что такое больше не повторится, что я буду работать хорошо, мне очень не хотелось отсюда уходить, мне там уже понравилось, и я привык. А он говорит: "Ну, хорошо, Павлик, только вы должны договориться с вашей начальницей. Я-то против вас ничего не имею, но она очень агрессивна настроена. Уж такой она человек, никак ее не убедишь. Поговорите-ка с ней!" Я обрадовался. Выскочил из кабинета, думаю: "Ну эту-то я уговорю, она ко мне хорошо относится!" Вижу, а Галя стоит и меня ждет. Она так печально кивает головой, как огромный слон, и говорит мне сочувственно: "Ну что, выгоняют?" Я решил пойти с ней покурить, а потом уже к начальнице сходить, до конца работы оставалось еще много времени, а она никогда раньше времени не уходила, наоборот, всегда старалась на полчаса дольше пересидеть. Мы в подвал спустились, и я Гале все рассказал, я был просто счастлив! А она смотрит на меня так грустно-грустно и говорит: "Ты разве не знаешь? Это он всегда так делает. А как только ты из кабинета вышел, он снял трубку и твоей начальнице позвонил. И сказал ей, что ты должен быть уволен, что это приказ. Так уже много раз было. И что, ты думаешь, она тебе после этого скажет? Пусть она тебя хоть как любит, все равно с директором ссориться не станет, и ты вылетишь отсюда, как миленький. Поэтому, советую тебе, и не пытайся, все равно не выйдет! Лучше сам пиши заявление". Я ей не поверил, подумал, что это она против меня интриги плетет, и все равно пошел к начальнице. Но она стала так извиваться, как будто ее на раскаленную сковородку посадили, я ей одно, она мне - другое. И все получается, что меня никак нельзя в соборе оставить. Под конец она мне так надоела, я взял и написал заявление! Ну и сволочи, я таких просто за всю жизнь столько в одном месте не встречал!

Но только я все равно решил не сразу уйти, а так написал, чтобы еще месяц поработать. Мне как раз до Западного Берлина, и деньги будут".

Марусе еще нужно было встретиться с Гришей.

Она шла вдоль огромного серого дома. Гриша стоял на углу уже давно. Они пошли вместе, впереди шли какие-то девицы.

"Карлицы, ужасные карлицы, жуткие прыщавые карлицы. Они живут и радуются, они думают, что они решают все сами, но их жизнь уже заранее predetermined, их судьбы вершатся свыше", - пробормотал Гриша.

"Это ты про Бога, что ли?" - спросила Маруся.

"Неважно, ты прекрасно знаешь, о чем, - сказал Гриша, - хотя пусть так: просто могучие силы природы и инстинкты определяют всю их жизнь. А им кажется, что это они - ее хозяйка". Одна из девиц обернулась, посмотрела на Гришу и дико захихикала. Гриша - огромного роста, толстый, с желтыми зубами, в ложной шапке-ушанке, какие обычно носят женщины, и в дорогой дубленке - злобно сплюнул в сторону и, ускорив шаги, перегнал девиц. Маруся начала было говорить, но он зашипел: "Тише, тише..." - и стал оглядываться по сторонам. Маруся уже давно не видела Гришу и отвыкла от его поведения. Любой прохожий вызывал у Гриши подозрение, смешанное со злобой. "Ну и рожа", - постоянно повторял он. Детей он тоже ненавидел. "Бегают тут всякие вовики, хуевики, блин..." - говорил он, завидев ребенка. Марусе казалось, что вряд ли Гриша сможет работать в КГБ и даже хорошо, что его туда не берут. Хорошо хоть, что Грише удалось вступить в партию, он этого тоже очень хотел.

Гриша был младше Маруси на три года и учился с ней в одной школе.

Однажды в метро пьяные хулиганы отняли у него знамя, которое ему поручили отнести в школу после первомайской демонстрации, и побежали, размахивая им, по эскалатору. Гриша за ними, конечно, не погнался, а подошел к милиционеру и сделал заявление. Милиционер записал приметы этих хулиганов. Все же Гришу в школе ругали.

У Маруси в школе тоже был случай, связанный со знаменем. У них в классе было очень мало мальчиков, да и те, которые оставались, никак не хотели ходить на демонстрацию, поэтому нести знамена поручали девочкам. Они установили очередь, чтобы никому не было обидно, и часть пути должна была нести знамя Маруся, а часть - другие девочки. И она его несла, но ей это скоро надоело, знамя было тяжелое, и нести его было очень неудобно, на конце у него был острый шип, и приходилось следить, как бы им кого-нибудь не поранить. Была такая хорошая погода, светило солнце. Маруся могла бы вообще незаметно выйти из колонны и пойти гулять, а вместо этого ей приходилось тащить это проклятое знамя. Она решила избавиться от него и попросила девочек передать знамя девочке из другого класса, как будто была ее очередь нести знамя. Маруся знала, что знамя нельзя не брать, ведь не может же она его бросить. Но та девочка быстро догадалась, кто передал ей знамя, и послала его обратно Марусе. Маруся ужасно разозлилась, что ее план не удался, а знамя уже дошло до нее, ей его протягивали, но она его не брала. Девочке

надоело протягивать знамя Марусе, и она просто прислонила его к ней. Маруся стояла и курила, знамя лежало у нее на плече. Тут колонна тронулась, и Маруся вместе со всеми шагнула вперед. Знамя покачнулось и упало.

Разразился ужасный скандал. Их классная руководительница стала вопить так, будто ее режут. Прибежала директриса и другие учителя, прибежал и мужик, ответственный за комсомольскую работу в школе, его звали Владимир Андреич. На Марусю так кричали, что она вообще перестала что-либо соображать.

На следующий день в школе было заседание комитета комсомола, разбирали вопрос о поведении Маруси, почему она бросила знамя. Перед этим ее подруга Степанова сказала Марусе, что ей дадут такую характеристику, что и в тюрьму не возьмут, и посоветовала осознать и раскаяться. Маруся еще до заседания подходила к комсorghу их класса и, пытаясь прослезиться, говорила, что, мол, как она могла бросить знамя, то есть, не бросить, конечно, а просто отойти в сторону от знамени, ведь знамя было к ней прислонено, а ведь наши деды проливали кровь за это знамя, и даже во время войны некоторые бойцы обматывали себя знаменем. Комсорг недоверчиво смотрела на Марусю, но все-таки на заседании комитета комсомола она сказала, что Маруся раскаивается.

Сама Маруся никак не могла объяснить свое поведение, она только бубнила, что знамя к ней прислонили, и что она не нарочно и больше так не будет. За Марусю вступился еще и ответственный за комсомольскую работу в школе Владимир Андреич. Он вообще сказал, что Маруся очень ответственный товарищ, и что она всегда прекрасно выполняла любое комсомольское поручение. Марусю это очень удивило, но она была ему благодарна. Потом, уже много позже, она узнала, что Владимира Андреича посадили за соращение несовершеннолетних, что он жил с одной комсомолкой из их школы, и она даже от него забеременела.

Гриша же, узнав про тот случай со знаменем, вообще долгое время с Марусей не разговаривал.

Единственный раз в жизни Гриша связался с бабой, она была дневальной на судне. Но мать запретила Грише на ней жениться, она сказала, что эта баба блядь, раз она плавает среди мужиков, и что Гриша испортит себе жизнь. Она потом отсудит у него половину жилплощади и будет водить к себе мужиков, так говорила мама. После этого случая Гриша с бабами не связывался, а если ему предоставлялся случай, он прежде всего старался узнать ее биографию. В общем-то, на этом все и кончалось, потому что всегда находилось что-то такое, что Гришу отпугивало и могло воспрепятствовать его назначению в КГБ. Потом он все же познакомился с одной толстой бабой, она очень хорошо готовила и сама любила пожрать. Она два раза приезжала к нему домой вечером и даже один раз осталась на ночь. Она хотела, чтобы Гриша дарил ей чеки на "Альбатрос" и разные подарки. Но после того как один раз переспала с Гришей, стала всем рассказывать, что это слишком противно и что больше это не повторится.

Марусе было жаль Гришу, она видела Таню, так звали ту дневальную, в сущности, она была единственным человеком, который его понимал, а он был совсем как ребенок.

Когда Гриша был маленьким, марусин отец постоянно следил за ним, не занимается ли он онанизмом. Гриша спал, спрятав руки под одеялом. Отец его от этого отучал. Он часто приходил ночью с карманным фонариком в их комнату и долго сидел и следил. Маруся не могла заснуть, и Гриша тоже не спал. Если отец замечал что-то подозрительное, он бил Гришу. Гриша громко ревел, но Марусе так и оставалось непонятно, занимается он онанизмом, или нет.

Еще Гриша в детстве любил "указывать". У него была такая палочка, которую он называл "указка". Он играл с ней и что-то чертил на земле. За это его тоже преследовали, считалось, что в этом есть что-то ненормальное и что, если Гришу не отучить вовремя, то он вырастет сумасшедшим. Он прятал свои "указки", их находили, ломали, Гриша плакал, ему нравились это тонкие веточки, так красиво скользившие в мягкой пыли и чертившие в ней прекрасные узоры. Маруся тоже помогала искать "указки" и сообщала, когда он заводил новые - в общем, с ним долго мучились.

Когда Гриша пошел в школу, он учился хорошо, и вообще, был послушным мальчиком. Но отец хотел воспитать из него настоящего мужчину и требовал, чтобы Гриша дрался. Гриша драться не хотел, но отец его наказывал, и поэтому он стал придумывать разные истории с драками.

Маруся шла по темной улице мимо ободранных домов, из подворотен воняло дерьмом, потому что пришла весна, и все разлагалось. Мимо проезжали машины, от их дыма и гари небо казалось желтым. Маруся остановилась на набережной и закурила. Она смотрела на темную воду канала, на плавающую грязь.

Потом она зашла в пирожковую. Там у прилавка стоял молодой человек, у которого было только пятнадцать копеек, и вслух считал, может ли он купить себе бульон и два пирожка. Хватало только на один.

Маруся в душе завидовала ему. Ей вдруг захотелось жить так, "как птицы небесные", не знать, что будет завтра, и никогда ничего не иметь, или хотя бы никого не любить, чтобы можно было всегда все бросить и уйти. И начать сначала.

Она вспомнила "Сайгон". Там всегда было много народу, все целыми днями пили кофе, потом курили на улице, потом опять пили кофе. С сахаром, без сахара... Некоторые кололись прямо через рукав тут же на подоконнике. Одного из них она хорошо помнила, его звали Родион.

Родион любил повторять: "Рождение - это зло, жизнь - это страдание, и только со смертью достигаешь нирваны". Родион часто рассказывал об этом всем, кто стоял рядом, и все слушали, развесив уши. Он был очень популярен, и многие все повторяли за ним. Но Маруся знала, что он просто шутит, так он развлекался. И в остальных она не видела

действительного желания отречься от мира. Просто закомплексованные и неполноценные придурки, несчастные, конечно...

Маруся сама часто думала о смерти.

В десятом классе она даже решила пойти работать в морг, обмывать трупы. Кто-то ей сказал, что за каждый обмытый труп платят пятнадцать рублей. Недалеко от их школы была больница и при ней морг. Они часто проходили мимо этого домика, в окнах там горел синий свет. Они с подругой посоветовались и решили, что это огромные деньги и что, конечно, трупы обмывать не очень приятно, но они обмоют первый, купят бутылку коньяку за пятнадцать рублей, выпьют, а дальше уже все пойдет как по маслу.

Они долго собирались туда пойти, но никак не могли решиться. Наконец весной, в день рождения Ленина, 22 апреля, они в веселом настроении все же туда отправились. Они были в белых фартуках с оборочками. Подойдя к домику, постучали в дверь. Никто не ответил, они толкнули дверь, она легко открылась. Перед ними был длинный коридор, синие стены. В конце коридора за столом сидела женщина в белом халате. Она посмотрела на них и сочувственно спросила:

"Девочки, вы что, кого ищете? Кто у вас здесь?" Подруга вдруг испугалась и стала дергать Марусю за рукав и шептать: "Пошли отсюда, пошли!" Но Маруся решила довести дело до конца.

"Вы знаете, - начала она. - мы бы хотели устроиться к вам на работу".

Женщина вытаращила глаза: "На работу? Какую работу?"

"Ну, трупы обмывать. Нам сказали, что за это хорошо платят".

Женщина так и остолбенела с открытым ртом. В ее глазах появился ужас. Наконец она проговорила: "Девочки, если вам надо подработать, идите на "Ленфильм", а здесь здоровые мужики с трудом справляются".

"А что, они такие тяжелые? - не отставала Маруся. - Мы думали, их на пол и из шланга..."

"Да, тяжелые, очень и вообще... Вы не сможете..." - устало ответила женщина.

Тут Маруся отошла в сторону, и ее взгляд случайно упал на приоткрытую дверь, где она увидела чье-то голое мускулистое плечо и лысую голову. На железной каталке лежал мужик; то есть "это", синевато-серое, жуткое, неподвижное, когда-то было мужиком, а теперь "это" было тем, что они собирались обмывать. Маруся поскорее отвела глаза. Ее затошнило, и ноги стали ватными.

"Идите, идите отсюда", - женщина пошла вслед за ними и закрыла дверь.

На улице светило солнце, уже появились зеленые листочки. Маруся оглянулась на окно морга, там по-прежнему горела синяя лампочка.

"Пойдем, покурим, "- стараясь говорить бодро, предложила Маруся подруге. У подруги лицо было зеленого цвета. Она дрожащими руками достала из портфеля пачку болгарских сигарет "София", это были длинные сигареты белого цвета, "долгоиграющие", как они их называли, зашли в парадняк и поднялись на самый верхний этаж, к чердачной

двери. Здесь им никто не мешал, они долго курили, стараясь заглушить все преследовавший их неприятный запах. Напротив было тусклое, невымытое и серое лестничное окно, и казалось, что во дворе пасмурно.

Все стало сплошным туманом из которого лишь изредка выплывали безобразные рожи сморщенные кривые подслеповатые иногда встречались красные с мутными глазами Приходилось идти ощупью опираясь на вехи на палочки не зная где они попадутся Золотые звездочки вихрем поднимались вверх и лицо со злобным прищуром расплывалось становилось огромным потом их становилось много Вокруг бегали крысы и тараканы Крысы обнаглели они лезли пищали у них были длинные голые хвосты и человеческие морды

В огромной черноте отделялась какая-то плоскость и медленно опускалась потом все менялось местами Вдруг получился колодец в него тянет тянет Хлопнула дверь Там за дверью в ванной заперлась она чтобы не слышать этот странный голос который все говорил и говорил без остановки Голос менялся то высокий то низкий переходил в визг в шепот не умолкая Стулья расставлены вокруг стола Сейчас сюда придут люди много людей Они будут говорить все выяснится надо купить что-то к чаю Можно и не ждать они уже пришли они говорят

Если открыть окно и прыгнуть то полетишь Это искушение от Дьявола Но ведь полетишь иначе как проверить?

Не мешайте Он говорит и его слышит вся страна Железный голос проникает всюду сквозь каждую дверь окно слышат все никто не может от него скрыться

Когда идет дождь можно спокойно и долго спать и приятно слышать как он стекает на жестяной подоконник.

"Галя мне сказала, что при увольнении меня, наверное, лишат премии. Насмешили! Мне их премию Гюнтер выплатит в десятикратном размере, когда приедет. Хотя, конечно, жалко денег, вообще-то, я не миллионер. Я же тоже должен его принять, а для него всю жратву на рынке покупать нужно, того он не жрет, этого он не жрет. Если бы он не был иностранцем, я бы ему сказал! Мы зашли с ним в кафе-автомат на Невском, так он заявил, что это как хлев, следовало бы сделать там жестяной желоб и привязать на цепочках много ложек - чтобы все хлебали. Большая экономия на посуде и посудомойках. Он даже поспорил с моей соседкой Шуркой. Она ему доказывала, что в кафе-автомате все очень вкусно. Наверное, боялась, чтобы он на нее куда-нибудь не наступал.

Вечером мы с Марусиком должны были идти в ресторан. Я познакомился на пляже с

двумя австрийцами, одного зовут Торгом, другого - Клаус. Они приехали сюда изучать русский язык. У Торгома мать армянка. Они хорошо говорили по-французски, а по-русски только учились, поэтому Марусик должна была мне все переводить.

В восемь часов Марусик зашла за мной. Она очень странно нарядилась, в какую-то розовую ночную рубашку с вышивкой на рукавах. Но я ей, конечно, сказал: "Марусик, куколка моя, какая ты красивая!" Я всегда так говорю бабам. На них это хорошо действует. Я же надел свои любимые черные брюки и зеленую шелковую блузочку с застежкой сбоку, она вроде косоворотки. На ноги я надел коричневые туфли на каблучке с серебряной пряжкой, расчесал волосы, они у меня так прекрасно лежат, что и фен не нужен - вымыл голову, расчесал - и готово!

"Ах, Павлик, ты просто красавец!" - сказала мне Маруся, и мы пошли пешком по Фонтанке.

У ресторана мы с Марусиком ждали довольно долго, вокруг сновали какие-то подозрительные личности, и я уже начал нервничать. Мы с Марусиком были так прилично одеты, и они вполне могли нас ограбить, и никто бы за нас не заступился. Мы уже хотели уходить, потому что решили, что эти австрийцы не придут, но они, наконец, появились. Они очень извинялись, что задержались, но мы сразу так стали улыбаться, и Марусик по-французски загундосила.

У меня в этом ресторане работает знакомый официант, Леша, в молодости он был просто красавец - на Рейгана похож. Сейчас, конечно, тоже еще ничего. Леша принес нам разной колбасы твердого копчения, она была так красиво нарезана, с помидорчиками и огурчиками, и листьями салата, потом мясо в горшочках с грибами, очень вкусное, и было много водки и вина. Почему-то я очень загрустил, и мне захотелось выпить. На сцене прыгали и извивались жопастые бабы, и там сделали такой свет, как будто летят снежинки. Бабы все были одеты в купальные костюмы с блестками, на них все блестело и сверкало. Оркестр заиграл "Розовые розы Светки Соколовой". Ой! Это была моя любимая песня, я просто не мог усидеть на месте. И мы пошли танцевать. Рядом с нами танцевали две престарелые Дюймовочки. Они явно прорюхали кость и пытались протиснуться поближе к нам. Наверное, познакомиться хотели.

Мы так прыгали, что я весь вспотел, и мне захотелось в туалет. Там возле туалета стояли какие-то фарцовщики, и я побоялся туда идти, решил лучше потерпеть. Мы сели за стол и стали разговаривать. Я сказал, что Марусик в курсе наших гомосексуальных проблем. Торгом спросил: "Ну, Маруся, конечно, не замужем?" Он решил, что она лесбиянка. Но я сказал, что это не так, что у нее есть какие-то там мужики. Торгом сказал, что у них в Австрии плохо, что там над гомосексуалами смеются, например, у себя на работе он должен всячески притворяться. "Ну как, например, смеются?" - спросил я. Мне это было интересно, потому что у нас-то ясно, что я не буду афишировать свои наклонности, иначе меня могут упрятать за решетку. Он сказал, что они издают разные звуки и крутят жопой, или поют песни, и это оскорбляет его чувства. Я его очень хорошо понимаю, все же люди в

основном – ужасные грубые скоты, и это везде так, везде, не только у нас. Торгом выпил и так расчувствовался, что чуть не плакал. А Маруся тем временем стала подклеиваться к Клаусу, у него были такие красивые глаза, и он был помоложе, видно, она забыла, что я тоже здесь. Я строго сказал ей: "Марусик, ты что это, моя куколка, так расслабилась?" Она покраснела и отодвинулась, все же слушается! После этого у меня немного сбилось настроение, и мне расхотелось откровенничать с Торгомом. Все равно было видно, что он на меня клюнул и никуда не денется, а мне еще больше захотелось в туалет, и я решил идти домой. Было уже поздно, и к тому же время наступало опасное - могли убить, раздеть, все, что угодно. Мы вышли на Невский, кругом уже зажигали фонари, они были такие красноватые, и я удивился, потому что привык, что они обычно зеленоватые, наверное, это была новая система. Такой свет, по-моему, даже приятнее, он веселее. Рядом с рестораном стоял милицейский козлик, и там сидели в темноте квадратные менты. Я так и почувствовал, как они уставились на нас, как они приготовились выпрыгнуть из этой своей коробки и наброситься. Мы поскорее спустились в подземный переход, там попрощались с Торгомом и Клаусом, и они пошли в метро, а мы с Марусиком - домой. Сперва мы зашли ко мне, потому что она оставила у меня свой пиджак. Я сразу стал звонить Вене, потому что я, когда пьяный, всегда ему звоню. Я все же его люблю и не могу забыть, хоть он мне и сделал много гадостей. У него такая волосатая грудь, и он очень умный. Недавно он завел себе большую собаку, где он ее взял, я ума не приложу. Это овчарка, кобель, конечно. Он Веню очень любит и даже спит с ним вместе. Правда, он слишком много жрет, на него столько денег уходит, сплошное разорение, я бы не стал его кормить. Веня видел и Марусика. Еще очень давно, когда мы с Марусиком были молодые и красивые, мы приходили к Венечке, но в квартиру мы не зашли. Мы были с ней пьяные в жопу. Тогда мы пили весь день с самого утра и все переходили с места на место - то приходили к Марусику, то ко мне, то к знакомым. Выпили мы тогда за весь день три бутылки напалмовки, это вьетнамская водка, она тогда продавалась в магазинах - и только поздним вечером зашли к Вене. Ему Марусик тогда не понравилась. Он сказал: "Она была совершенно пьяная и глаза у нее были стеклянные". Ему понравилось только ее имя, он сказал: "Маруся - хорошее имя, простое и не выебистое". Я это так хорошо помню - мы с Марусиком стояли на ободранной лестнице, и стены вокруг были исписаны и разрисованы, и даже у Вени на дверях было что-то нацарапано. Я тоже был пьян, и у меня тоже были стеклянные глаза.

Я пошел к Вене, потому что мне было так грустно, а он живет рядом. Веня тоже был один и смотрел телевизор. Телевизор у него японский, и видик тоже есть. Было уже поздно, и он смотрел видик. Я вспомнил, как мы с Веней познакомились, как он помог мне, и он тоже был такой грустный. Нежность переполняла меня, я обнял Венечку, и мы поцеловались. Потом он посмотрел на меня и сказал: "Ты меня совсем забыл..." При этом рот у него приоткрылся, и нижняя губа задрожала, а на глазах показались слезы. Глаза у него все еще очень красивые. Мне стало его так жалко. Я остался у него до утра.

Утром мы проснулись счастливые, как молодожены, и я побежал на кухню сварить

кофе. В коридоре я наткнулся на венечкиного кобеля, он на меня ревниво зарычал. Когда я пришел, Веня выставил его в коридор, и он там спал всю ночь. У Вени коммунальная квартира, и в кухне я увидел его соседку, огромную старую развалину. Она не поздоровалась со мной, а отвернулась, и загородила плиту своей тушей. Веня мне рассказал, что однажды он разогревал голубцы на плите, он прямо в банке положил их в кастрюлю с водой - так на банке было написано - и забыл про них. У него были гости, и они все очень веселились. И вдруг он услышал взрыв. Это лопнула банка с голубцами. Он прибежал на кухню и увидел, что эти голубцы все налипли на потолок и стенки кухни. А эта старая скотина вместо сочувствия стала орать и заставила его делать ремонт. А когда к Вене забрались бандиты и били его, и он кричал, они со своим старым хрычом даже не пришли на помощь, даже в милицию не позвонили. Они сделали вид, что они глухие.

Я сварил кофе и отнес его Вене в постель. Потом мы с ним оделись и пошли ко мне на работу.

По дороге мы встретили нашего приятеля, он работает на телевидении, его зовут Вася. Он прекрасно выглядел, на нем были надеты джинсы и меховая телогрейка. Говорят, он подружился с одним стариком там, на телевидении, и они вместе поехали в Париж к знакомому миллионеру. Он нам стал рассказывать про Париж. Там есть много разных баров, где собираются голубые. У них это совсем просто. Можно прийти в бар, поболтать с кем-нибудь, а если тебе он понравился, то вы можете вместе пойти в такую специальную «темную» комнатку и там заняться любовью. Я-то все это уже видел в Западном Берлине, но в Париже, наверное, еще лучше, там это более изысканно.

Вася с Семеном Борисовичем там прекрасно провели время, этот миллионер их просто содержал, везде возил и кормил. Наверное, Васе было не очень весело, потому что Семен Борисович - это "бабушка", но он любит Васю и у него большие связи. Вася сказал, что этот миллионер скоро приедет сюда, он хочет встретиться с представителями какого-то ленинградского андеграунда, я не совсем понял, кто это. Я как-то слышал в одном американском фильме, что андеграунд - это подземка, то есть метро. Выходит, они сотрудники метро, так, что ли? Он хотел помочь им что-то там сделать. Наверное, у него уже столько денег, что он просто не знает, куда их девать. Я бы тоже хотел познакомиться с этим миллионером. Вася мне это обещал устроить, он такой милый, жаль, что я ему давно не звонил.

Мы зашли в Дом архитектора, там очень хороший ресторан. За соседним столиком оказались разные грязные бородатые натуралы, - уж не знаю, как их туда пустили, ведь место-то приличное, - один был в рубашке, у которой все локти были продраны, то есть прямо от плеч и до манжет были огромные дыры. Лучше бы он эти рукава вообще оторвал, и у него была бы такая безрукавочка. Он был бородатый, с выпученными глазами, что-то все беспокойно жевал, и загребал своими длинными волосатыми руками, настоящая обезьяна! На ногах у него были суконные ботинки, помню, мой дедушка такие носил, он их называл "прощай молодость". Второй был с совершенно белыми глазами, к тому же он их

постоянно закатывал, на голове у него просвечивала лысина, но он пытался компенсировать этот недостаток длиной волос, они были у него размазаны по плечам, и еще у него была противоестественная борода, прямо как у водяного, она у него росла прямо из ушей, все волоски разной длины, какое-то чудо природы! Они все там трындели о культуре, это, оказывается, было заседание ассоциации разных культурных неформальных организаций. Потом пришла к ним еще одна баба, тоже поэтесса, с низкой жопой, в курточке, сама как квадрат; и тот, в суконных ботиках, засунул обе руки в карманы и начал заниматься онанизмом, глядя на нее, а она все так кокетничала и жалась, просто цирк! Я все смотрел и ждал, когда он кончит, он так весь дергался и подпрыгивал, по-моему, это все заметили, но продолжали обсуждать свои культурные проблемы. Потом они вдруг заметили Васю и стали с ним здороваться, чуть ли не в плечико его целовать - они, оказывается, давно мечтали попасть в телевизор со своей культурой. Я удивился, а Вася мне объяснил, что это известные поэты, но все, как один, ебанашки. Насчет ебанашек я и сам заметил. По-моему, поэты могли бы одеться и попримечнее. Или хотя бы помыться, уж мыло не так дорого стоит, правда, теперь оно по талонам. Они, наверное, совсем уж бедные. Я Васе посоветовал не пускать их на телевидение, а то люди испугаются. Он со мной согласился.

Мы с Венечкой пошли дальше. Мы пошли по Невскому через Мойку, потом через канал, потом мимо Катькиного садика. В этом садике очень много наших. Еще там вокруг тусуются художники. Один предложил мне нарисовать мой портрет бесплатно. Я согласился, и он меня нарисовал. Портрет получился красивый. На нем внизу были нарисованы маленькие тоненькие слова на кривых ножках. Я подумал, что художник ненормальный. Веня грустит, он стоял, опершись на ограду, очень задумчивый. Он смотрел на меня, как на чужого. Мне показалось, что он меня не знает, или что-то меняется во мне. Но я подошел к нему и взял за руку. Было странное чувство, рука тяжелая и как будто не его, как будто чужая. Но это продолжалось недолго. Все переменялось мгновенно, и мы взяли за руки и пошли".

Прошлым летом бабушка сломала ногу, и Маруся поехала к ней в Шепетовку. Бабушке было уже семьдесят шесть лет. Сначала к бабушке поехал марусин брат Гриша. Гриша ухаживал за бабушкой уже три месяца. Маруся приехала ночью. На вокзале все было по-старому, только появился новый кооперативный киоск. Она пошла по темным улицам, фонарей там по-прежнему не было. Даже канавы остались те же. Маруся хорошо помнила дорогу. В доме светилось одно окно. Маруся открыла железную калитку, она загремела. Дверь в дом была не заперта. Бабушка лежала в кровати, увидев Марусю, она сразу же стала плакать и причитать.

Вокруг все соседи до одного ожидали бабушкиной смерти и спорили, кому достанется дом. За бабушкой ухаживали многие соседки, но наиболее вероятной претенденткой была Гандзя с золотыми зубами и огромными красными руками. Она ласково называла бабушку "Иванна" и всячески ругала Гришу. Другая соседка с огромной бородавкой на носу приходила каждый день и приносила бабушке супчику. У этой соседки был сумасшедший сын. Он, когда не был в дурдоме, постоянно сидел на завалинке и смотрел вокруг прищуренными хитрыми и злобными глазками. Она, каждый раз, проходя мимо, все время говорила: "Смотришь? Ну смотри, смотри, а то я тебе!" Сын сжимался и втягивал голову в плечи. Приходя навестить бабушку, она жарко шептала Марусе: "Не упускай из рук хату, хата добра, баба помре скоро, хата денег стоит, а с деньгами усе тебя любить будут, и усим потрибна будэш". Маруся покорно кивала головой. Ей было тоскливо и хотелось уехать, но было неясно, что же делать с бабушкой. Никто не соглашался ухаживать за ней просто так, все хотели дарственную на хату. Гандзя тоже требовала этого. У нее было два женатых сына с детьми и муж, который любил выпить. Мужа звали Мыкола, он был толстый, с багровой рожей и маленькими глазками, с плавными вкрадчивыми движениями. Они долго разъясняли Марусе, почему им обязательно нужна дарственная на хату, и рассказали страшный случай, когда один мужик ухаживал, ухаживал за одинокой старушкой, а, когда она, наконец, умерла, понаехали ее родственники и выгнали его из хаты, и даже спасибо не сказали, и остался он на улице. Фамилия Мыколы и Гандзи была Козлюки. Бабушка сказала Марусе, что согласна подарить хату Козлюкам, и они пришли договариваться насчет дарственной, они хотели, чтобы все было по-душевному, по-родственному, и чтобы бабушка отдала им сразу все, даже часть хаты их не устраивала.

"Сволочи, - думала Маруся, - хоть тысяч пять могли бы дать, а то бабушка ведь все равно долго не протянет".

Но бабушка не собиралась умирать. Она строила далеко идущие планы, и ее желтые глаза загорались.

Гриша же был погружен в свои воспоминания. Он не обращал внимания на все, что происходило вокруг. У Гриши с детства была мечта - поступить на работу в КГБ. Он знал, что те, кто там работает, обладают неограниченной властью, и их все боятся, и можно всегда многозначительно сказать: "Ну, хорошо же, у вас могут быть большие неприятности!" - и все сразу начинают шестерить и бегать вокруг тебя.

Когда он учился в школе, он составлял досье на всех учеников своего класса и записывал на магнитофон телефонные разговоры с ними. Правда, в записях оказался сплошной мат, и их пришлось стереть. Никакой ценности для КГБ они не представляли. Так, по крайней мере, казалось Марусе. Еще он показывал Марусе досье на своего лучшего друга Николяса. Там были клочки бумажек с непристойными рисунками и матерными надписями и даже одна порнографическая открытка, и фотография самого Николяса с перекошенным лицом.

Однажды учительница немецкого языка попросила их написать сочинение с

описанием своего города. Грише это показалось подозрительным, и он сообщил другу отца, Геннадию Аристарховичу, который работал в КГБ. После этого учительницу уже не пускали на практику в Германию, и даже не разрешали общаться с иностранцами. Учительница, конечно, не знала, кто ее заложил, но о чем-то догадывалась, потому что с Гришей стала обращаться подчеркнуто вежливо.

После школы Гриша поступил в мореходное училище и продолжал выполнять небольшие задания для КГБ, он их выполнял на высоком уровне, как настоящий профессионал, так, по крайней мере, говорила Марусе мама.

Он составлял отчеты на своих товарищей из группы и некоторых преподавателей. Его хвалили. Когда уже, вроде бы, все было готово, и его собирались взять в штат, он прошел все экзамены, ему оставалось только последнее собеседование, самое важное и решающее, потому что проводил его кто-то самый главный в КГБ, Гриша неожиданно его не прошел. В КГБ его не взяли, но причин не объяснили, может быть, потому что их просто не было, а было что-то, чего они не хотели говорить (так говорила Марусе мама, потому что она-то знала все это досконально, а Маруся тогда уже жила отдельно). Это было крушением мечты и сильно подействовало на Гришу. Ему стало казаться, что он знает их профессиональные секреты, и поэтому они решили его затравить, что они давали тайные указания капитанам, с которыми Гриша плавал, чтобы они всячески его изводили. Так считала и мама, потому что она не могла найти другого объяснения тому, что у Гриши на службе дела шли не так уж хорошо, и на него постоянно жаловались. Одно время они даже подозревали Марусю в том, что это из-за нее Гришу не взяли в КГБ, потому что она переписывалась со своей подругой, которая вышла замуж за француза и уехала во Францию. Гриша приходил к Марусе, и она отдала ему все письма, полученные от подруги, и открытки тоже. Гриша подозревал, что подруга занимается там во Франции антисоветчиной, он так прямо Марусе и говорил. Потом прошло какое-то время, но, хоть Гриша и старался, его все равно туда не брали. Гриша ждал, когда тот начальник, что его не брал, уйдет на пенсию, мама говорила, что это должно произойти очень скоро. И вот он ушел на пенсию, а Гриша так и остался вне штата. Мама говорила, что тот, наверное, дал указание другим, чтобы Гришу не брали. Гриша опять пришел к Марусе, он ругался и говорил, что это она виновата, что из-за ее сомнительных знакомств его не берут в КГБ, а это мечта всей его жизни и что, если Маруся не исправится, он подаст на нее в суд, чтобы они больше не были братом и сестрой, тогда проблем не будет. Маруся молчала. Она никак не могла помочь Грише. Потом все, вроде бы, поутихло, но, оказывается, Гриша не отказался от своих планов.

В Шепетовке у бабушки Гриша продолжал ловить агентов. Ему казалось, что за ним постоянно наблюдают люди из КГБ и что даже Козлюки, возможно, как-то с этим связаны.

Как-то Гриша пошел в баню, и, пока его не было, кто-то зашел в дом и спросил у бабушки, где живут Сидоренки: бабушка ему объяснила, потому что это были их соседи, и незнакомец ушел. Когда вернулся Гриша, бабушка, не подумав о последствиях, ему об этом рассказала – просто чтобы хоть о чем-то поговорить. Гриша сел напротив и до поздней

ночи допрашивал бабушку, составляя словесный портрет воображаемого агента. Под конец бабушка стала кричать, и это услышали соседи, они прибежали, но Гриша не пустил их, он стал ужасно ругаться, и, хотя бабушка плакала, соседи не смогли войти и помочь ей. Бабушка рассказывала об этом Марусе со слезами на глазах. Тут же она вспомнила историю о том, как один внук изнасиловал свою старую бабушку, а потом убил ее.

Все эти три месяца Гриша целыми днями спал, он съел у бабушки все припасы, и кормили ее соседи, а Гриша с ними постоянно ругался. Когда Гриша уходил в баню, его не было полдня, а на обратном пути он заходил в магазин, покупал себе две трехлитровые банки томатного сока и весь вечер сидел и тянул его через соломинку.

Однажды, поругавшись с бабушкой, Гриша из мести сломал бабушкину любимую мухобойку, которой она его била, а эту мухобойку делал еще покойный дедушка, и за это бабушка плеснула в него мочой из кружечки, в которую писала. Гриша ужасно разозлился, все расшвырял, и два часа орал на бабушку. Встать бабушка не могла, поэтому лежала и плакала от бессильной злобы. Все, что можно было бросать, Гриша у нее отнял, после того, как бабушка метнула ножницы в маленькую черненькую собачку, случайно забежавшую в комнату. Собачка была на волосок от смерти.

Гриша заставлял бабушку ходить. Он ставил ее на костыли, а сам садился на диван и командовал: "Раз, два, раз, два!" - помахивая в такт палочкой. При этом он засекал время и не разрешал бабушке садиться, пока не пройдет полчаса. Если бабушка начинала плакать, Гриша раздражался безумным смехом.

Гриша закончил Высшее мореходное училище и плавал за границу. Все капитаны, с которыми Гриша плавал, были редкие сволочи и подонки. Одного особенно отвратительного капитана все звали Боров. Боров жил с буфетчицей, так делали все капитаны, такое было правило. Он платил ей валютой. Старпому тоже хотелось, но он терпеливо ждал своей очереди, потому что, в конце концов, она должна была надоесть капитану и перейти к нему.

Однажды, в каком-то немецком порту они взяли лоцмана, лоцман пришел в рубку, тут же взял с кушетки подушечку капитана и со словами "Gut!" сел на нее. Тут вбежал капитан и закричал: "Мудаки, блядь, куда смотрите, я на нее лицом, а он жопой!" Но лоцман ничего не понял, он и внимания не обратил на капитана, а только пожал плечами.

А в другой раз, наоборот, он крыл лоцмана матом, орал, что тот ни хуя не смыслит, и только зря на него расходуют валюту. Но лоцман, оказывается, был в советском плену во время войны и прекрасно понимал все слова, которые говорил капитан. Он обиделся, встал и сказал: "Капитан, фам не нрафится, что я телаю, токта ведите вашу лоханку сами", - и ушел. Они чуть не сели на мелягу, - так рассказывал Гришу.

А потом, уже на другом судне, однажды сломался гирокомпас, и они целых два часа плыли в совершенно неизвестном направлении. Капитан был пьян и старпом тоже. Заметил это Гриша, но его же и стали почему-то во всем обвинять. Гриша тогда, конечно,

написал докладную записку на капитана, чтобы оправдаться в случае чего. Однако записка попала к капитану, и он снял Гришу с судна, как только они вернулись в Ленинград.

Грише не везло с капитанами. Они его то ли не любили, то ли травили по заданию КГБ. Гриша же их всех считал мудаками. Они постоянно цеплялись к Грише, что он не причесывается, не моется, что у него форменный пиджак порван под мышками, а брюки - на заднице и в паху, и оттуда торчат трусы, что у него в кармане всегда печенье, которое он постоянно ест, даже на вахте. Все рейсы у Гриши проходили в постоянных склоках. Он дружил только с докторишкой, так Гриша называл судового врача. Докторишка рассказывал Грише разные истории о болезнях и несчастных случаях. Грише это нравилось. Гриша не любил свою работу и ненавидел всех капитанов. Он хотел работать в КГБ. Жизнь Гриши была лишена смысла. Он прочитал все работы Ленина и все книжки про ВЧК и про разведчиков. У него была хорошая память, многие места он помнил наизусть и часто цитировал.

Мнение Гриши, что КГБ испытывает его, все укреплялось, только он не знал, как долго будет длиться это испытание. Ему казалось, что у Маруси есть в КГБ любовник. Однажды он видел Марусю с Павликом и принял его за сотрудника КГБ. Постепенно он стал считать, что все родственники - мать, отец, тетка, двоюродная сестра и ее муж - все доносят на него в КГБ. Разубедить его уже было невозможно. Разговаривал он только с Марусей и то очень мало и осторожно, но зато угодливо и преданно.

Последний раз Гриша плавал на судне со старпомом по прозвищу "Говорящее полено". У этого старпома были железные зубы, и он каждый раз после еды отвратительно рыгал и ковырял в них, причем потом долго рассматривал то, что удалось извлечь.

"С тех пор, - доверительно говорил Гриша, - я не могу видеть железные зубки у людей. Меня просто тошнит".

Гриша рассказал Марусе, как один радист у них на судне повесил себе в рубке на стенку картинки с голыми бабами и сказал: "Вот, будем работать и смотреть!" - а капитану это почему-то не понравилось, и он сказал: "Снять немедленно эту мерзость!" А потом этот капитан пердолил в пухлую попку камбузника, и за этим делом его застал замполит. У капитана были большие неприятности.

А Гриша с радистом провертели дырочку в переборке замполита и смотрели, как тот забавляется с резиновой женщиной: он нежно целовал ее на прощание, аккуратно сдувал и складывал под подушку.

Баб на судне было мало - только буфетчица и дневальная. С одной, естественно, жил капитан, а с другой - замполит. Иногда они менялись. Вся остальная команда завидовала им и устраивалась, как могла - кто онанизировал, кто гомосечился.

Гриша же боялся афишировать свои наклонности, и поэтому ему приходилось терпеть.

Маруся опасалась, что Гриша окончательно подвинется и старалась отвлечь его от мрачных мыслей. Но он усматривал в любом ее действии злой умысел, он не доверял ей. С

этим приходилось мириться.

Однажды после обеда Гриша, отодвинув в сторону тарелку, внимательно посмотрел ей в глаза и сказал: "Ладно, хватит притворяться. Передай своим, что задание выполнено. Больше к этой теме мы возвращаться не будем".

"Сегодня к нам в собор явился священник. Я как раз причесывался в подвале перед зеркалом, вдруг слышу крики: "Священник, священник!" - и все понеслись наверх. А наша парторг, прямо как кенгуру, гигантскими прыжками перекрыла весь подвал и скрылась из виду. Только пыль завихрилась. Ну, мне тоже стало интересно, и я еще раз поправил пробор, побрызгал на себя одеколоном - у меня есть такой небольшой фирменный флакончик, его очень удобно носить в сумочке - и так не торопясь пошел в алтарь. Там столпились все наши бабы, а на диване сидел священник, толстый, в очках, на нем была ряса вся золотая, а в ней разные камешки натканы, правда, жутко засаленная, видно, что уже не первой свежести, и громко так говорил: "Ну что, девчонки? Как у вас мужья, дети? Может, не ладится что?" А они ему: "Рассказывайте лучше вы!" Ну, он и стал рассказывать. Мне он сперва совершенно не понравился - такой бородатый грязный натурал, чем-то похож на Карла Маркса. Мне, лично, католические священники гораздо больше нравятся - они всегда чисто выбриты, и вообще, лица у них такие благородные, приятные. Я даже подумал, не перейти ли мне в католичество. Тогда, может, мне и на Западе легче было бы устроиться.

Но хорошо, что я сразу не ушел, а послушал - он так интересно рассказывал, что я понял - не внешность в человеке главное, а душа. Он, оказывается, был родом из сибирской деревни, а в семье их было пятнадцать человек, и всех репрессировали. Ведь тогда, при Сталине, было просто ужасно: чуть что не так скажешь, и готово - сразу за решетку. Да еще и детей даже - настоящий ужас! И совершенно несправедливо! Ведь его отец, тоже священник, и вся его семья активно помогали революционерам и партизанам и даже их прятали от Колчака, рискуя жизнью. А Лев Толстой, оказывается, который написал "Петра Первого" (так он сказал), приходится ему дальним родственником. При этих его словах Галя почему-то захихикала, насколько она все-таки циничная, что смешного она в них нашла? Она вообще мне как-то сказала: "Как-то надоело - включишь телевизор - попы, опять включишь - опять попы, лучше бы побольше эротику показывали". Я тогда ей ничего не сказал, но теперь меня даже передернуло от ее смеха. Ведь нельзя же так. Просто одни мужики на уме. Сейчас надо возрождать культуру, а на это способна одна только церковь, так надо же иметь хоть немного уважения. Священник про это тоже говорил. Он еще сказал, что существование Бога недавно научно доказано, и что в соборе скоро снова будет действующая церковь. Тут кто-то его спросил про то, где же тогда все будут сидеть, ведь

алтарь придется освободить, наверное. А он так ласково посмотрел вокруг и сказал: "И в алтаре сидеть будете, все по-старому останется. Только мы вам по пятьсот рублей зарплату платить будем!" Тут все просто охнуло и очень обрадовалось. Только наша парторгша стояла с такой каменной рожей, непонятно было, нравится ей это или нет. Ну, у нее всегда рожа такая, одинаковая. А замдиректора был явно недоволен, он стал этого священника из алтаря выгонять, ну тот ушел, конечно, не драться же ему с начальством. Только мне показалось странным, что он, когда из алтаря выходил, полез прямо через ограждение, которое вокруг царских врат выставлено, хотя рядом был свободный проход. А он задрал рясу и так и полез, - все посетители даже удивились. Под рясой у него оказались треники и грязные ботинки с отслоившейся подошвой, ну что ж поделаешь, откуда у него деньги.

Потом я пошел обедать. Я зашел за Марусиком, она работала недалеко. Мы отправились в пирожковую. Я купил один пирожок и кофе, и Марусик тоже. Рядом с нами ел мужик, он сожрал целых пять пирожков, а шестой только надкусил и оставил на тарелке. Тогда я подтолкнул Марусика локтем и показал ей на пирожок. "Возьми скорей", - сказал Марусик. Я и сам собирался это сделать, и сразу его схватил и съел. "Ты что, я же пошутила", - сказал Марусик. Но мне было наплевать. Я не такой богатый, чтобы разбрасываться пирожками. "Ты же худеешь", - продолжал приставать ко мне Марусик. "Наплевать", - ответил я. Я почему-то ужасно хотел есть. Потом мы зашли в винный магазин. Там была огромная очередь, но мне нужно было купить бутылку, и ей тоже. Мы встали в хвост, он выходил на улицу. Рядом с нами какой-то здоровый мужик со вздохом сказал: "Да, это тебе не Германия!" Он, наверное, был в Германии, я только хотел поддержать его, как тут стоявший рядом хилый алкаш с орденскими планками на груди рванулся, растолкал всех, бросился на него и схватил за грудки. "Это ты сказал Ерманья? Кто сказал Ерманья? Я тебе покажу Ерманию!" - завопил он и стал тыкать мужику в рожу своим кулачком. Я очень обрадовался, что не успел еще ничего сказать. Мы с Марусиком отошли подальше, и смотрели и веселились. Тут подбежали какие-то другие мужики и оттащили ветерана. А тот вопил: "Ах ты, курва немецка!" Почему-то он этого мужика называл курвой.

Потом мы купили бутылку и решили зайти в книжный магазин к Вене. Вени, как всегда, на месте не было, он сидел в задней комнате с какими-то людьми и курил "Мальборо".

"А, это ты", - высокомерно сказал он и кивнул. Мне стало обидно. Все же он порядочное говно, если позволяет себе так со мной обращаться. Одного из них я знал - его звали Леша, он работал манекенщиком в Доме моделей. У него были очень длинные ресницы и длинные ноги. Он рассказывал, как ездил в Италию, и одна итальянка в него влюбилась и подарила ему куртку, джинсы, рубашки, в общем, одела с ног до головы. А он за это ее один раз трахнул, и это с его стороны был просто подвиг. Мне, конечно, стало противно, а тут еще Марусик хихикал. Меня ее хихиканье совсем вывело из себя, и я ей сказал: "Марусик, почему у тебя такие желтые зубы?", а она нисколько не обиделась и

говорит: "Это чтобы скорее тебя съесть". Все рассмеялись, а я еще больше разозлился.

Я поссорился с Веней. Веня сказал мне, что Сережа очень красивый, а когда я ответил, что Сережа как человек говно, Веня сказал, что он сейчас во Франции и дружит с каким-то Эженом Ионеско, причем он сказал: "С самим Эженом Ионеско". Тогда я ответил, что Ионеско тоже может быть говном, и, скорее всего, совершенно не разбирается в людях. Когда Веня начинает строить из себя умника, меня просто тошнит, он иногда на меня давит.

Он мне тут как-то сказал: "Знаешь, Павлик, мы с тобой как два отрока в печи, хороши и горячи". Я сперва подумал, что он рехнулся. А он привязался ко мне с какими-то поэтами и не отстает. Он меня так довел, что, в конце концов, я не выдержал и сказал: "Слушай, отъебись уже от меня со своими поэтами. Я совсем недавно одних видел в Доме архитектора, да и ты, кажется, тоже. Тебе что, не хватило?" Так мы и поссорились. Вообще, Веня и надрать запросто может. Один раз кинет, второй, и получается сплошное кидалово. Он ведь не понимает, что у меня нет денег, что я готов последнее для него отдать - он этого не ценит. Он всегда смотрит на сторону и ищет себе чего-нибудь получше. Он сказал, что его приятель Сережа по прозвищу "Пусик" тоже решил поехать за границу по приглашению. Я его раньше знал - ну просто редкое говно. Мне кажется, что таким людям вообще нельзя разрешать выезжать за границу, чтобы они нас там не позорили. Я знал, что он скрывается от призыва в армию - он как-то сам проговорился. Ну я и позвонил в военкомат и в ОБИР и все про него рассказал. Его нашли и упрятали в психушку, там ему, по-моему, самое место.

На работе все смотрят на меня как-то странно, непонятно, что я им сделал. Хотя, наверное, это из-за той забастовки, и из-за того, что я последние дни дорабатываю.

Вчера мы с Галей пошли в подвал выпить чаю, а одна старуха-смотрительница - инвалид и ветеран - стала рассказывать, как она в блокаду шофером работала. Говорила она сплошным матом, я прямо с трудом понимал, о чем она. А рассказывала она, как однажды вышла из дому зимой, а на сугробе три детские головки стоят. Это кто-то младенцев сожрал от голода, и головки на сугроб выставил - нет, чтобы студень сварить! Это же надо, за едой такое говорить! Я потом все это Марусику передал, а она мне: "Ну конечно, если собак и крыс ели, то дети, наверное, вкуснее". Ужас какой!...

Старухе той лет девяносто, а она все работает и работает. Она старая коммунистка. Меня она просто обожает, как увидит, так сразу расплывается и норовит поближе подойти. Я же ее не перевариваю, она мне аппетит портит. Глазки у нее маленькие, как буравчики, рожа красная и седые кудельки - это химия.

Что-то я стал в последнее время какой-то нервный. Абсолютно никакой личной жизни с этим СПИДом, просто с ума сойти можно. Ах, господи, только бы уехать отсюда. Все уезжают, даже настоящие бляди, а нормальному человеку и не выехать.

У меня в школе была одноклассница - настоящая блядь, только что на Московском не

промышляла. И та сейчас в Италии живет, вышла замуж за итальянца. Этот итальянец, когда она с ним познакомилась, все повторял: "Ах, как мне хочется семьи!" По-итальянски, конечно. А она до свадьбы у него воровала рубашки и трусы, когда он сюда приезжал, чтобы их потом продавать, потому что денег он ей особо не давал, а может и давал, но ей казалось мало.

Конечно, ей приходилось с ним трахаться, так это ей было так противно, что она в туалете коньяком давилась, чтобы ему угодить. Я не понимаю, как это можно, вот мне, если человек не нравится, никакой коньяк не поможет. Несчастливая, мне ее даже жалко. До итальянца у нее уже был муж - Юрик. Юрика она любила. Он был портной, работал на дому. Иногда он накупал в огромном количестве женские сапожки и прочее барахло и уезжал в длительные командировки на БАМ, или еще дальше - подработать. В его отсутствие она трахалась со всем Ленинградом, тут и подвернулся итальянец, которого она отбила у своей подруги по прозвищу Чума. Она, конечно, была не такая страшная, как Чума. А потом она этого итальянца почти до слез растрогала рассказами о том, как ей тяжело, как муж над ней издевается, как она сидит голодная с маленьким ребенком. Чума тоже была на ее свадьбе и сидела в углу жутко злая. А наша классная руководительница даже прослезилась.

Вчера по телевизору показывали интервью с известным певцом. Он, конечно, не советский, и такой красавец, я сразу почувствовал, что он из наших. Он сказал: "Я вас всех люблю". А потом подумал и добавил: "Правда, слово "люблю" похоже на слово "blue"?» По-английски это значит "голубой". Хотя у них гомосексуалов так никто не называет, в основном там их называют геями. Но, может у него есть русские приятели, и они ему все объяснили, как у нас называют таких как мы, и он решил таким образом нам как бы подмигнуть. Мне он понравился, а Вене он показался слишком вульгарным. Сегодня утром я встретил его у книжного магазина, где он работает. И он стал распространяться на эту тему. Он говорил, что "голубые" - это голубая кровь в современном хамском обществе, и нес еще какую-то херню о современной культуре и ее творцах, о сонетах Шекспира и сережином друге Ионеско. Тут вышел пьяный грузчик и сказал: "Вениамин Станиславович! Покупатели ждут!"

"Отъебись уже, - небрежно сказал Веня и брезгливо отстранил его. Грузчик все стоял. "Иди, иди, я сейчас буду", - Веня повернулся к грузчику спиной. Мне это не понравилось. Сам он все из себя аристократа корчит, а как с людьми обращается?

Марусик тоже недавно сказала, что ей нравятся голубые, но ей не нравится, что они трахают друг друга в задницу. Но ведь это бывает очень редко, по большой пьянке, в основном мы ласкаем друг друга, играем. Да что толку ей объяснять, она все равно не поймет".

Смотрова работала в молодежном центре при райкоме комсомола коммерческим директором, причем всем говорила, что она просто директор. Она помогла Марусе устроиться туда уборщицей. Маруся приходила на работу поздно вечером, стараясь, чтобы никого не было, но все равно постоянно натыкалась на комсомольских работников, которые то слушали магнитофон, то смотрели телевизор, то играли в карты, и постоянно пили. Там всегда было много пустых бутылок, и они демонстративно оставляли их Марусе, чтобы она могла сдать стеклотару и получить лишние пятнадцать копеек. Маруся их не брала. Она подметала, а потом мыла пол, стараясь не задеть шваброй их ноги.

Смотрову она видела там только один раз, она завела ее в маленькую кладовку и показала два ящика - один с водкой, второй с шампанским. "Вот, сказала она, - ко дню рождения готовимся!"

"Твоему, что ли?" - удивилась Маруся.

"Да нет, комсомола! Скоро же 29-е октября, ты что забыла?"

Как-то Маруся попросила Смотрову устроить вечер костиных стихов в артистическом подвале. Подвал тоже был в ведении райкома. Содержал этот подвал один актер, которого нашла Смотрова, она даже говорила, что тот ее боится, потому что у нее есть связи в райкоме партии. Правда, потом актер рассказывал Марусе совсем другое: он говорил, что плевать на них на всех хотел, и вообще, он сам своим горбом построил этот подвал, а теперь ему будут указывать.

Костя тогда жил у Маруси, и она очень хотела, чтобы он выступил со стихами, это была его мечта. Смотрова сказала, что даст Марусе билетов на двести рублей, а надо продать на сто, иначе вечера больше не будет. Маруся под расписку получила билеты у директора молодежного центра. Сперва она распространяла билеты по знакомым, но все хотели попасть бесплатно и не торопились отдавать деньги, тем более что каждый билет стоил два рубля. Тогда Маруся пошла продавать билеты на Невский. Она взяла маленький складной стульчик и костину книжку, которую его знакомая сама напечатала на машинке, а затем отдала в переплетную мастерскую. Прыщавый юноша, костин приятель по его бывшей работе, нарисовал плакат. Издалека плакат был похож на траурное объявление, которое вывешивали в коридоре учреждения, когда умирал какой-нибудь старый сотрудник. Не хватало только фотографии, обведенной черной каймой.

Маруся встала у ограды садика на площади, где было много художников, продававших свои картины. Она стояла у самого входа, потому что свободное место было только там. Плакат с объявлением о вечере поэзии она повесила на ограду, но дул сильный ветер, и плакат постоянно срывало. Художники помогали Марусе повесить его обратно, потом даже дали ей этюдник, и она прикрепила плакат на него, но ветер опрокидывал и этюдник. К Марусе изредка подходил Костя, но стоять рядом с ней он стеснялся, говорил,

что нехорошо поэту самому торговать билетами, да и вообще брать в руки деньги. Поэт должен быть нищим и безденежным. Костя ходил вокруг садика и декламировал стихи, то вслух шепотом, то про себя, он ужасно нервничал, ему казалось, что вот сейчас решается его судьба. Потом он встал в очередь за мороженым, и там к нему подошел маленький плюгавый человечек в рваных брюках. Костя сначала его не узнал, но потом оказалось, что они вместе лежали на Пряжке. Костя пригласил и его, но тот сказал, что лучше бы послушал лекцию по философии. На Пряжке он беседовал с Костей на философские темы, и вообще, оказалось, что в тот день его смена: он работал сутками на фабрике "Красный треугольник"

Билеты покупали плохо. Подошел чернявый молодой человек с бегающим взглядом и сказал, что он из Одессы, тоже из молодежного центра и может даже устроить Косте гастроли в городе Николаеве. На вечер он прийти не мог, потому что уезжал. Женщина с измятым морщинистым лицом долго читала объявление, и задумчиво сказала: "Да-а-а, в подвале выступает. Все ясно, темная лошадка..." Какие-то мужики с красными руками, от которых несло перегаром, брали книжку стихов и читали. Потом спрашивали у Маруси, сколько она стоит. Маруся терпеливо объясняла всем, что книга не продается, что она только для знакомства со стихами поэта, на вечер которого она продает билеты. Но на вечер никто идти не хотел.

В результате, за весь день она продала всего лишь десять билетов. Оставалось подождать вечера выступления, была еще надежда на знакомых, и что перед началом еще кто-нибудь придет.

В день выступления Маруся сидела в подвале и терпеливо ждала. Пришел какой-то мужчина в рваной фуфайке и грязных брюках и долго расспрашивал Марусю, как здесь можно устроить вечер. Он был тоже поэт и хотел бы выступить со своими стихами. Марусе он ужасно надоел, потому что в течение часа рассказывал свою неудавшуюся жизнь.

Наконец, пришел Костя и с ним два каких-то типа. Это оказались тоже поэты. Один поэт в круглых очках снисходительно кивнул Марусе и гордо прошел за кулисы, а второй, пьяный с длинными сальными волосами, галантно поцеловал ей руку. Костя сказал, что эти поэты будут выступать вместе с ним. Маруся удивленно спросила Костю, зачем ему понадобился кто-то еще, ведь этот вечер она организовывала для него. Но он объяснил, что так будет лучше, и что это предложил сделать актер, содержащий подвал. Эти поэты привели с собой орду таких же пьяных и грязных юношей и девушек, которые с визгом и хихиканьем стали рассаживаться. Костя захотел читать последним, ему казалось, что так будет лучше виден контраст между его стихами и стихами тех, кто выступал до него. Но гордый поэт в очках предложил бросить жребий, и по жребию Косте выпало читать так, как он и хотел. Первым читал волосатый поэт, у которого стихи были сплошь про блевотину и говно, ему очень аплодировали и вызывали на бис. Вторым выступал поэт в очках. Он читал стихи про еврейский вопрос и про Израиль. Ему буквально устроили овацию и даже подарили цветы. Потом он читал на бис... Когда на сцену вышел Костя, то

все поклонники предыдущих двух поэтов встали, и, гремя стульями, пошли к выходу. В зале остались только те, кто знал Костю, и еще человек десять неизвестных, которым, очевидно, было жалко денег, заплаченных за билеты, и хотелось досидеть до конца. Марусины знакомые - дочка члена Союза писателей со своим мужем, как всегда, были пьяны и тихонько дремали в углу. Должен был прийти марусин приятель Вадик, с которым она и Костя когда-то учились в Университете. Именно он и познакомил Марусю с Павликом, и про него ходили слухи, что он гомосексуал, но Марусе казалось, что это вранье, и что Вадик совсем не похож. Вадика все не было и не было, и Маруся все ждала его, сидя у входа. Костя уже давно читал стихи. В первом ряду сидела страстная поклонница Кости, Тоня, ей было уже за сорок, она по виду походила на алкоголичку и, когда говорила, то вся тряслась и подергивалась, нервно переступая с ноги на ногу. Она пришла с огромным букетом роз и, вся вытянувшись вперед, жадно ловила каждое слово.

Маруся сидела у входа и считала деньги, у нее набралось всего сорок рублей, а ведь Смотрова сказала, что нужно отдать сто. Тут дверь открылась, и вошел Веня. Маруся пригласила его, сказав, что на вечере будет Вадик. Веня был знаком с Вадиком, он сразу же спросил о нем Марусю. Когда он узнал, что Вадика еще нет, на лице его отразилось явное разочарование. Он сел рядом с Марусей и достал из кармана игрушечку - заводной маленький розовый член, который прыгал и что-то клевал, как цыпленочек, а Веня смотрел на него и заливался радостным смехом.

«Подари мне», - попросила Маруся.

«Нет, не могу, мне самому подарили. - Веня встал и убрал член в карман. - Ну я пошел...»

"Не хочешь послушать?" - предложила Маруся.

Веня отодвинул занавеску и заглянул в зал. Стихи были жуткие, точнее, они были прекрасные, но жуткие по содержанию.

"Господи, что это он читает! Какой ужас!... - Веня еще раз посмотрел на Костю. - Ах, какой красавец! Познакомь!"

"У меня был приятель, он рехнулся. Он вдруг стал всем говорить: "Я беременная, я беременная". И наконец, он так всем надоел, что ему вызвали "скорую". Пришли санитары и забрали его. В машине он требовал, чтобы его уложили на носилки. Потом его привезли на Пряжку, и там в палате, на койке он родил пупсика. Оказывается, он еще дома запихал этого пупсика себе в задницу. Потом он его долго нянчил и никому не хотел отдавать. Просто человеку было грустно и одиноко, и хотелось, чтобы к нему проявили внимание и позаботились о нем. Сейчас он, по-моему, вылез, хотя точно я не знаю.

Голубых, которые сидят в туалетах и подстерегают мужиков, в Польше называют "хлорками". Это мне рассказывал Кшиштоф. Кшиштоф раньше был спортсменом. Но

жизнь у него не сложилась. У него был тренер, старый, противный, который его заставлял спать с собой. Кшиштоф отказался, и он его выгнал. Теперь Кшиштоф на содержании у Анджея. Кшиштоф - просто красавец, его даже на таможне никогда не проверяют, поэтому он может везти с собой все, что захочет. Он летом приехал в Ленинград и ходил в таких рваных джинсах, что, когда пришел в музей, где я раньше работал, старуха-смотрительница заорала на него: "Это что, мода такая?" А он сказал ей, что эти джинсы стоят больше, чем вся ее зарплата за год. Она не поверила.

Мамаша Кшиштофа ужасно любит кошек. Одну ее кошку звали "Малыш". По-польски это будет что-то вроде "Малюшек", похоже на "моллюск", так смешно! Когда он рассказывал: "Така баба, огромна, толста - Малюшек! Малюшек!" - и показывал, как она душит эту кошку в объятиях, а кошка визжит и хрипит, я очень смеялся. У него мама - директор крупного завода там в Польше. Кшиштоф два раза в год приезжает ко мне. Он привозит через границу доллары и рубли в трусах. Пока еще его ни разу не поймали. Сейчас Кшиштоф живет в Западном Берлине. Когда я в первый раз приехал к нему в Западный Берлин по приглашению, он меня повел в большой универсам КаДеВе и стал мне там все показывать. На пятом этаже у них там продавали продукты. Там их было столько, что я просто охуел, одной колбасы, по-моему, сто сортов, а одна колбасина такая огромная, как бревно, это уж не знаю для кого, вряд ли вообще в человеческих силах ее сожрать. И еще там всякие фрукты, настолько диковинные, что я и названий-то таких никогда не слышал, не то, что не видел. В общем, я ужасно загрустил, мне даже плакать захотелось, а Кшиштоф мне сказал, что он всех сюда водит, кто к нему приезжает из Советского Союза, что это экскурсия такая, и что все реагируют по-разному, одни становятся очень веселые, другие грустные, как я, например. А перед выходом он мне еще показал на холеного старого немца в костюме от «Армани» и очках от Хьюго Босс, похожего на бывшего эсэсовца, и сказал тонким жалобным голосом: "Видишь - стоит, старенький такой. Он войну проиграл, проиграл..."

Вчера мы с Веней ходили в гости к одному его знакомому режиссеру, там было много наших. Говорили даже, что будет маскарад. Я надел английские туфли на каблучке, черные брюки и сиреневую шелковую блузку. На Вене был галстук и шикарный шелковый костюм, этот костюм ему привез из Штатов Пусик. Волосы он уложил на косо́й пробор. Он совсем стал похож на иностранца. Я подумал, что он все же еще ничего, и с ним не стыдно показаться на людях. К тому же у него хорошие манеры.

Была еще одна старая француженка по имени Франсуаза Саган. Марусик мне потом сказала, что это известная писательница. Она так ко мне подклеивалась, но я подумал, что она такая страшная, уж лучше мне с той старухой продолжать, она, по крайней мере, меня любит. Конечно, если бы я тогда знал, что это писательница и у нее много денег, я бы не сваял такого дурака. А то все так напились, и я тоже, и такое веселье стояло, просто кайф. Там был один наш, он то ли поэт, то ли философ, немного не в себе. Он уселся к Вене на

колени. Веня его оттолкнул, а тот зацепился за какой-то гвоздь и порвал себе брюки, они оказались совсем ветхие. Хозяйка в шутку предложила ему надеть юбку, а он очень обрадовался, напялил ее на себя, встал на четвереньки и побежал под стол. Под столом он стал хватать меня за коленки. Но все же Веня ему понравился больше всех. Он вертелся вокруг него, целовал ему руки и повторял: "Пойдем, попиздим о Боге и о любви!" Вряд ли он был ему нужен, слишком старый и сумасшедший, но я заметил, что Веня с ним слегка кокетничал. А режиссер, такой изысканный, высокий, в очках и с бородкой, мне сразу понравился. Он сел рядом со мной так, что его колено касалось моего, и таким вкрадчивым голосом стал мне что-то рассказывать, что я даже про Веню забыл! Потом мы с этим режиссером пошли ко мне, потому что у него дома жена мешает. Что за дивную ночь я провел! Давно мне уже так хорошо не было! Я даже про СПИД забыл. Утром проснулся, голова трещит, потому что вечером я все же немного перебрал. Я сразу же позвонил Вене, а он мне сцену устраивает. "Ты думаешь, этот старый козел Алянский уже сдан в тираж и никому не нужен! Ты думаешь, что меня можно бросать, как последнюю шлюху! Ты еще пожалеешь! Ты меня еще вспомнишь!" Как мне надоели все эти разборки! Господи, такой он занудный! Как будто мы с ним женаты уже десять лет!

Я сказал Марусику, что ей срочно нужно худеть. Она ужасно растолстела. Я сам за ней следил, звонил ей по телефону и спрашивал, что она ест. Один раз она ела пирожное. Я ей сказал: "Ты что, с ума сошла? Сейчас же прекрати это!" Она, вроде бы, послушалась. Она вообще меня всегда слушается, это приятно. Потом она, благодаря моим стараниям, все же похудела, и теперь я называю ее "моя стройняшка".

Я терпеть не могу толстых баб. Они такие отвратительные, меня от них тошнит.

Я тут все ходил в поликлинику, у нас врачиха как раз такая. Я очень плохо себя чувствовал, а она мне говорит: "Вы здоровы, и не сомневайтесь даже". Как будто, если я не работаю и мне не нужен больничный, то я уж и не должен обращать внимание на свое состояние. В поликлинике у нас жуткие очереди, и вот я сидел, сидел, и наконец вошел в кабинет, а она мне: "Ну что, опять пришли?" Я говорю: "Да, пришел! У меня болит вот здесь!" А она мне: "А откуда вы взяли, что у вас болит?" Тут я просто растерялся. Откуда я взял, что болит!

Я пожаловался на нее в Горздрав. Я написал, что таким врачам не место в советском учреждении, что это садисты и вредители. Мне ответили, что разберутся, только не разобрались.

Вчера я опять ходил в эту поликлинику Я думал, что этой врачихи там нет, а она все там же сидит и ухмыляется. Она послала меня в больницу. Я пришел туда в приемный покой, думаю, может и полежать, подлечиться, к тому же там и кормят бесплатно. Там старуха с огромным животом лежала на топчане и стонала. Стонала она то совсем громко, то потише, ей, наверное, хотелось, чтобы к ней кто-нибудь подошел и облегчил ее страдания или, хотя бы, пожалел. К ней подошла санитарка, брезгливо на нее посмотрела

и молча отошла. А врач, такой симпатичный, черненький, сказал мне: «Блинами обожралась. Мы приехали на «скорой», а у нее на столе стоит огромная бадья, пустая, а она сама лежит и стонет: «Я блинков поела, доктор». Вот теперь здесь. Вам чего, молодой человек?» Я сказал, что меня прислала участковая врачиха, и что я плохо себя чувствую. Он на это ответил: "Совсем эта ваша врачиха охренела. Идите и так ей и передайте». Я не стал спорить и ушел, потому что мне совсем расхотелось в эту больницу, если там все постоянно так стонут, да еще штукатурка со стен осыпается. И положат в коридоре, я уж знаю, что это такое".

Длинный коридор стены из белого кафеля и пол из коричневого Потом длинная серая лестница выше выше потом двери решетка двери гремят замки и ключи.

Расплывшееся бородатое лицо с толстыми щеками... Глаза непонятно... Блока тоже многие считали сумасшедшим... Не знаю нам про Блока в институте не рассказывали...

В палате много кроватей похоже на школьный актовъй зал Кровати стоят рядом как в супружеской спальне Он лежит на кровати привязанный полотенцем... Рядом бродит какой-то тип в пижамной куртке без штанов На соседней кровати кто-то отходит... В углу дикое хихиканье другой задумчиво ходит взад и вперед вытянув шею как индюк...

Ведь это Он Он был на кресте и здесь просто продолжение "Передайте пожалуйста письмо здесь рассказано как сварили Иванова Он был еще живой они его сварили положили в ванную и пустили кипяток". На конверте адрес Ленгорисполком Она берет письмо и быстро прячет в карман Сегодня день вообще-то не приемный но вам в виде исключения...

Вечер закончился. На костинном выступлении были все марусины друзья. Последней вышла из зала марусина подруга Наташа, папа которой был членом Союза писателей, о чем Наташа сразу же всем рассказывала. Рядом с ней был ее муж, лысый и пьяный, потом еще наташины школьные друзья, среди которых и высокий костлявый уголовник, покрытый татуировками. Он рассказывал Марусе, как хотел ограбить Пассаж, и что самым трудным было приручить собак, которых спускали на ночь. Он долго ходил туда по ночам и кормил их мясом, потом, в один прекрасный день спрятался в туалете перед самым закрытием, а ночью вылез, набрал разного золота и драгоценностей, но выйти не смог, и

утром его загребли менты. А один его друг переехал через финскую границу на своей машине. У него не было документов, а машина была бронированная и стекла особой закалки. И он со всей скоростью так - рраз! - и проскочил, по нему стреляли, но никто не попал. И он теперь живет в Финляндии и очень счастлив. Другого наташиного друга звали Митя. Митин папа был писателем, вообще Маруся заметила, что с Наташей в классе учились в основном дети одних писателей, кроме уголовника, и то кажется, у него был дядя-журналист. Это была какая-то особенная писательская школа.

У Мити были бледно-голубые глаза, из них как будто струилась какая-то голубая блевотина, лицо его было все покрыто гнойными прыщами, а волосы перехвачены ремешком, на манер персонажей из фильма «Андрей Рублев»... С Митей была его жена Лара, та самая, которую Маруся все время встречала в пивной у Левы, потому что Лева был их другом, и к нему они ездили по утрам похмеляться.

У Наташи была большая квартира на Невском, потому что ее папе, как писателю, была положена дополнительная жилплощадь. Когда родителей не было дома, в этой квартире постоянно устраивались пьянки, и это происходило довольно часто, потому что писатель с женой ездил изучать жизнь в командировки то в Англию, то в Америку, а то и в Африку. Они с женой были даже во Франции и, кажется, познакомились там с самим Аленом Делоном, который, якобы, влюбился в наташину маму, в молодости бывшую настоящей красавицей. Особенно хороша у нее была задница. Наташа сама так и рассказывала, что ее папа на студенческом вечере видел, как танцевала наташина мама, которая тогда еще была юной студенткой, а она танцевала рок-н-ролл, и юбка у нее постоянно задиралась, и наташин папа обратил внимание на ее зад, который был просто идеальной формы и женился на ней и у них родилась Наташа. В туалете у них на стенке висела телеграмма от Алена Делона, написанная почему-то по-русски, там он объяснялся наташиной маме в любви, и подписался: "Твой Ален".

Маруся вспомнила, как однажды седьмого ноября все ужасно перепились и вышли на балкон с криками "зик хайль!". По Невскому как раз шла праздничная демонстрация, и они стали бросать в толпу апельсины. Некоторые люди подбирали их и были даже довольны, но кому-то это не понравилось, и вызвали милицию. Наташа говорила, что, когда она открыла дверь, ей показалось, что милиционеров шестеро, а на самом деле их оказалось только двое, это у нее просто троилось в глазах. Тогда же, чуть позже, когда все вернулись в комнату, Маруся познакомилась с наташиным приятелем по кличке Геноссе. Его отец был крупным руководящим работником, а сам Геноссе очень любил Третий рейх и коллекционировал фашистские ордена и медали. Маруся тогда сильно напилась, вспомнила, что говорил ей Костя, стала восхвалять Гитлера и даже кричать "Хайль!". Геноссе слушал ее, не сводя с нее глаз. А наташины подружки, хотя тоже были сильно пьяные, почему-то собрались бить Марусе морду, потому что у некоторых из них мужья воевали в Афганистане и "горели в танках". Наташа их тоже поддержала, потому что в войну ее отец был маленький, но уже ненавидел немцев и устраивал им всякие гадости

вместе с другими мальчиками, и его чуть не поймали, об этом он потом писал и в книжках. А бабушка Наташи, Роза Абрамовна Гунькина, была соратницей Ленина, и Наташа, когда напивалась, часто рассуждала о том, не является ли она внучкой Ильича, ведь он вполне мог... Правда, Наташа не смогла встать со стула и так и заснула, упав головой на стол. Но утром она все равно сказала Марусе, чтобы она так больше не говорила...

У наташиной подруги Лены был новый муж, политолог из Москвы. Сперва у Лены был другой муж, но он оказался гомосексуалом, и она рассказывала, что они напивались и трахались прямо при ней, а она им орала: "Ну, харэ при мне трахаться!" Она не могла сказать, что ей было противно, а просто как-то неприятно. Причем она утверждала, что ее муж трахался с Вадиком, который нравился Марусе, но Маруся не придавала ее словам особого значения. Лена была пухлая, розовая, с голубыми глазами и в очках. Один раз она напилась и пошла в туалет, а потом распахнула дверь, и все увидели, что она сидит на унитазах и у нее розовые пухлые ляжки, и она закричала: "Ну что, с кем я еще не спала?" Оказалось, что ни с кем не спала, но все уже были пьяные, и никому ничего не надо. Когда Лене надоел ее муж, она всем стала рассказывать, что он педераст, а он деликатно поправлял ее: "Не педераст, а гомосексуал" и объяснял, что педерасты - это те, кто любит детей, потому что корень "пед" означает "детский", например, "педиатр". Лена хрипло хохотала. Наконец ей удалось найти себе другого мужа. Он был политологом и работал в Москве, и даже его обещали послать работать за границу. А Лена все говорила: "Думала ли я, когда доила коров, что буду женой политолога!" Никаких коров она, конечно, никогда не доила, это был просто поэтический образ. Потом она приехала из Москвы уже без мужа, просто навестить Наташу, и они, как всегда, напились. А там как раз был Митя, он накануне отвез свою жену домой спать из-за того, что она сильно перебрала, и Митя уставился на Лену своими голубыми глазами. Лена сняла очки, и перед ней все расплывалось. Потом она ушла и завалилась спать. А через некоторое время, когда Наташа случайно заглянула в комнату, она увидела, что Митя раздел Лену и уже стянул с нее трусы, а теперь стаскивает трусы с себя, пристраиваясь к Лене сзади. Наташа закричала на него, что он устроил здесь притон, и Митя очень испугался и просил у нее прощения. А Лена так ничего и не почувствовала. Обычно Митя, когда напивался, запирался в сортире и там почему-то засыпал, и, если кому-нибудь нужно было в туалет, приходилось ломать дверь. Обычно ударом ноги дверь вышибала митина жена Лара, у нее это получалось лучше всех, потому что у нее уже был опыт.

У Наташи было много приятелей, и все они тоже были дети писателей, а кое-кто и сам писал, и хотел тоже стать писателем. Один ее знакомый Славик тоже писал прозу, он даже давал Марусе почитать роман, в котором была очень сложная запутанная интрига и из которого Маруся только запомнила, что он очень образно и ярко описывает кошку, когда ей хочется сношаться, и еще переживания старого ветерана. Славик дружил с другим начинающим писателем Серполевым, а этот Серполев уже даже печатался в Москве в молодежном журнале. Маруся как-то ходила на вечер, где Серполев читал свои

произведения. Вся публика в зале рассредоточилась по группам в пять-шесть человек, и все были заняты тем, что разливали по стаканам какую-то бурую жидкость с неприятным запахом. Серполеву, шатаясь, поднялся на сцену и, чуть было не упав, встал на четвереньки. Так на четвереньках он и добрался до приготовленного стула. Он взял в руки какие-то бумажки, откашлялся и стал читать. Что он читает, было совершенно непонятно, потому что у него заплетался язык, ему закричали из зала: "Генка, ты что, охуел что ли, давай помедленнее!" На что он ответил: "Пошли вы сами все на хуй. Захочу, так и вообще читать не буду!" И нарочно продолжал бормотать еще более невнятно. Маруся не поняла ни слова, она сидела в третьем ряду, а перед ней сидел поэт в очках, который выступал со стихами вместе с Костей. Маруся потом его узнала.

Через некоторое время до нее дошли слухи, что Славик, приятель Мити, стал ведущим редактором в одном издательстве, которое финансировал ЦК ВЛКСМ, доживавший в то время последние дни. Он сразу же напечатал себе много визитных карточек, где на английском языке было написано "Redactor in chief", и всем их раздавал.

У Мити был сумасшедший дядя, он жил в удаленной комнате, и иногда оттуда доносился тихий вой. Лара, оказывается, тоже была почти сумасшедшая, то есть у нее была сумасшедшая мама, и эта мама не давала Ларе спокойно жить. Один раз Маруся встретила Лару в троллейбусе, в руках у нее был полиэтиленовый мешок, в котором просвечивала бутылка портвейна. Лара сказала, что едет к Мите, ведь надо хоть с кем-то трахаться, а если Мите дать выпить, то он ее трахнет. Сам же Митя страдал kleptomанией, об этом рассказывала Наташа, у которой он украл новые перчатки. Он вообще у всех баб, с которыми спал, что-то крал, наверное, на память. Однажды ему устроили настоящий скандал, когда он украл у одной женщины золотую цепочку, но он все равно ее не отдал.

Митя тоже писал стихи, он даже как-то читал их по пьянке, но никто ничего не понял. На одной вечеринке, когда выпить было уже нечего, но магазины еще работали, все собрали деньги и послали Митю в магазин. Митя явился через час, без денег и без бутылки и стал рассказывать, что деньги потерял. Наташа долго допрашивала его, строго глядя ему прямо в глаза, но он только что-то мямлил и ничего не мог толком объяснить. Ему не поверили, но ничего не смогли сделать.

Вадик тоже был неизменным участником всем пьянок. Он очень нравился Марусе, он был такой красивый и веселый, все время шутил. Особенно ему нравилось танцевать рок-н-ролл. Наташу он очень любил и когда рассказывал о ней, никогда не забывал упомянуть, что у нее папа писатель. "Писатель, писа", - повторял наташин муж, качаясь на стуле. Все смеялись, а Наташа обижалась. Она утверждала, что ее папа очень верно определяет сущность всех ее знакомых, ибо он писатель, а писатель - это инженер человеческих душ.

Однажды Наташа разбила бутылку сухого вина, а муж собрался бить ей морду, и она рыдала и собирала осколки, стоя на четвереньках. Наутро она просыпалась с красными глазами и опухшим лицом, и они ехали похмеляться к Леве. Лева работал в подвале на

Васильевском, он называл это место «Пивточкой», хотя на вывеске было написано «Пивной бар». По утрам к этому бару подъезжала машина с цистерной, из этой цистерны сбрасывали резиновый шланг, и Лева вставлял его в разные бочки, приготовленные у него в подвале. Правда, до конца он бочки никогда не заполнял, и когда машина уезжала, доливал их водой из-под крана. Лева тоже очень льстило, что у Наташи папа писатель, и он поил ее пивом, сколько ей захочется, причем бесплатно, иногда даже до того, как добавлял в него воду. И с ней, конечно, и ее мужа и всех, кто к нему приезжал. Лева тоже часто бывал на пьянках у Наташи и всегда приносил с собой что-нибудь вкусное, например, икру, у него всегда были деньги. Ему очень нравилась подружка Наташи, худенькая Оля с вытянутым лицом и длинным носом. Она, когда напивалась, всегда валилась на пол, а Лева стоял и жадно на нее смотрел. Она специально так задирала руки, чтобы был виден ее живот, а Лева мрачно говорил: "Закрой свой пупок, он меня возбуждает", а Оля говорила "ах" и еще выше задирала руки. Она рассказывала Марусе, что один раз была в гостях у одного известного и очень популярного телекомментатора и даже пила с ним. А привез ее туда председатель кооператива, в котором она работала, по национальности монгол. Под большим секретом Оля сообщила Марусе, что этот монгол ее трахнул. Она говорила, что он трахнул ее так замечательно, так замечательно. Оля просто не могла выразить свои ощущения словами и только повторяла, в истоме болтая головой: "Ах, Мурчик, как он меня трахнул!"

У Оли был муж с голубыми глазами, кривыми ногами и широким тазом, у него была реденькая бородка, а волосы зачесаны набок, он был грек, о чем сразу всем сообщал. Он всегда ходил в вельветовых штанах цвета детского поноса. Наташа с гордостью рассказывала всем, какой он умный и красивый. Один раз к нему стал приставать Вадик, он клал руку ему на колено, гладил по спине, а тот все терпел и не выражал никакого недовольства. Потом они ушли в темную комнату, а там как раз спал политолог, вдруг оттуда послышался ужасный шум и вопли, все побежали туда и увидели, что разъяренный политолог в ярости колотит их своими длинными, как у обезьяны, руками и вопит: "Пи-да-расы, блядь, ненавижу, убью!" Его стали урезонивать и успокаивать, но он обзывал всех и почему-то пытался дать по морде Марусе. Потом Вадик с мужем Оли куда-то исчезли, но Оля говорила всем, что ее муж не пидарас, а напротив, не дает ей спать всю ночь, что, конечно, Вадик к нему приставал, но что он послал его на хуй. А как было на самом деле - никто не знал. Потом Наташа рассказывала Марусе, что она трахается с олиним мужем и что это очень приятно, а Оля ему надоела. А олин муж как-то по пьянке рыдал и говорил Марусе: "Я люблю свою жену и ребенка, почему мне мешают жить спокойно!" Маруся и не знала, что у них есть ребенок, но оказалось, что есть, олигофренический мальчик, уже успевший сняться на обложке журнала "Здоровье", ему было пять лет, но он говорил только два слова: "Дай!" и еще "Уйди!"

Наташа занимала у всех деньги, потому что водка стоила дорого, и денег не хватало. Деньги потом она никому не отдавала, а если у нее начинали требовать, говорила: "Какие

мелочные, ничтожные люди! Какое обывательское сознание!", но деньги все равно не отдавала. Наташин муж был портной, он шил брюки на дому, но, когда он пил, ему было не до шитья. Однажды он пригласил к себе Марусю. Наташа тогда была в больнице, ее положил туда папа, потому что у нее что-то случилось с печенью от огромного количества спиртного, какое ей приходилось перерабатывать. И ему одному было скучно. Когда Маруся пришла к нему, он принимал душ. Потом вышел оттуда с мокрыми волосами и тихо с тоской сказал: "А черт, выпить бы!" Денег у него не было, и выпить тоже было нечего. Маруся ушла, потому что не знала, что с ним делать. Оля рассказывала Марусе, что она трахалась и с ним тоже, и что это было очень приятно, а он, наоборот, рассказывал всем, что Оля - ужасная дура, и у нее куриные мозги.

Вадик же со всеми был в хороших отношениях, его любили все, он танцевал без усталости, мог выпить очень много, и не пьянел. У него были густые усы и голубые глаза. Он очень приятно целовался. Маруся как-то по пьянке предложила ему жить у нее, потому что в квартиру, которую он снимал длительное время, приехали хозяева и его выгнали. Он сразу же согласился, потому что Маруся предложила ему жить бесплатно, он долго благодарил Марусю, и они целовались. У Маруси, правда, уже жил Костя, но ей казалось, что места хватит на всех, и что в этом ничего такого нет. Вадик быстро переехал к ней. Костю это ужасно разозлило, но он ничего Марусе не сказал. Она чувствовала, что ему это не нравится, и она боялась, что он набросится и будет ее душить, но все равно она хихикала с Вадиком. А тут как раз у Кости был день рождения. Пригласили гостей. Пришла алкоголическая поклонница Кости Тоня и подарила затрепанную книжечку о поэзии. Тоня внимательно рассматривала этикетки на всех бутылках и с нетерпением уселась за стол.

Однажды, перед тем как попасть в дурдом, Костя написал стихотворение, в котором приглашал ее на свидание к мосту, была уже поздняя осень, и шел снег. Она не пришла, потому что решила, что это просто стихотворение, а для Кости это была записка, переполненная символами и разными намеками, и он стоял и ждал ее, ждал до позднего вечера, он ужасно замерз, и на голове у него вырос сугробик, а она все не шла. Потом он позвонил Марусе и спросил: «А что, эта дура не придет, что ли?» Маруся тогда очень удивилась, она вообще не знала, какая дура, а Косте казалось, что все уже давно должны все обо всем знать. Потом Маруся познакомилась с Тоней, и они часто выпивали вместе. Тоня приходила только тогда, когда у Маруси была выпивка, и оставалась, пока все бутылки не были опустошены. Костя во время прогулок с Тоней тоже заходил в разлив и покупал ей двести грамм. Когда-то Косте она даже нравилась, он был в нее влюблен. Тоня была худая, с черными, расчесанными на прямой пробор и уложенными сзади в небольшой пучок волосами; по бокам свисали черные пейсы, а на макушке проглядывала небольшая плешь. Костя говорил, что она похожа на женщин начала века, такая декадентка, нервная и издерганная, к тому же она все время курила.

На костин день рождения пришли Наташа со своим мужем и еще одна подружка Кости, интеллигентная и образованная девушка в очках, Нина. Костя все время говорил с

ней по телефону, это продолжалось иногда часами. А она засыпала у телефона, и трубка выпадала у нее из рук. Одно время она встречалась с молодым человеком, который очень хорошо разбирался в психологии людей, он говорил, что он высший магистр всех темных сил. Потом они с Ниной поссорились из-за того, что ей на работе повысили зарплату, а ему не повысили, и он вопил, что Нина еще будет ползать перед ним на коленях. Когда же у него это не получилось, он стал биться в истерике и кричать, что Нина засадила его в банку, и все его сверхъестественные силы пропали. Потом, когда Костя попал в дурдом, Маруся ей звонила и рассказывала, а Нина вдруг вздохнула и сказала: "Какая у тебя насыщенная жизнь! Как я тебе завидую!" Маруся очень удивилась.

Пришла Смотрова и ее друг Ленчик. Еще пришла фиктивная жена Вадика, благодаря которой он прописался в Ленинграде, потому что сам был из города Кириши, и его не брали в аспирантуру без ленинградской прописки. Жена эта тоже была не из Ленинграда, а откуда-то с Кавказа, ее отец, очень богатый художник, заплатил восемь тысяч, и она сначала фиктивным браком сочеталась с каким-то художником из Ленинграда, а потом уже с ним развелась и вышла замуж за Вадика. Она все время всем жаловалась, что у нее не может быть детей, потому что у нее что-то там не в порядке по части гинекологии и даже всхлипывала при этом, а Вадик ее жалел.

Все выпили. Начали с водки, потому что на этом настаивала алкоголическая поклонница. Она вся тряслась от нетерпения, а потом стала гладить Костю по голове и говорить, что у него платиновая головка, что у него голубые глазки, что он такой красавец и все пыталась его поцеловать, а Костя морщился и отворачивался. Маруся пошла плясать с Вадиком, сзади за Вадика цеплялась его фиктивная жена, и он умудрялся целоваться и с Марусей, и с ней. Интеллигентная приятельница Кости визжала где-то в углу, а потом тоже повисла на Вадике. Вадик удовлетворенно похохатывал и обнимал всех трех девушек. Маруся заметила, что Кости за столом уже не было, и слышала, как хлопнула входная дверь. Он уже давно сидел очень мрачный. Никто, кроме нее, не заметил, что Костя ушел, веселье продолжалось.

Маруся вышла в коридор, и вдруг на нее обрушился страшный удар, прямо в глаз. Маруся завопила и зарыдала, это был Костя, он незаметно вернулся и теперь стоял в углу, бледный и злой. Он размахнулся и ударил Марусю еще раз, изо всех сил. Маруся завизжала и завопила еще громче. Она подумала, что Костя снова рехнулся и сейчас ее задушит, а он, действительно, прошипел, что убьет ее. Марусины вопли никто не слышал, в комнате гремела музыка, раздавались визг и хохот. Костя еще раз дал Марусе в глаз и выскочил из квартиры на лестницу. Марусе уже не хотелось веселиться, она ушла в ванную и там рыдала, потом заснула на полу. Утром, когда она вышла, она увидела, что Костя сидит на диване, а в другом углу сидит Вадик и насвистывает песенку. У Кости под глазами были черные круги, он, наверное, не спал всю ночь. Маруся посмотрела на себя в зеркало и ужаснулась - у нее весь глаз заплыл желтым, фиолетовым и даже черным, совсем как у Тани, подруги того грузина с улицы Костюшко. Она вошла в комнату и тоже села на диван,

подальше от Кости, рядом с Вадиком. Тут они с Вадиком посмотрели друг на друга и расхохотались. Костя же вскочил с дивана и включил магнитофон, заиграла песня "Я жиган ростовский", под которую вчера все так самозабвенно и безмятежно танцевали. Вадик опять стал весело притоптывать ногой и подпевать. Когда песня кончилась, Костя перекрутил и поставил ее с самого начала, его глаза сверкали, зрачки были сильно расширены. Марусе стало страшно и хотелось, чтобы он поскорее ушел, но он не уходил, а все ставил и ставил эту песню про жигана.

Через день его забрали в дурдом.

"Все-таки, у Вени уже старческий маразм. Он так ходит и ручки держит, как какое-то животное. Бывают такие животные, кролики или суслики, и они так держат лапки. И он все время такой согнутый, и ручки у него вот так. Мне мой знакомый Пусик рассказывал, что видел его в "Октябрьском". На нем был замечательный, дивной красоты фирменный костюм, он шел, весь согнутый и загребал ногами, а ручки он держал так, и в одной у него висела программка, и каждый, посмотрев на него, мог сказать: "Вот идет старый пидарас!" А походка у него такая, именно педерастическая. Он все мне не может простить, что Эдвин ему не вернул тысячу марок, ну а я-то здесь причем? Пусть он с ним и разбирается. Он говорит, что я его на каждом углу говном поливаю. Это он меня, скорее, поливает, мне столько уже рассказывали. Мне даже и звонить ему не хочется, только настроение портить. Оно у меня и так дерьмовое стало, как я приехал сюда из Западного Берлина, как посмотрел на наши улицы, какая здесь грязь! А какие у всех рожи! Я понял, что мы все живем в огромной психбольнице. Когда я посмотрел на людей на улице - у всех красные возбужденные лица, блестящие глаза, каждый готов тебя вдруг ударить, или сам ждет удара палкой. Настроение может каждую минуту измениться. Взгляды у всех ненормальные, сумасшедшие, так и сверлят тебя, так и лезут. Все носятся с огромными мешками и куда-то торопятся, толкаются.

В Западном Берлине не так. Я жил там целых семь месяцев, я уж могу судить. Там все вежливые, на улицах чистота и дома тоже, там нужно драить все до блеска. Раньше я думал, что у меня в комнате чисто, а теперь вижу, что это настоящий свинарник. Мы здесь и не замечаем, что живем как свиньи.

Кем я только не работал: уборщицей, мыл окна, красил стены. Прямо как Горький в людях. Это были мои университеты.

Я работал там продавцом в большом магазине "Sir". Это очень старая фирма, она была еще до всех войн и всех революций. Вся мебель там старинная, чуть ли не XV века. А обыкновенное мусорное ведро, в которое бросают бумажки, совершенно неподъемное, из бронзы, по-моему. Продавец целый день должен стоять, и спина у него должна быть

прямая. Голову надо мыть каждый день, чтобы у тебя обязательно были выспавшиеся глаза и свежее лицо. Все продавцы там одеты в одежду, которая продается в этом магазине. Мне ее тоже давали, но купить я ее не мог, и перед уходом вешал ее на вешалку, а утром опять надевал. Туда приезжали покупатели на "БМВ" и "Роллс-Ройсах", а я должен был им все время улыбаться и кланяться. Нужно было рассыпаться перед ними, чтобы заставить их открыть кошелек. Их поили кофе и шампанским и все бесплатно. Он выбирает себе тряпку, а ты его спрашиваешь: "Не хотите ли вы пить? Не хотите ли вы ссать?"

Хозяину магазина двадцать шесть лет. Магазин ему мама подарила. У мамы пять таких магазинов, и один она подарила сыну. Сын сам не очень, такой чернявый, на еврея похож. Довольно страшный.

Там у них все по часам. Каждое утро я знал, что на этом углу обязательно увижу старого хрыча с собачкой. Значит, уже полвосьмого. А если я иду, и этот хрен с собачкой уже завернул за угол, значит, я опаздываю на работу.

Одно время я работал в продовольственном магазине, который открывался в шесть утра, и мне нужно было вставать в полпятого, чтобы приходиться вовремя. Я стоял там за прилавком и продавал всякую мелочь. Но считать я должен был в уме и очень быстро, когда я принес калькулятор, хозяин мне сказал: "Нельзя!" Почему - непонятно! Я должен был считать только в уме. А попробуй, сосчитай, я и по-русски-то в шесть утра не очень сосчитаю. Я там долго не выдержал и ушел.

Там всем покупателям надо вежливо улыбаться и говорить: "Гутен морген!" Он может вообще от тебя рожу свою отвернуть, но ты все равно должен улыбаться. Неважно, какое у тебя настроение, всем на тебя насрать.

Еще гудроны теперь привалили, и сбили все расценки. Раньше за работу платили двенадцать марок в час, а теперь - пять, шесть. Там их не любят, даже машины их поджигают. У них машины - такие уродливые пластмассовые коробочки, и они жутко трещат и воняют. Их сразу можно отличить.

Я там познакомился с одним мужиком, и мы жили вместе. Но за квартиру мы должны были платить пополам, и за жратву тоже. На содержание там тебя никто не возьмет. Там совершенно все по-другому, там даже громко говорить не принято, это считается грубым. А здесь, конечно, ужасно, но зато здесь я могу читать вывески на русском языке, могу звонить Вене и Марусику и разговаривать с ними по телефону. И я не должен каркать по-немецки. Я ходил там в ФольксшULE и платил шестьдесят марок в месяц. Это самая дешевая школа, где можно выучить язык.

Вот здесь мне мама купила бутылочку сока, и я сижу и пью его! Всего шестьдесят копеек бутылка! А там такой сок стоит три марки. А хлеб у нас стоит десять копеек. А там - марки полторы, не меньше. Здесь я могу лежать, и пусть у меня вся раковина будет полна грязной посуды, пусть у меня окна год не мыты - насрать! А там ты должен постоянно что-то делать, мыть, чистить, драить, каждую половицу. И работать, работать. С утра я там работал в магазине два часа, потом шел убирать, потом три часа гладил рубашки. Вечером

я просто падал. И я подумал, - зачем такая жизнь, все время до самой смерти пахать, и ведь ничего себе не накопишь, при всем желании. А здесь я даже не знаю, что мне на себя надеть. Я боюсь, что меня разденут прямо на улице. У меня просто нет таких вещей, в которых здесь можно выйти.

Там у всех болит желудок, я думаю, это потому, что они не пьют кефир, он там не продается.

Там у меня была знакомая гомосексуальная семья. Я их лечил голодом. Я там всех так лечил. Но все-таки, здесь моя родина. Здесь у меня много друзей, а дружбу не купишь ни за какие деньги, особенно с возрастом друзей трудно заводить. Здесь я могу прийти в гости к Марусику и Вене, и они всегда мне будут рады. А там все мне чужие.

Да, конечно, я бывал и в богатых домах, я бывал у разных писателей, художников, композиторов, я видел роскошную жизнь, но я-то никогда не буду так жить. У нас здесь все равны, а там тот, у кого есть деньги, смотрит на тебя, как на дерьмо. Там осенью холодно, мокро, темно, там были ужасные ураганы, даже крыши срывало с домов. А здесь, пока меня не было, соседи написали на меня в милицию, что я не живу по месту прописки, чтобы меня выселили. Я поэтому и приехал. Мне позвонил участковый и говорит: "Вы где были?" А я говорю: "В Западном Берлине, а что?" А он: "А почему так долго? И что, собственно, вы там делали?" А я ему объяснил, что сейчас закон изменился и можно там жить, сколько захочешь, что я был в гостях. А он спросил: "Вы что, не работаете?" Я сказал, что нет. Тогда он заявил: "Давайте, трудоустраивайтесь. Мы проверим". Прямо не знаю, что мне теперь делать. А тут еще моя бывшая жена написала на меня, что я сумасшедший и не плачу ей алименты. Это просто подлость с ее стороны, ведь я знаю, что она уже вышла замуж за какого-то там солдафона, и он даже дочку нашу адаптировал. А дочка меня, между прочим, любит и зовет "папа Павлик". Ведь я нигде не работаю, с чего я ей алименты платить должен! Все бабы - сволочи, с ними лучше дела не иметь! Они притворяются, что любят тебя, ломаются, а потом показывают свое истинное лицо. Как я мог жениться на этой стерве, ума не приложу!"

После вечера поймали две машины, и все поехали к Марусе и Косте. Вадик пришел в самом конце выступления и теперь тоже был с ними, он очень хотел сесть рядом с Костей, но Костя от него отодвигался. По дороге все рассказывали шоферу, какой успех, и как Костя замечательно читал стихи. Были даже два француза. Маруся сперва думала, что это их клички, но они оказались настоящими французами и даже не говорили по-русски. Смотрова принесла две бутылки водки и все интересовалась насчет ста рублей. Она вообще не была на выступлении и пришла прямо к Марусе домой. Все выпили за успех костиных стихов, муж Наташи сел рядом с Марусей, обнял ее и так и сидел, а костина алкоголическая подруга сидела рядом с ним и заглядывала ему в глаза. Видно было, что она Косте надоела,

но она все равно продолжала обнимать его, когда же она пыталась его поцеловать, у Кости было такое лицо, как будто его сейчас вырвет. Но он терпеливо все переносил.

Наташа и ее муж Юра были уже пьяные, поэтому веселились больше других. Юра обнимал Марусю и пытался ее поцеловать. Он был очень слюнявый, и Марусе было противно, но она не хотела его обижать и ничего не говорила, терпеливо перенося его поцелуи. Костя же сидел очень мрачный, ему явно не нравилось все это. Юра же целовался все более настойчиво, наконец, он прилепил свой рот к марусиному и так сидел довольно долго. Вдруг Маруся почувствовала, как ее голова дернулась и ударилась о спинку дивана, а потом еще раз. Это произошло оттого, что голова Юры дернулась тоже. Она посмотрела и увидела Костю, он стоял очень бледный, потом размахнулся и еще раз дал Юре по морде, а потом и Марусе, правда, не очень сильно. Маруся вспомнила, как он бил ее тогда, когда она танцевала с Вадиком и они слушали песню про жигана. Тогда целый месяц у нее был фиолетовый синяк под глазом, и она ходила в темных очках.

Юра приподнялся и изобразил обиду, хотя на самом деле ему было плевать на все, а только хотелось спокойно выпить. Все вскочили и стали хватать Костю за руки и успокаивать его, а Наташа подскочила к Юре и стала его обнимать, целовать и спрашивать, не больно ли ему. Маруся поскорее отошла подальше от Юры, ей совсем не хотелось, чтобы у нее опять был такой же ужасный фингал. Костю увел на кухню бородастый китаист, у которого не было передних зубов. Он тоже был на вечере поэзии, а, когда перепился, стал демонстрировать приемы кун-фу и пытался потушить свечку ногой в дырявом носке, но у него ничего не получалось. Они с Костей долго о чем-то разговаривали на кухне, китаист успокаивал Костю и пытался поцеловать его в губы, а рядом с Марусей села Смотрова. Она, хотя и пьяная, никак не могла забыть про сто рублей и опять спросила Марусю об этом. Маруся встала и пошла в коридор. Там она достала из сумки свои деньги, добавила к ним те, что ей удалось выручить за билеты, и отдала их Смотровой. Та была довольна, спрятала деньги в карман и сказала, что теперь можно будет устроить еще один вечер поэзии. Еще она сказала Марусе, что теперь уважает Костю. Маруся подумала, что она стала уважать Костю за то, что тот дал по морде Юре, ведь на выступлении ее не было.

Тем временем Наташа за столом снова рассказывала Марусе, что ее отец писатель, и что он как-то видел Костю, и Костя ему очень понравился, а он-то разбирается в людях, потому что он все-таки писатель, а писатель - это инженер человеческих душ. Маруся тоже однажды видела ее отца, он был небольшого роста, в галстук и кожаном пиджаке, у него была небольшая аккуратно подстриженная борода и благородная седина в волосах. Он курил исключительно трубку и писал книжки про войну и про свое трудное детство. Когда Наташа была беременная, и, будучи уже на восьмом месяце, продолжала пить, он звонил Марусе, чтобы она, как подруга, воздействовала на Наташу и поговорила с ней. Он говорил, что это Юра виноват, что позволяет Наташе пить и что это отчасти из-за него. Но, в то же время, она не может его бросить, потому что тогда он окончательно сопьется с горя.

"Вы же, Маруся, интеллигентный человек, вы бы не бросили человека в таком

состоянии, - говорил он Марусе, - и в то же время надо чувствовать ответственность за судьбу будущего малыша, так вот вы скажите, пожалуйста, Наташе..."

Что она должна была сказать Наташе, Маруся не знала, потому что на Наташу не действовало ничего. Она говорила, что понимает, что поступает плохо, но, в то же время, когда она не пьет, ей так плохо-плохо и очень тоскливо, а как только выпьет, так сразу становится хорошо и весело. Юра смотрел, как Наташа пьет стаканами коньяк и все гадал, кто же у них родится, что за существо, ему было это очень интересно. В конце концов, у Наташи случились преждевременные роды, и недоношенное существо родилось мертвым, что всех устраивало. Когда Наташа была в больнице, Юра ночью приехал к Марусе, а Маруся тогда была одна, она открыла ему дверь, он стоял на пороге совершенно пьяный, и в руке его была бутылка портвейна. Жидкие волосы были размазаны по лысине. Он, не говоря ни слова, прошел в марусину комнату и лег в ее кровать, Маруся тоже легла рядом. Член у него не стоял, а был очень мягкий и поэтому трахнуть ее он не мог, но зато пытался компенсировать это пальцами. Потом он захрапел, а наутро позвонила Наташа и стала спрашивать у Маруси, не знает ли она, где Юра. Маруся сказала, что не знает, потому что она не могла сказать ей, что Юра лежит рядом с ней в кровати. Наташа была очень ревнивая и, хотя сама трахалась со всеми юриными друзьями, но никак не могла предположить, что Юра может ей изменить.

Потом, в конце концов, Маруся перестала с ними общаться, и до нее дошли слухи, что они разошлись и что Наташа сначала жила с одним своим школьным другом, а потом с другим, потому что она такая незащитная, и ей всегда нужно мужское покровительство, она одна просто не может. А Юра сошелся с наташиной подругой, тощей девушкой в очках, и они тоже с ней пили.

Наташа даже пару раз появлялась в телевизоре в передаче "Этажерка", где брала интервью у каких-то трясущихся пенсионеров, туда ее устроил папа, но потом она окончательно исчезла. Говорили, что она лечится от алкоголизма.

Смотрова тоже была наташиной подругой, это она познакомила с ней Марусю. Смотрова один раз водила Марусю в театр на юбилейный концерт, посвященный годовщине революции, она говорила, что обязательно должна там быть, потому что туда придет сам первый секретарь обкома. И туда же ходил с ними смотровский жених Коля. Коля был из деревни, и Смотрова говорила, что у них джентльменское соглашение, потому что ему нужны прописка и жилплощадь, а Смотровой нужно замуж, но это не фиктивный брак, а просто так, брак по расчету. Смотрова была лесбиянка, но она хотела изменить свою ориентацию, создать нормальную семью и даже завести ребенка. Коля был плюгавый тип с прилизанными волосами, короткими ногами и длинными, ниже колен, руками.

Сперва они с балкона смотрели торжественную часть, там были ветераны и седовласые начальники, они говорили речи, потом награждали друг друга, все это продолжалось около часа. Маруся предлагала Смотровой пойти в буфет, но та говорила, что не может, потому что ей обязательно надо присутствовать, а то заметят, что ее нет на

торжественной части, и у нее будут неприятности, а для нее как раз сейчас все это очень важно, потому что она собирается создавать семью.

В буфет они спустились чуть позже, и все равно успели раньше других, там они съели по бутерброду с черной икрой и выпили шампанского. Коля жадно чавкал. Потом начался спектакль, это была вторая, завершающая часть торжественного вечера. Маруся, Смотрова и Коля сидели в пятом ряду, видно и слышно было очень хорошо. Спектакль был про каких-то проституток, они разговаривали противоестественными визгливыми голосами, а потом одна из них стала раздеваться. Сперва она сняла с себя лифчик, ее обвисшая грудь спускалась на живот, а когда она начала снимать трусы, седой старик с палкой громко сказал: "Безобразие!" - и вышел из зала. Но никто не обратил на это внимания, и трусы проститутка все равно сняла. Коля не отрывал глаз от сцены. Маруся сидела рядом со Смотровой, а Коля сидел с другой стороны, вдруг она почувствовала, как чья-то длинная рука гладит ее шею. Она осторожно скосила глаза вбок. Это Коля протянул свою длинную, как у обезьяны, руку и гладил ее, причем лицо его оставалось совершенно бесстрастным, он продолжал смотреть спектакль. Наконец спектакль закончился, все отправились в гардероб, там была очередь. Смотрова показала Марусе тощую высокую бабу с лицом, как у щуки, в блестящем платье и сказала, что это ее начальница из райкома. Потом она сделала угодливое лицо и подскочила к ней. Они о чем-то долго говорили, причем Маруся и Коля уже успели получить свои пальто и ждали Смотрову. Когда она подошла, лицо ее было довольным и счастливым. После этого Маруся с ними уже не встречалась, они приглашали ее на свадьбу, но она не пошла. Смотрова рассказывала ей по телефону, какой Коля хозяйственный, зарабатывает много денег, в квартире все привел в порядок, и она просто счастлива. Кажется, она даже уже перестала быть лесбиянкой и жила полноценной жизнью. Потом Маруся случайно встретила ее на Невском, она стала в два раза толще, но была все в тех же брюках и куртке.

У Наташи никогда не было денег, и она постоянно у всех занимала. Она заняла и у Маруси тоже двести рублей. Маруся как раз собиралась с Костей ехать в отпуск в Николаев, и деньги ей были очень нужны. Наташа обещала отдать, но денег у нее все не было. Потом она пообещала выслать ей деньги почтовым переводом, когда Маруся позвонит ей и сообщит адрес, или просто до востребования.

Были многие и многие голоса и кто-то ходил и ходил Взять все все записи и все бумаги и вынести на помойку Дует сильный ветер бумаги разлетятся их найдут и прочитают Прочитают и переживут сатори уже многие пережили сатори это большое счастье Потом он пойдет на Смоленское кладбище там часовня Ксении Блаженной Нужно зажечь свечу и идти с ней Нужно донести ее и не дать ей погаснуть Но сильный ветер и свеча гаснет... Рядом могила на ней написано "Сорок мучеников" Это

знак Она - смерть она белокурая бестия в длинном черном пальто Вот она входит Она несет разрушение Сама смерть помогает ему его не так просто схватить Белокурая бестия идет раз-два раз-два... Он догадался что белокурая бестия не мужчина а женщина Ницше ошибался Вот в чем была его ошибка

У Николы Морского зазвонили колокола Это в честь него звон хотя и не праздник Но должен ведь должен быть праздник сейчас март Пасха Все перепуталось это красные буквы выцвели на солнце и их стало не видно остались только черные и мы так ужасно ошиблись ведь последние деньги потратили на муку и творог и даже испекли куличи...

Он обойдет три раза вокруг церкви а потом зайдет туда Все упадут на колени ведь они узнают Его

Опять зазвонили колокола Или это ветер их качает Лучше не входить в храм Он знает каким крестом надо креститься это особый крест он исходит из он идет снизу он вызывает душу и она взмывает вверх этот крест неправильный он успокаивает он подавляет... Скрежет ужасный скрежет вокруг... Идет трамвай У него два сердца они стучат справа и слева Теперь понятно кто он ведь два сердца ни у кого не бывает... Ему сейчас открыты все тайны он видит все он прозревает проникает вглубь Почему все плачут Они должны быть счастливыми... "Радуйтесь, радуйтесь все!" Почему они не становятся на колени ведь они узрели Его "На колени, на колени, кому я сказал! Они встали... Теперь все как надо..."

"И это Он, Он, распятый на кресте!"

В зеркале странно блестящем отражение непонятное где право где лево все слишком ярко неестественно невыносимо блестит мучительно Если плавно махать руками они превратятся в крылья и полетишь Святой Дух это Голубь... Вот он нисходит...

"У нас на Невском открывается булочная, там будут продавать хлеб на валюту, разные булочки и хлебцы, все это будут привозить на самолете из Гамбурга, потому что здесь, конечно, печь не смогут, у нас нет такого оборудования. А потом наши-то и руки вымыть не могут, они в носу поковыряют, а потом хлеб помесят. У нас уже к этому привыкли, а у них так не принято.

И я думаю, - может, мне устроиться туда работать? Продавцом, например? Я же учил немецкий язык, я мог бы объясниться. И там так приятно пахнет. Я буду жить как бы и здесь, и там.

Я спросил у Пусика, нет ли у него таких знакомых. Пусик работает манекенщиком в Доме моделей. Сперва мы с ним ссорились, и Марусик тоже говорила, что у него прыщавая

рожа, и он отвратительный. Но теперь я с ним помирился.

Так вот, этому Пусику сперва про меня наговорили разных гадостей. Ведь есть же такие мерзкие люди, которые всегда хотят нагадить ближнему. Ну, Пусик и поверил, будто я написал на него донос в КГБ и хотел упрятать его в психушку, только чтобы он не поехал в Западный Берлин, из-за того, что он, вроде бы, понравился Эдвину, а я испугался, что он Эдвина у меня отобьет. Но это все чушь какая-то. Я Пусику так и объяснил, что ему все наврали. Пусик мне поверил, и даже остался у меня на ночь. С этим старым пидарасом Веней я больше не хочу разговаривать. Он, по-моему, уже совсем рехнулся. Бывает, что старые "бабушки" под конец жизни сходят с ума, они вдруг начинают краситься, наряжаться в юбки, в общем, ужас. Я думаю, что я до такого не дойду. Правда, брови я подкрашиваю и волосы осветляю, но это ничего не значит. Просто для красоты. Да и в платье тоже можно иногда нарядиться, но это же только для себя. А Веня сказал про меня, что я уже совсем с ума сошел и брови крашу, и что это ненормальность. А Марусик мне, конечно, все передала.

У Вени есть знакомый парикмахер, который занял первое место на городском конкурсе, он берет двадцать пять рублей за стрижку. Но зато стрижет очень хорошо. Все же с Веней лучше помириться, нужно стараться держать себя в руках.

Я сегодня ездил в специальный комиссионный магазин, где продаются разные растения. Я хотел купить себе пальму в кадке, ну и что же я там увидел? Да просто ничего нет, все пусто. Еще год назад там были такие пальмы, я прекрасно помню. А теперь ничего, все раскупили, наверное. Все хотят сидеть дома под пальмой и представлять себя на пляже в Майями. По пути я заехал в магазин радиодеталей, где я раньше был директором. Там все по-прежнему, и Руфа работает. Она ко мне страшно клеилась, хотела, чтобы я взял ее в любовницы и сделал своей заместительницей. Но мне-то она была ни к чему. И я хотел ее выгнать. И кассирша та же - Дора Семеновна. Она меня очень любила и сейчас тоже любит. Она до сих пор мне оставляет дефицитные батарейки. На этот раз она мне подарила две батарейки "Крона", даже денег не взяла.

Потом я зашел выпить кофе в забегаловку напротив. И съел рулетик "лицейский".

Веня пригласил меня на открытие выставки в Русском музее, делать мне было нечего, и я решил пойти. Правда, мне не хотелось оставаться с Веней один на один, и я взял Колобка. Мы подошли к Русскому музею, к корпусу Бенуа, и полчаса проторчали на канале, потому что у меня с собой пригласительного билета не было, и мне его должен был дать этот старый пидарас. От нечего делать мы с Колобком рассматривали публику. Кого там только не было! И мальчата с крашеными фиолетовыми волосами, и девушки в кожаных куртках, все в кнопках, и вообще разные крутые мужики и бабы. У входа стояла милиция, и без билетов никого не пускали. Колобок просто приторчал от такого общества, он в жизни не видел ничего подобного. Он так возбудился, что мне за него просто стало стыдно. Мы отошли в сторонку и там ждали этого старика. Вдруг прямо на набережной остановилась

тачка, и оттуда вылезла баба. Она была такая высокая, видная, с большим бюстом и в платье в обтяжку. Следом за ней вылез военный, морской офицер с кортиком на боку, с бородой, в очках, только ботинки у него были какие-то странные, желтые, похожи на тапочки. Наверное, у него просто других не было. А у этой бабы был плащик, который она почему-то волочила по земле. Она вся была такая задумчивая и томная, но что-то в ней показалось мне очень знакомым, и я решил подойти поближе и посмотреть. Я встал как раз у нее за спиной и видел, как она поправляла лямки своего лифчика, которые у нее почему-то торчали из-под платья и сверху были прикрыты кружевными тесемочками. Плечи пухлые и веснушчатые. На ногах босоножки без задников сорок первого размера, по-моему, и то пятки у нее торчали. Тут моя красавица повернулась, и я обмлел. Это же Пусик! Накрашенный, губы красные, глаза намазанные черным, и голубые тени на веках! А платье красное, трикотажное, в обтяжку! На башку он надел парик, такой пышный, блондинистый! И она, точнее он, курил длинную сигарету в мундштуке! Ах, какой кайф! Я стал поближе к нему и хотел заговорить, но тут появился мой "бабушка". Он радостно стал меня обнимать, но мне так противно стало, я с ним холодно поздоровался и сказал, что я должен провести еще одного приятеля. Колобок робко стоял рядом, он думал, что я про него уже забыл, и решил уйти. Веня, поморщившись, дал нам приглашительный билет, на нем было написано "на два лица", и мы прошли мимо мента. Там внутри было уже полно народу, и неподалеку я увидел мою красавицу. Она стояла рядом со своим бородатым и очкастым мудаком. Ее плащик свисал на пол, и по нему ходили ногами. Я подошел поближе и, как воспитанный человек, сказал: "Простите, пожалуйста, у вас плащик волочится по полу!" А Пусик посмотрел на меня своими прекрасными покрашенными глазами и сказал: "Я вас очень попрошу, если вас не затруднит, поправьте его мне!" Я осторожно взял плащик и повесил его ему на руку. При этом его пышный бюст очень аппетитно сдвинулся. Он улыбнулся мне и сказал: "Благодарю вас!" Я просто влюбился! Но этот очкастый хрен не отходил ни на шаг от моей красавицы. А Колобок ходил за мной и скулил: "Ну, Павлик, ну пошли отсюда, мне жарко, я пить хочу, мне здесь надоело!" Тогда я ему сказал, что больше я его с собой брать не буду никогда, если он не заткнется и не будет вести себя прилично, и что он, кажется, спутал меня со своей мамочкой. Он даже слегка испугался. Картины там были самые разные, я особенно не вглядывался, там были еще какие-то конструкции из разных проволочек и досок, банок, кирпичей и просто говна. На втором этаже стоял чан, в котором булькала какая-то грязь. Я бы тоже мог сделать что-то в этом роде. И даже поссать сверху. Но меня это все не интересовало, я думал о Пусике. Правда, я доходил ему только до плеча, но он же был на каблуках! Я увидел его перед одной картиной, на которой были нарисованы разные уродцы, трупы что ли, там к нему подошла какая-то тощая стриженная баба и поцеловала его в щечку, и сказала ему какой-то комплимент. А он тоже поцеловал ей руку. Как изысканно! Тут я пожалел, что взял с собой Колобка! Хотя мы с ним и не любовники, все равно раздражает!"

Маруся с Костей и его знакомым Толиком на поезде поехали в город Николаев, и прямо на вокзале к ним подошел черный толстый мужик, у которого все зубы во рту были золотые, и предложил комнату. Они сразу согласились. Было уже темно, но Толик так и оставался в темных очках, которые ему недавно подарили, очки были заграничные, очень модные, он не снимал их всю дорогу в поезде, кажется, даже спал в них. От этого он походил на шпиона.

У мужика с золотыми зубами оказался "Москвич", они сели и поехали по пыльным улицам, причем он всю дорогу объяснял, где что находится. Он подвез их к дому за железным забором, и попросил десять рублей. Они заплатили, торговаться казалось неудобно. Из дому вышла старуха необъятной толщины, тоже с золотыми зубами и раскосыми глазами. Это была его мама, хозяйка дома. В доме было уже много жильцов, но одна семья недавно выехала, и комната освободилась. Сначала она предложила им жить в сарае, где хранились лопаты и тачки, ей, наверное, показалось, что они согласятся, потому что некоторые жильцы были с детьми, и им нельзя жить в сарае, а они без детей, так что могут, но они отказались, потому что там был земляной пол и выбиты стекла. Тогда она согласилась сдать комнату с тремя кроватями. Деньги она взяла с них вперед: они сказали, что собираются прожить здесь месяц, и, хотя Марусе не хотелось платить вперед, но пришлось. Толик был просто на вершине блаженства, его кровать стояла рядом с костиндой, и он мог говорить с Костей и слушать его разговоры! Он лег на кровать и сказал: "Послушай Учитель! - (так он называл Костю) - Мы с тобой будем как два суфия! Мы будем ходить и говорить! А потом, может, мы с тобой будем издавать свой журнал, как все поэты в начале века!"

Маруся не совсем понимала, что связывает Костю с Толиком. Костя говорил ей, что Толик - простой человек, раздавленный современной цивилизацией, и что он должен пережить сатори и достичь просветления... Похоже, что Костя действительно в это верил.

Потом они легли спать. Утром Маруся увидела, что в этом же дворе живет еще пятнадцать человек, из Мурманска, из Магадана, из Читы и других городов. Почти все были с тщедушными бледными детьми, к тому же все они постоянно жрали, и практически постоянно занимали единственную в кухне плиту. Марусе негде было даже вскипятить чайник. А Толик тоже намекал, что хочет есть. Марусю это немного раздражало, потому что готовить она не любила, и ей хотелось отдохнуть, а не стоять в очереди у плиты только для того, чтобы покормить Толика, но она ничего не говорила и один раз все же поджарила ему картошку с колбасой. А в остальное время она предложила своим товарищам питаться сушками и фруктами, которые здесь продавались в избытке и совсем дешево. Колбасу, особенно дешевую, Толик очень любил, он говорил, что она самая вкусная, и ее можно купить много. И здесь эта колбаса, бывшая в Ленинграде дефицитом, продавалась вполне

свободно. Маруся его отчасти понимала, он казался ей чем-то похожим на парней из Шепетовки.

Однажды они гуляли по городу вместе с Костей, причем Костя говорил и говорил. Костя говорил, что отпуск - это отчужденный акт - ехать как все обыватели на юг, что он должен был совершить паломничество... Толик слушал. Они проходили мимо магазина "Трикотаж". Внезапно Толик остановился, как вкопанный, перед дверями. Маруся подумала, что его что-то поразило в костиных словах, к тому же Костя тоже остановился и продолжал говорить, жестикулируя. Толик указал на дверь в магазин и ласково сказал: "Зайдем!" Костя не понял и спросил: "Куда?"

- "Да вот, в магазин!"

Они зашли. Толик подошел к прилавку, там как раз продавали импортные кальсоны, голубые и серые. Толик задумчиво пощупал ткань и сказал, закатив глаза: "Я, пожалуй, возьму..." Костя вообще не замечал ни кальсон, ни даже, кажется, того, что они в магазине. Толик пробил в кассе чеки, и, принимая из рук продавца сверток, пояснил: "Достоевский писал, что красота спасет мир, а у меня уже старые кальсоны очень некрасивые. Надо обновить, я привык следить за своим телом!"

Потом они продолжали прогулку. Костя все говорил.

Однажды вечером Толик стал сильно сопеть и трогать себя за штаны. Маруся вышла на улицу покурить, а он за ней. Он сел рядом и, доверительно наклонившись, сообщил: "Мне нужна женщина!" Маруся отодвинулась, посмотрела на него. Его лицо было бледно, и он сильно сопел. Похоже, он решил, что Маруся будет его обслуживать не только в качестве кухарки. Марусе стало противно, она встала и отошла. Толик продолжал сопеть в темноте, потом хлопнула калитка, и он ушел. Маруся вернулась в комнату и сказала Косте: "Толик ушел". Костя не обратил на это особого внимания, он повернулся на другой бок и заснул. Утром Толика тоже не было, он появился только после обеда, довольный и что-то напевающий себе под нос. Он сообщил Марусе, что нашел себе невесту, как будто ей было до этого хоть какое-то дело. Потом снова подошел к Косте. Костя продолжал с ним говорить, но уже не так охотно, какая-то скука появлялась на его лице, когда он видел Толика.

Потом Толик предложил поехать к нему в родную деревню, они согласились, делать здесь все равно было нечего. Они долго ехали на автобусе. В деревне посреди пыльного картофельного поля стоял дом. Оттуда вышли сгорбленная старушка с морщинистым лицом и старик в кепке. Они долго обнимали и целовали Толика, а он похлопывал их по спицам. Потом они пошли в маленький домик, стоявший немного поодаль во дворе, там раньше была толина комната, там он жил. Стены и пол в доме были обмазаны глиной и даже не побелены, а в прихожей горой свалены желтые дыни, Толик объяснил, что это для продажи, и что этим занимается его старший брат. Толик показал им свою фотографию сразу после школы. Там он был с жидкими длинными волосами, распущенными по

плечам, с закаченными глазами и бантиком-бабочкой на шее. Маруся удивилась, откуда он взял бабочку в этой деревне, и она спросила об этом Толика. Он сказал, что тогда завезли в сельпо, и он купил. "Я всегда считал, что поэт должен быть в бабочке, и я ее надел. Надо мной смеялись... - его глаза злобно сверкнули, - но я им еще покажу! Они меня еще узнают! Узнают, кто такой Анатолий Кудыкин!" Потом он достал и показал Марусе пожелтевшую местную газету, где были напечатаны его стихи про элеватор, что "элеватор, как Аленушка". Костя очень удивился, он не знал, что Толик пишет стихи, раньше об этом он не говорил. Толик скромно потупился. Тут пришла его мама и позвала их обедать. Стол был накрыт, три огромные тарелки, до краев наполненные жирным борщом, где плавали куски сала. Посреди стола стояла бутылка с ободранной этикеткой, там оказался самогон, который толина мама сделала из сахара. Маруся попробовала из рюмки, вкус был отвратительный. Борщ она тоже не смогла есть. А Толик съел всю тарелку и попросил добавки. Потом они пошли рвать вишни. Толик все повторял умильным голосом, что надо помочь маме и папе, что они старенькие. Вечером на автобусе по пыльной дороге они вернулись домой.

Костя лег на кровать, он устал. Толик сел рядом и застенчиво проговорил: "Костя, я тут стихи написал. Хочешь послушать?" Костя ничего не сказал, но с интересом посмотрел на Толика. "Это я тут познакомился с одной девчонкой. Это была совсем простая девчонка, но она поняла меня. И я посвятил ей стихотворение". Толик откашлялся: "Здравствуй Лена-Ленок, незнакомый дружок, вспоминаешь ль меня..." Костя засмеялся. Толик остановился и с обидой посмотрел на Костю. "Вспоминаешь ль меня... - повторил Костя, - ну, ну, давай дальше..." Толик насупился. "Ты смеешься? Ты смеешься надо мной? А ты знаешь, что я, между прочим, могу свои стихи на помойку выбросить? Хоть сейчас! А ты над своими стихами трясешься!"

"На помойке им самое место", - Костя смотрел на Толика с откровенной насмешкой. Толик встал и вышел, хлопнув дверью. Маруся, в общем, была рада, что Толика здесь нет, и никто не сообщает блеющим голосом о том, что проголодался и хорошо бы картошечки жареной поесть. Толик не пришел ночевать.

Утром они сидели и пили чай, тут открылась дверь, и вошел Толик. На лице его блуждала какая-то загадочная блаженная улыбка. Он тоже сел к столу и стал сосредоточенно поедать бутерброды с колбасой. Потом с набитым ртом сообщил: "Ты знаешь, Костя, сегодня утром я ходил к морю. Солнышко еще не встало, было так рано-рано. И я помолился Богу. И Бог мне кое-что открыл..." - Толик значительно посмотрел на Костю. Костя молча ждал продолжения. "Я скажу, когда доем", - Толик не хотел сразу выкладывать все. Он, чавкая, продолжал есть и время от времени поглядывал на Костю. В глазах его светилось торжество. Наконец они допили чай, и Костя встал из-за стола, уже собираясь уходить, но Толик остановил его: "Куда? Подожди, я должен сказать. Так вот. Бог мне открыл, что ты Костя... - он помолчал, - что ты Костя - Фома Опискин!"

Он удовлетворенно замолчал и ждал, какой эффект произведут эти слова, он

сверкнул глазами на Марусю, она вспомнила, как он как-то говорил, что ему хочется, чтобы его взгляд обжигал. Еще Толик жаловался, что его не любят женщины, он говорил, что женщины любят таких, от которых пахнет духами. От Толика, действительно, пахло всегда каким-то говном, но Марусе не хотелось его обижать, и она ничего ему не говорила.

Теперь же Толик хотел, чтобы Маруся его поддержала, и смотрел на нее преданным собачьим взглядом. Марусе стало противно, и она отвернулась. Костя повторил: "Фома Аквинский?" - очевидно, ему так послышалось, и на лице его промелькнуло даже что-то вроде испуга. Потом он рассказывал Марусе, что испугался, что Толик сейчас начнет каяться, превозносить его, и все начнется сначала...

«Да нет, Фома Опискин», - повторил Толик. Костя с явным облегчением вздохнул. Он кивнул и сказал: "Да, да, Толя, хорошо! Фома Опискин. Ты только иди, а? Иди, ладно? Все хорошо, я согласен!" Толик выпрямился, он весь задрожал и затрясся, но не знал, что же еще сказать и поэтому снова ушел, хлопнув калиткой.

Через несколько дней Маруся с Костей пошли на рынок и там, около прилавков с дынями, Маруся услышала знакомый голос: "Купите дыньку, она такая маленькая, как раз для вашего ребеночка! На, возьми, малыш!" Маруся увидела Толика, он стоял за прилавком, на котором были навалены дыни, и протягивал дыню мальчику, стоявшему рядом с толстой мамашей.

"Пойдем, пойдем скорее отсюда, - Костя не хотел, чтобы Толик их заметил, - а то опять привяжется".

Они были уже у самого выхода, как вдруг Костю сзади обхватили две руки, и Толик положил голову ему на плечо.

"Учитель! Учитель! - проблеял он сладким голосом, - Как я тебя люблю! Прости меня! Прости! Я тебя недостоин!"

Костя вздрогнул и старался высвободиться из объятий Толика.

"Толя, у тебя дыни украдут", - сказала Маруся, но он ответил, что за дынями смотрит сосед. Костя с трудом высвободился и направился к выходу.

"Учитель! Учитель! - верещал сзади Толик, - я еще приду к тебе!"

Вечером дома Костя сказал Марусе, что надо уезжать, потому что Толик не даст покою, он будет приходить каждый день и просить прощения, а если ему дать по морде, то будет обнимать колени и ползать у ног, размазывая кровь по лицу. Маруся пошла к хозяйке и сказала, что они собираются уезжать, и что ей нужны деньги назад, но та ответила, что денег у нее нет, что она их истратила, и что вообще денег назад она не отдает, при этом присутствовал ее сын, он стоял и кивал головой, подтверждая слова своей мамы. Наконец, после долгих объяснений, они отдали Марусе десять рублей, при этом хозяйка клялась и божилась, что больше у нее точно нет ни копейки, и что она и так отдает последнее. Маруся, чертыхаясь, пошла к Косте и сказала, что деньги назад не отдают.

Но они все равно решили ехать.

Она тихо шла по лестнице останавливаясь на каждой ступеньке Они прислушивалась Было тихо Перед дверью темно Лампочки нет Дверь открыта Надо зайти ведь там никого нет его уже увезли Но он же может убежать Оттолкнуть санитара перелезть через высокий забор и спрятаться на чердаке А потом ночью тихо пробраться сюда Пройти по ночному городу спрашивая у случайных прохожих как пройти на Волковское кладбище Идти кругами через трамвайные пути, проваливаясь в лужи и канавы И наконец выйти к Обводному каналу А там черная вода она тихо стоит в канале и таит в себе странное очарование гниения и разложения Это черное пальто надо выбросить Когда он его увидит он опять скажет: она смерть белокурая бестия Она взяла пальто Оно тяжелое черное из плотного сукна Оно несгибаемое как гроб Она отнесла его на помойку Теперь он не будет вспоминать об этом Остался только плащ но он синий

Циклодол Две таблетки четыре шесть восемь дальше непонятно Что это лежит Такое отвратительное красное... Оно шевелится ползет... Стены сдвинулись наклонились над диваном Огромная птица спускается с потолка Нестерпимый пронзительный блеск режет глаза слепит Все краски очень яркие нестерпимо яркие и все движется нет ничего спокойного кругом повсюду какое-то движение и шебуриание На полу растут цветочки надо нарвать букетик Вдруг вместо цветочков окурки и бумажки странный противоестественный голос что-то громко говорит Это радио А рядом журчит прохладная вода хочется пить во рту ужасный сушняк Белый блестящий перекошенный унитаз

Хлопают крылья

Приползли пауки они красивые их спинки переливаются лапки блестят это не пауки а райские птички Наконец стало темно.

Марусин отец был тяжело болен. Прошлым летом, когда они ездили на машине на Украину, Маруся видела, что у него все болит, и лицо иногда становится багрово-красным.

По дороге они остановились в кемпинге на ночлег. Дорога шла круто вниз к берегу озера, где стояли маленькие железные домики. Один домик заняли они. Вечером было уже довольно холодно, но солнце еще не совсем ушло, и в тени вились комары. Отец Маруси решил искупаться. Он окунулся несколько раз, но вода была холодная, и он долго не купался. Обычно он любил плавать и показывать всем разнообразные стили, и плавал всегда долго. Но теперь он не плавал. Он сидел на берегу и курил. Потом они пошли спать.

Маруся улеглась на скрипучую кровать, было очень неудобно. Отец еще курил на улице, потом пришел и тоже лег. Он снял с пальца свой любимый перстень, золотой с алмазом, и положил на столик у окна. Он дышал с трудом, раздавался ужасный свист, и в груди у него что-то булькало. Маруся лежала, закрыв глаза, она не спала, ей было страшно. Она не могла видеть этот дорогой перстень, кожаную куртку на спинке стула. Зачем нужно все это, когда жизнь все равно уходила? И этот ужасный хрип, и жалкое кольцо на столике? У Маруси в голове проносились видения, она думала о том, что же будет, если отец не сможет вести машину, она ведь не умеет, но придется попробовать. Она попыталась вспомнить разные ручки и педали и в ужасе почувствовала, что не сможет. Потом подумала, что тут еще нужно будет въезжать наверх, а это очень трудно, машина может покатиться назад, в озеро. Она почувствовала, как над ней смыкаются прохладные волны, и ей внезапно стало легче.

Конечно, комфорт прежде всего. Можно дать десятку этому наглому парню, и он сбегает и принесет тебе молока и кипятку, можно купить колбасы и растворимого кофе, носить джинсы, и на столике будет лежать золотое кольцо, но жизнь все равно проходит мимо. Остается запах деревянного сортира, и озера, и водорослей, и жестяной умывальник, и какая-то птица кричит, ночь ужасно темная, смотри в небо, там далеко звезды, и Бога не видно, значит Его нет... Маруся заснула...

Утром отец с трудом встал, они выпили кофе и сели в машину. Было холодно. У Маруси болела голова. Ночь прошла, и теперь можно жить дальше. Но что-то мрачное и тяжелое давило и не давало Марусе радоваться. Какая-то тяжесть мешала ей вздохнуть до конца, вздох останавливался на середине, и от этого казалось, что она задыхается. Это чувство появилось у Маруси, когда она узнала, что ее отец неизлечимо болен.

Отец Маруси был капитаном и плавал за границу. Маруся знала, что он был связан с КГБ. Она думала, что все капитаны, плавающие за границу, были связаны с этой организацией. Обычно он говорил об этом неохотно и мало, какими-то намеками. А мама, наоборот, любила это подчеркивать и гордилась, но отцу это не нравилось. Отец часто повторял: "Я старый разведчик". Конечно, он был коммунистом, он вступил в партию еще при Никите Сергеевиче, когда был совсем молодой. Потом настало время Леонида Ильича. Над Леонидом Ильичом все смеялись и называли его "Блеванид", в этом было что-то родственное, домашнее. Отец делал вид, что сердится, но на самом деле ему тоже было смешно.

Он родился на Украине, в Дарнице в Киеве. Его мать, марусина бабушка, осталась одна, когда он был совсем маленький, ее муж бросил их, а потом его забрали и посадили. Отец со своей матерью где-то скрывались. Бабушка рассказывала Марусе, что ее мужа забрали, а потом отпустили, потому что он понравился сестре какого-то важного начальника, чуть ли не Якира. И она требовала, чтобы он на ней женился. Тому ничего не оставалось делать. Он приехал к бабушке, дал ей денег, посмотрел на сына и уехал. С тех

пор она его не видела. Она слышала, что во время войны, когда немцы входили в Киев, он застрелился, потому что был начальником НКВД и слишком много знал.

Во время войны от немцев скрываться было проще, чем от своих. К тому же бабушка снова вышла замуж, а ее новый муж прекрасно говорил на идише и по-немецки. Скоро немцы и вовсе стали их друзьями.

Сын доставлял бабушке много беспокойства. Он все время хулиганил, подрывал снаряды, дрался, и бабушка уставала его пороть. После войны он убежал в Херсон, и там поступил в мореходное училище. Он мечтал стать капитаном. В Херсоне было много беспризорников, они жили в подвалах, где потеплее, и даже в люках. Отец Маруси любил драться. Он часто сам начинал ссору по пустякам, а потом это перерастало в драку. Дрались ремнями, кастетами, иногда ножами. Особым шиком считалось иметь финку. Отец Маруси на всю жизнь сохранил слабость к таким ножам. Потом, когда Маруся уже училась в школе, у них в доме всегда было полно финских ножей. Марусину маму это раздражало, и она как-то сказала Марусе, что до женитьбы отец был первым матерщинником в пароходстве, ему даже дали кличку "Жлоб", которая сохранилась и до сих пор.

Маруся помнила, как однажды, когда они уже ложились спать, на улице под окном какие-то пьяные юнцы стали ругаться матом. Отец был уже раздет, голый по пояс, он высунулся в окно и приказал им заткнуться. В ответ его послали подальше. Тогда он схватил финку и, как был, в трусах, выскочил во двор. Марусина мама завизжала, во дворе послышался топот. Маруся выглянула и увидела, что алкаши разбегаются. Потом они собрали большую компанию и подстерегали его вечером, но он возвращался в капитанской форме, и они почему-то его не тронули, может, не узнали. Отец утверждал, что испугались.

А тогда, после войны, марусина бабушка устроилась в городе Шепетовке и звала отца помогать строить дом. Отец приехал, они таскали на себе кирпичи, рыли ямы для фундамента, штукатурили, красили. Дом стоял рядом с другими точно такими же, посередине проходила улица, вся изрытая ямами и колдобинами, а по краям ее шли две тропинки и канавы, в которые сливали помои. На улице в лужах валялись пустые консервные банки, из земли торчали ржавые пружины. Маруся помнила, как по этой улице на телеге, запряженной клячей, проезжал Абрам и покупал разный хлам. Он был старьевщиком. Дедушка говорил, что Абрам богатый, что он миллионер. Маруся не верила, она видела, что он покупает разную дрянь, и сам грязный и оборванный. Он любил, когда дети приносили ему пустые бутылки, за это он дарил им шарики. Он был в грязной засаленной кепке, старом рваном пиджаке и таких же брюках. Дедушка Маруси тоже ходил всегда в старой фуражке, в которой он работал на паровозе, и еще у него были сапоги, а носок он не носил, только портянки. Когда он их наматывал на ноги, он объяснял Марусе, как это надо делать, чтобы они не натирали ног. Маруся помнила, как они развевались на ветру, когда бабушка их сушила. Дедушка уезжал в поездку на паровозе, и его долго не было, иногда даже по несколько дней. Потом у него были выходные, и он дома отдыхал

перед следующим рейсом. Иногда, правда, за ним внезапно приезжал на велосипеде «вызывной» – так назывался человек, которого посылали, чтобы он вызвал дедушку в рейс. Это случалось, если кто-нибудь из машинистов заболел или же по другим причинам не мог вести паровоз. Все друзья дедушки всегда ходили в черных кирзовых или резиновых сапогах и засаленных до невозможности ватниках и старых железнодорожных или военных фуражках. Это ничуть не бросалось в глаза, потому что в Шепетовке все одевались так же.

Отец же Маруси, наоборот, любил одеваться красиво. Когда в первый раз он поплыл за границу, он сразу же купил себе там модные темные очки. Марусины дедушка и бабушка любили, чтобы все было скромно, и не одобряли этого стремления выделиться.

С какого времени отец работал в КГБ, Маруся точно не знала. Скорее всего, как только стал плавать за границу. Отец называл кагэбэшников "серые", и в голосе его звучала гордость. Он хотел, чтобы брат Маруси тоже работал в КГБ. Но марусин брат совсем не походил на отца. Он любил поспать и поесть, был очень послушный и никогда ни с кем не спорил. Он все повторял за отцом.

Как-то Маруся случайно наткнулась на старую пожелтевшую тетрадь, там фиолетовыми чернилами были переписаны стихи о море, капитанах и дальних плаваниях. Маруся тогда еще не знала этих стихов и спросила у отца, что это. А он сказал: "Это великий русский поэт Гумилев".

Когда Маруся училась в пятом классе, марусина мама обнаружила у отца любовницу. Отец тогда писал диссертацию по морскому праву и ходил в Публичную библиотеку. А потом оказалось, что не в библиотеку, а к любовнице. Марусина мама звонила всем знакомым и рассказывала эту историю со всеми пикантными подробностями. Маруся поздно вечером вставала из постели, подкрадывалась к дверям комнаты, где стоял телефон, и подслушивала все мамины разговоры, в результате она их выучила наизусть. Какая любовница была страшная, ротик как бритвой прорезан, и волосы у нее были реденькие, а познакомил ее с отцом такой-то журналист, представитель богемы. Маруся потом встречала статьи этого журналиста в центральной прессе и всякий раз удивлялась, что он из богемы. Все статьи были посвящены советскому образу жизни и коммунистической партии.

Еще там речь шла о каком-то шприце, который отец передал своей любовнице, каких-то записках и о том, как мама приехала из отпуска ночью, а отца не было дома, и унитаз был ужасно грязный, что почему-то и вызвало у нее самые большие подозрения.

Маруся как раз тогда украла краски в универмаге, и отец ее даже не бил, зато мама избила очень сильно. Потом ей стало понятно, почему он был такой добрый.

Вообще они с братом боялись отца. Он часто их наказывал. Он не разрешал Марусе дружить со Степановой, с которой они вместе украли краски. Однажды Степанова пришла к Марусе, когда никого не было дома. Они сидели на кухне и смотрели в окно, чтобы не пропустить отца. Они рассчитали, что, пока он будет подниматься по лестнице, Степанова

успеет убежать наверх. Маруся нашла у отца в баре вино в красивой плетеной бутылке с яркой фирменной этикеткой, и они пили его из чашек. Вдруг она увидела, как внизу к парадной идет отец с дипломатом и в форменном капитанском кителе. Степанова в ужасе вскочила, схватила свой портфель, дубленку, сапоги и бросилась вверх по лестнице. Там она затаилась. А Маруся от страха была ни жива, ни мертва. Она не ожидала, что он вернется так скоро. Ее всю трясло. Но отец тогда ничего не заметил.

Маруся рассеянно следила глазами за прохожими. Кругом люди куда-то торопились, тащили сумки, толкались, ругались. Инвалид с костылем и красной рожей шел посередине улицы и толкал всех.

Маруся шла на собрание, где должна была организовываться новая партия. Ее специально пригласил ее знакомый Петр Сергеевич. Петр Сергеевич очень просил, ему хотелось, чтобы было побольше народу. У них был общий знакомый, и Марусе было неудобно отказываться.

Он жил в новом районе, когда Маруся вышла из метро, вокруг было много деревьев, на них уже появились листочки. Дом она нашла почти сразу, поднялась в лифте на девятый этаж. Дверь открыл сам хозяин, в белой рубашке с расстегнутым воротником.

"Проходите, Маруся, - сказал он, радостно потирая руки, - вы не последняя".

Из кухни выглянула бледная жена с изможденным лицом и поздоровалась. Следом за ней вышел великовозрастный сын Петра Сергеевича и тоже поздоровался. В комнате уже сидел, забившись в угол дивана, какой-то бородатый карлик.

"Это наш замечательный художник - прошу!"

Петр Сергеевич протянул руку: "Знакомьтесь! Илья Петрович!"

Илья Петрович посмотрел на Марусю исподлобья и что-то пробурчал.

«Очень приятно», - сказала Маруся.

"А пока посмотрите, вот пресса!" - хозяин сделал широкий жест рукой. Везде - и на столах, и на подоконнике, и даже на пианино были разложены газеты и журналы, в названиях которых обязательно присутствовали слова "свободный", "независимый", "демократический".

"Хотите, я покажу вам свои книги?"

Тут из комнаты вышел молодой человек гигантского роста в пляжной рубашке с пальмами и в белых брюках, а за ним маленькая девушка в очках с химической завивкой и в сиреневом блестящем платье.

"Знакомьтесь, - сказал Петр Сергеевич, - Рома и Света".

Потом Петр Сергеевич подвел Марусю к книжному стеллажу.

"Вот посмотрите, здесь у меня Бердяев, Библия с рисунками Доре, а вот -

воспоминания Станиславского. А эту книгу я приобрел при очень интересных обстоятельствах", - Петр Сергеевич указал на огромный старинный фолиант в золоченом переплете и пустился в длинное и подробное описание того, как несколько лет тому назад он шел по улице и встретил школьниц, несших в школу огромные пакеты с макулатурой, как он долго упрашивал их показать ему содержимое этих пакетов, и как, наконец, он добился своего, и в одном из пакетов оказалась эта книга, а потом он познакомился и подружился с одной из этих школьниц, она была еще пионерка...

Маруся рассеянно слушала. Тут из передней послышался радостный смех.

"А, вот еще! Пришли, пришли!" - Петр Сергеевич прервал свой рассказ и зашепшил к гостям. В комнату вошла дама в очках с рыжими взлохмаченными волосами, в брюках и в белом пиджаке, под которым виднелся вязаный шерстяной жилет, она вся была обвешана цепочками и бусами. В руках она держала матерчатую сумку, из которой торчали кульки. За ней вошел мужчина в полосатом костюме, галстук и розовой рубашке, на носу его топорщились очки в пластмассовой оправе.

"Знакомьтесь, знакомьтесь, - нетерпеливо сказал Петр Сергеевич, и в голосе его послышались какие-то визгливые нотки.

- Это Наталья Дмитриевна, а это - Игорь Николаевич".

Не успели гости сесть, как в дверь снова позвонили. На этот раз пришел молодой человек с лысой яйцеобразной головой и густой бородой, тоже в очках.

"А это - наш дорогой Владимир Иванович, молодой ученый. И, конечно, поэт в душе. Ну-с, а теперь прошу всех присаживаться. Поговорим о деле. Собственно, для чего мы здесь собрались? Россия сейчас почти погибла, интеллигенция полностью оторвана от народа, она стоит на коленях, а культура растоптана. Наша задача - возродить культуру, а культура растоптана. А для того, чтобы возродить культуру, нужно поднять интеллигенцию с колен, духовно преобразить..."

"Да, - вмешался сын Петра Сергеевича с горящими глазами, - свобода для нас дороже жизни".

"Браво, браво, молодой человек", - сказал Игорь Николаевич, который сидел рядом с Марусей.

"Да, да, - подтвердил Петр Сергеевич, - но коммунистов мы не берем в нашу партию. Единственно, кого не берем - это коммунистов..."

"Ну и зря, - вмешался Игорь Николаевич, - коммунисты тоже неплохие ребята..."

Тем временем жена Петра Сергеевича неслышными шагами ходила взад-вперед и накрывала на стол. На столе появилась белая скатерть, а затем соленая рыба, ветчина, огурцы, потом горячая картошка и бутылка водки. Петр Сергеевич предложил всем перекусить и продолжить обсуждение. Все с аппетитом принялись за еду. Петр Сергеевич налил водки и предложил тост за свободу и демократию. Все с энтузиазмом выпили, причем Петр Сергеевич встал, обошел всех и старательно чокнулся с каждым. Потом последовал тост за женщин.

"Скажите, пожалуйста, - сказал Петр Сергеевич, уже немного расслабившись, почему это я женщин люблю, а они меня - нет?"

"Об этом лучше спросить у вашей супруги", - заметила Наталья Дмитриевна.

"Видишь ли, миленький, - комариным голоском проговорила бледная иссушенная жена Петра Сергеевича, - ты любишь разных женщин, а каждая женщина хочет быть избранницей".

При этом она так жалобно протянула слово "избранница", что Маруся подумала, что она сейчас разрыдается. Петр Сергеевич уставился на жену, глаза его были непроницаемы, как пуговицы, только где-то там, в самой глубине, теплился безумный огонек.

Игорь Николаевич, сидевший рядом с Марусей, совсем осовел, он ослабил себе ремень на брюках и развалился на диване. А Наталья Дмитриевна говорила без умолку. Она рассказывала про экстрасенсов, о том, что у нее самой недавно открылись сверхъестественные способности, и от нее глохнут телевизоры. А недавно она была на выставке в музее Достоевского - при этих словах она указала на бюст писателя, стоявший на книжной полке в углу комнаты - и там, на картинах не было ничего, кроме квадратов и кружочков, но эти квадраты и кружочки так и высасывали из нее всю энергию...

Бородатый карлик, сидевший рядом с Натальей Дмитриевной, болезненно поежился в кресле. Наталья Дмитриевна повернулась к нему: "Вам холодно?" Карлик доверчиво закивал головой и обхватил свои плечи руками. "А знаете, почему вам холодно? - вдруг сказала Наталья Дмитриевна, - Потому что у вас низкая жизненная программа!" Карлик вжался в кресло. Наступила неловкая пауза.

"Да, а вот я еще знаю, - сказала подруга высокого Ромы Света, чтобы немного разрядить обстановку, - одна моя знакомая была на сеансе экстрасенса. Потом проснулась ночью, а ее руки сами так себя и массируют, так и массируют. А она на свои руки смотрит и запоминает, - где какая точка находится..."

"Да, Светочка, вот видите, - сказала Наталья Дмитриевна, - а я вот сама чувствую, что все наше поле здесь очень густо сконцентрировано, надо немного разрядить".

При этих словах она вдруг замолчала и сосредоточенно уставилась на противоположную стену. Маруся чувствовала себя не очень уютно. Тем временем кто-то вспомнил про академика Сахарова.

"А, - сказала Наталья Дмитриевна, мгновенно очнувшись, - Сахарова на семь лет раньше забрал к себе Космос".

"Почему?" - спросил Игорь Николаевич.

"Грешок какой-нибудь был. И это подпортило его ауру", - пояснила Наталья Дмитриевна.

"Понятно, - задумчиво сказал Игорь Николаевич, - в его ауре дырка образовалась и через эту дырку..."

"Да, да, точно! Я вот сама, будучи уже не слишком молодой, вдруг что-то поняла. Схватила свою дочь под мышку и побежала креститься. Не в какой-нибудь там собор, а в

обыкновенную церквушку на Охтинском кладбище. И оказалось - не просто так - там ведь вся моя родня похоронена, а я-то этого тогда не знала, но вот как-то почувствовала. Вот я и окрестилась - надо же мне приобрести покровительство космических сил".

"Да, возможно, вы правы, - сказал Петр Сергеевич. - Но посмотрите, что сейчас с Россией! До чего ее довели! Ведь она уже почти погибла!"

"А вам не кажется, что Россия это заслужила?" - свысока спросила Наталья Дмитриевна.

"Каким же образом?" - спросил Петр Сергеевич.

Тут с дивана поднялся Владимир Иванович.

"Вы все немного ош-шибаетесь, - заикаясь сказал он, - вот я п-пишу д-диссертацию как раз по теме русской и-истории, вот мы с моим р-р-руководи-телем н-недавно обсуждали как раз этот в-вопрос. Я вам с-сейчас все объясню. Вы п-п-просто заблуждаетесь..."

"Да, да, - подтвердила Наталья Дмитриевна, - вы человек высокой цели. У вас высокая жизненная программа".

"Спасибо", - вежливо сказал Владимир Иванович, но продолжить не успел.

"А теперь чай", - объявил сын, появившись в комнате с кухни.

"Так каковы же цели и средства вашего движения? - спросила Наталья Дмитриевна, - Нужно же определиться. Ведь без этого же ничего не получится".

"Послушайте, - Петр Сергеевич мечтательно посмотрел в окно, - ведь встречаются два человека - мужчина и женщина - и мужчина говорит женщине: "Я тебя люблю". Какие здесь цели? Какие средства? Брак это цель? Или средство? Здесь так просто не ответишь. Я написал книгу. Эта книга будет издана, возможно, при помощи мюнхенских друзей из христианской демократической партии. Регистрировать наше общество мы не будем, я поклялся, пока советская власть существует не вступать с ней ни в какие отношения. Я же и в психушке в свое время сидел".

"Какой ужас! - сказала Наталья Дмитриевна - Подонки! Они хотели бы и саму свободу в психушку посадить! Но настоящего интеллигента не сломишь ни тюрьмой, ни психушкой!"

"Постойте, постойте, я же хотел рассказать, - в волнении вскочил с места Петр Сергеевич, - у меня во дворе стояла березка. И она погибла. А я отломил от нее ветку, и это была просто березовая палочка. И я воткнул ее в землю и поливал. Я думал - я буду поливать ее семь лет! И она все же зазеленеет. И я поливал ее год, но ничего не произошло. Потом пришла зима, все засыпал снег, а весной я снова стал ее поливать. И вот однажды утром я увидел на ней маленький зеленый листик. Я так трясся над ним, я боялся, ведь вокруг ходят люди, бегают кошки и собаки, но все обошлось. И потом из листика получились веточки, а потом выросла целая березка. Я эту березку посвятил одной девочке, одной пионерке, - при этом Петр Сергеевич посмотрел на Марусю, - вот Марусенька знает, как мы познакомились. Я ее любил такой возвышенной любовью, я

давал ей книжки читать и разговаривал с ней. Я вообще люблю женщин в таком возрасте. Однажды я встретил женщину, ей было лет семь, не больше, гораздо меньше, чем Лизе, но она меня поняла, она прекрасно поняла все, что делалось в моей душе. И она меня полюбила. В таком возрасте женщинам еще не свойственно все то мелкое и низкое, что появляется в них позже. Поэтому именно в этом возрасте они для меня наиболее привлекательны. И эта женщина - звали ее Лиза - она стала со мной встречаться, и мы с ней разговаривали. Я ее всему учил. Я ее научил даже целоваться".

Жена Петра Сергеевича заерзала на стуле и многозначительно закашлялась, но Петра Сергеевича было уже не остановить.

"Я помню, я пришел к ней домой, а ее родители куда-то ушли, и мы сидели с ней при свечах, а вокруг было темно, и все так романтично. Я принес ей цветы, моей милой крошке. Вы, конечно, подумали про Набокова, про "Лолиту", но я должен сказать, что не читал этой книжки, хотя и слышал, о чем она. Но у нас все было по-другому! Я в душе художник! И у меня были другие мотивы, совершенно возвышенные мотивы! Вы понимаете, в этом возрасте женщины еще ничего не знают, им все интересно, вот я и учил ее всему, вы понимаете, всему... Но потом каким-то образом узнал ее папа, и у меня были неприятности! Я даже не знаю как, неужели она обо всем рассказала?"

Тут Петр Сергеевич осекся и обвел всех взглядом. На его губах показалась пена, он явно выпил лишнего. Опять воцарилось неловкое молчание. Игорь Николаевич добродушно улыбнулся и сказал: "Ну конечно, кто же такие вещи папе рассказывает!" Все смущенно захихикали.

"Так что же вы все-таки хотите основать? Что-то вроде масонской ложи? Или ордена?" - спросила Наталья Дмитриевна.

"Нет, как вам объяснить... Это будет такая новая форма объединения людей. Вот я написал книгу, я хочу ее напечатать, там все изложено, это новая теория, вы все ее прочитаете и поймете. На основе этого мы и объединимся. Для нас самое главное - свобода. Ради свободы мы готовы на смерть".

"А вы знаете, - сказал Игорь Николаевич, - тут недавно образовалась новая партия, - я, кстати, как раз с этого собрания - и там программа как раз совпадает с вашей. Может, вам просто присоединиться?"

Петра Сергеевича это немного задело.

"Нет, - сказал он, - мы все же лучше отдельно. Не думаю, что мысли из моей книги могут совпадать с программой этой партии".

"И зря, - Игорь Николаевич был настроен очень благодушно. - А хотите, завтра же о вашей организации узнает вся страна? Или даже весь мир? Я, кстати, являюсь внештатным корреспондентом газеты "Путь к свободе"".

И он открыл свой дипломат и вытащил оттуда толстую пачку каких-то бумажек.

"Можете и подписаться заодно. Подписка на месяц стоит пятьдесят рублей".

"Да, да, я сейчас, - засуетился Петр Сергеевич и дрожащими руками стал

выворачивать карманы. - Но у меня здесь только двадцать пять".

"Это не беда. Давайте, сколько можете, остальное потом. А вот вам пока экзemplярик. Эта газета издается на всех языках, ее читают во всем мире. А мне пора", - и корреспондент поспешно направился в прихожую. Маруся решила воспользоваться случаем и уйти. Было уже поздно.

В прихожей Петр Сергеевич обратился к Марусе.

"Маруся, а у вас ведь тоже есть знакомые. Вы должны нам помочь рассказать о нашей новой организации".

"Конечно", - сказала Маруся. Ей не хотелось никого обижать.

"Ну ладно, ладно, - вдруг заторопился Петр Сергеевич, и в глазах его появилось беспокойство, - я вам еще позвоню. Вот я недавно видел сон - будто кто-то меня торопит, что именно сейчас время настало, именно сейчас пора, только бы не пропустить, только бы не опоздать. Как будто кто меня подталкивает, как будто кто шепчет в ухо".

Петр Сергеевич замолчал, словно к чему-то прислушивался. Маруся тем временем незаметно вышла. Она шла к метро мимо автоматов с газированной водой и деревьев, одно из которых, наверное, посадил Петр Сергеевич. В двух метрах впереди вприпрыжку бежал корреспондент газеты "Путь к свободе".

Маруся училась в специализированной немецкой школе. Там же учился и Гриша, но он был на три года младше. К ним часто приезжали немцы, в основном из ГДР. С немцами общаться было разрешено, это должно было способствовать лучшему изучению разговорного языка.

Как-то марусина подруга, Света Митина, которая была комсоргом класса, пригласила ее и еще нескольких мальчиков и девочек к себе на день рождения. У Светы была очень большая задница, и, кроме этого, еще одна замечательная особенность: с первого класса она носила одну и ту же прическу – заплетала две косички и укладывала их на голове в виде корзиночки, а по бокам закрепляла их двумя пышными бантами – то коричневыми, то черными, а по праздникам банты были белого цвета.

Мальчиков у них в классе было мало, и она попросила привести с собой еще, хоть каких-нибудь. Маруся шла с Машей Степановой и с Кучей. По дороге у метро они увидели каких-то прыщавых юношей, которым явно было нечего делать. Они подошли к ним и предложили пойти на день рождения. Юноши с радостью согласились. У Светы мальчиков оказалось не так уж мало, а наоборот, она перестаралась, и девочек было только три, а мальчиков восемь. Причем был даже мужик, бритый, похожий на уголовника, он одиноко сидел в светлой комнате и пил водку из горлышка. Он ни с кем не разговаривал. Маруся пыталась завязать с ним светскую беседу, но он только криво усмехался и пил. Еще был

мальчик из параллельного класса, рыжий и тщедушный, о котором ходили слухи, что он уже побывал в милиции, правда, никто не знал, за что. И еще Маруся встретила там Вову Гольдмана. Он тогда уже ушел из школы, и вел себя совсем как взрослый, на нем были джинсы и серая рубашка.

Маруся помнила, как в седьмом классе Света пришла в школу вся растрепанная, в платье мятом и запачканном цементной пылью, а в волосах у нее торчали разные бумажки, и даже знаменитые банты куда-то пропали. Она сидела на уроках, как сомнамбула, и на все вопросы только улыбалась. Марусе показалось, что от нее пахнет вином. Потом Вова Гольдман рассказал ей, что Света Митина пришла к нему, а он тогда был с другом, которому уже исполнилось восемнадцать лет, и они выпивали. Света попросила у Вовы учебник, а у Вовы давно уже не было никаких учебников, он просто ждал, когда же его выгонят из школы. И Света это знала, но все равно не уходила, а сидела и ждала чего-то. Друг Вовы осмотрел Свету с головы до ног, а потом предложил пойти прогуляться. Они пошли гулять по парку, и в конце концов зашли в подвал заброшенного здания. Там они стали Свету крутить и вертеть, а потом раздели. Она хихикала и не сопротивлялась. А потом Вова рассказал Марусе, что они с ней по очереди поношались. Маруся ему не очень-то тогда поверила, но все могло быть. Позже, уже в десятом классе, она подумала, что, скорее всего, это была правда.

Маруся уже давно не видела Вову, поэтому обрадовалась. Там был и Коммунист, который Марусе в последнее время порядком надоел. Все сидели за столом и пили. Еды было мало, все разные огрызки, куски хлеба и салат из капусты с подсолнечным маслом. Зато очень много выпивки: и портвейн, и водка, и сухое, и даже коньяк. Света пила очень много и как-то лихорадочно.

Маруся уже была у Светы в гостях, правда, очень давно, классе в четвертом. Света тогда любила Пушкина и хотела походить на Татьяну. Она пригласила к себе на день рождения Марусю и еще двух мальчиков. Мальчики эти были самые хорошие ученики в их классе и самые вежливые, к тому же у них были самые приличные родители. Это Маруся знала от своей мамы. У Светы их тоже встретила бабушка, она была очень старая и говорила по-французски. Мама Светы рассадилась всех за стол и каждому дала вышитую салфеточку с инициалами. Когда все поели, мама сказала: "А теперь давайте играть! Светочка, пойдешь, переоденься!" Света ушла и вернулась в розовом платье из сатина, очень длинном и с большим вырезом на груди и на спине. Она взяла в руки веер и грациозно присела. Все захлопали в ладоши, а бабушка в кресле даже завсхлипывала. Потом поставили маленький круглый столик на одной ножке, а на него - зажженную свечу. Света села в бархатное кресло и взяла в руки куриное перо. Рядом стояла старинная чернильница в виде зайчика. Мама Светы сказала: "Это живая картина. Мы раньше очень любили играть в живые картины. Сейчас покажем, как Татьяна пишет письмо Онегину. А ты, Марусенька, будешь няней". Марусе на плечи накинули большой пуховый платок, и она, сгорбившись, встала рядом со Светой. Света, томно обмахиваясь веером, облокотилась о столик и взяла

в руки перо. "Не спится, няня, здесь так душно... – проговорила она, – открой окно да сядь ко мне..."

Маруся молчала, покачивая головой. "Ну, Марусенька, продолжай! – мама Светы думала, что Маруся тоже знает эти стихи, но Маруся не знала, что дальше, и сказала: "Да чего уж там, милая..." Все засмеялись, а Маруся смутилась. "Ну ладно, – сказала светина мама, – а теперь мы потанцуем!" Снова зажгли свет, и на старый проигрыватель поставили пластинку с музыкой. "Это па-де-катр, – сказала мама, – меня еще моя мама учила". Она обратилась к бабушке и сказала: "Сейчас станцуем па-де-катр. Его нужно танцевать вчетвером. Я научу". Маруся встала в паре с толстым Димой, а Света взяла за руку Алешу. "И - раз, и - два, – повторяла мама, и торжественно вышагивала впереди всех, вытянув одну руку вперед, а второй придерживая край платья. Дима все время наступал Марусе на ноги и ужасно сопел. Наконец музыка кончилась. Все сели на диван, и мама Светы ласково обратилась к Марусе: "Марусенька, у тебя такой приятный мягкий выговор! Это украинский, по-моему? Вы же с Украины?" Маруся до этого жила в Шепетовке и ездила туда каждое лето, но в этом вопросе она почувствовала какой-то подвох и ничего не ответила, покраснев. Потом все опять сели за стол и пили чай с пирогом с лимоном. Марусе он очень понравился, и она съела целых четыре куска.

А теперь Маруся даже не могла узнать эту комнату, здесь было пусто, и посередине стоял прямоугольный стол, у стены продавленный диван, а на полу валялись пустые бутылки. Тут в коридоре раздался какой-то шум. В комнату вбежал бородатый тщедушный мужичок небольшого роста. Он держал в руках бутылку портвейна и тряс ею. "Ужас, ужас, – вопил он, – прийти на день рождения к семнадцатилетней девушке с бутылкой! Девушкам дарят цветы, а не эту гадость! Кому же это могло прийти в голову!"

"А, – устало протянула Света, – это папашка, познакомьтесь. Папа, да перестань ты, ради Бога!"

Но тот и не думал успокаиваться. "А ты замолчи, когда говорят старшие! Я все равно узнаю, и вам же будет хуже!" Марусю это очень удивило, ведь на столе стояла целая батарея бутылок, почему же он придирился именно к этой? А бутылку, оказывается, принес Вова Гольдман и забыл на кухне. Теперь он сидел страшно злой и уже собирался уходить. Света умоляюще посмотрела на него.

Маруся встала и сказала: "Извините, это я принесла. Другого подарка под рукой не оказалось, вот я и решила..."

"Ах, Марусенька, что же с вами стало! Ведь вы всегда были такой приличной девушкой! И родители у вас, по-моему, очень достойные! Почему же такой странный подарок? Почему такое убожество? Зачем непременно напиваться? Давайте лучше с вами потанцуем!"

Он подскочил к Марусе, сжал ей руку в своей потной ладони и лихорадочно закружил по комнате. В это время кто-то включил проигрыватель. Это был тот же самый проигрыватель, и даже пластинка была старая! Маруся подумала, что, наверное, они ее так

и не снимали, и все время ставили лишь эту пластинку. Из соседней комнаты доносились какие-то звуки, шарканье, кашель. Наконец танец закончился. Маруся вышла в коридор и увидела, что из приоткрытой двери выглядывает светина мама. Она очень постарела и опухла. На ней был рваный халат, волосы висели сосульками. Она криво улыбнулась и закрыла дверь. А Вова Гольдман уже надевал куртку. Света цеплялась за его рукав. "Я тебя прошу, останься, ты испортишь мне весь день рождения! Ведь это же единственный раз, когда ты пришел, и вот опять уходишь! Я прошу тебя, хочешь, я перед тобой на колени встану!" – Света уже рыдала, но Вова холодно отстранил ее от двери и сказал: "Пошла вон! Надоела!" И хлопнул дверью. Света так рыдала, что из соседней комнаты вышел Коммунист и, икнув, спросил у Маруси: "Чего это с ней?"

"Да, Гольдман ушел – а она его любит, и вот видишь..."

"А-а-а!" – Коммунист взял Свету за руку и повел за собой. Маруся пошла за ними. Там Коммунист посадил Свету на стул и стал старательно целовать взасос. Вид у него был такой, как будто он выполняет тяжелую работу. Наконец Света перестала рыдать и склонилась к Коммунисту на плечо. Посидев так немного, она встала и вышла из комнаты, на прощанье игриво помахав ручкой. Тогда Коммунист схватил со стола бутылку водки и стал жадно пить, причем первый глоток он выплюнул за окно, приговаривая: "Дезинфекция – прежде всего! Чистота – залог здоровья!"

Маруся поняла, что пора уходить, и вышла в коридор. Она хотела попрощаться со Светой, но ее нигде не было. Наконец она открыла дверь ванной. Света была там, она стояла на коленях в луже собственной блевотины. Она подняла на Марусю мутные глаза, икнула и сказала: "Мурка, а помнишь, как мы с тобой танцевали па-де-катр?"

Примерно через неделю, утром, придя в школу, Маруся увидела, что все бегают по коридору и шепчутся, а их классная руководительница вся растрепанная, с черными потеками краски у глаз, выходит из кабинета директора. Оказывается, директору позвонили из отделения милиции и сообщили, что учащаяся их школы была задержана у гостиницы за приставание к иностранцам. Сначала долго не могли выяснить, какая это учащаяся, потому что она наврала фамилию, назвавшись Степановой, и к директору потащили Машу, но Маша с негодованием все отрицала, и потом только выяснилось, что это Света.

Света после школы пошла к гостинице, может, она так уже не в первый раз ходила, но она говорила, что в первый, и ей, конечно, поверили. Ну конечно, она пошла не в школьной форме, она переделалась в кофточку с блестками и черную короткую юбку, накрашила губы и глаза и встала у входа, как будто кого-то ждала. Швейцар ее спрашивал, кого она ждет, и что она делает, она сказала, что ждет маму, что ее мама здесь работает. А потом подошли два немца, один постарше, а второй совсем молодой. Ей понравился тот, что постарше, и она заговорила с ним по-немецки. Он отвечал ей благосклонно, они познакомились, и он пригласил ее в номер. Но когда она с немцем входила в гостиницу, ее задержал мужик в штатском и попросил предъявить документы. Это швейцар, конечно,

капнул. Она стала рыдать, немец быстро смотался, а Свету доставили в отделение милиции, где стали выяснять ее личность.

В школе целую неделю продолжались ужасные разборки.

На комсомольском собрании Свету убрали из комсоргов, а на ее место выбрали другую девочку. Потом Свету и вовсе забрали из школы. Гриша тоже знал обо всем этом, но ничего особенного не говорил, а все молчал. У него вообще появилась новая теория, что говорить надо как можно меньше, потому что, когда ты говоришь, даже о погоде, ты все равно даешь про себя какую-то информацию.

Почти все школьные подружки Маруси вышли замуж за иностранцев. Маруся же какое-то время жила с Костей, потом, после того, как он поставил ей ужасный фингал и попал в психбольницу, она его бросила и жила одна. Почти все мужики вызывали у нее отвращение, и она общалась в основном с Павликом.

Подруга Маруси Степанова рассказывала ей: "Ты не знаешь, что значит трахаться по дружбе! Бывает, ночью сидишь за бутылочкой, разговариваешь, и ему на тебя наплевать, и тебе на него тоже, и вдруг трахнешься. Просто по дружбе. Нет, тебе этого не понять".

Степанова вышла замуж за немца. На ее свадьбе был один француз, друг степановского мужа. Он ничего не пил, только воду, и все говорили, что он бывший алкоголик. Над ним все хохотали, а кто-то предложил налить ему воды из унитаза. Француз по-русски не понимал ни слова. Подруга Степановой Лара сразу же уселась ему на колени. Лара была наряжена в балетную пачку и прозрачную черную блузку. У француз был довольный вид, и он победоносно оглядывался по сторонам, словно приглашая всех разделить его триумф. На его лице словно было написано: "Да, мы, французы, настоящие мужчины!" Рядом сидела еще одна подруга Степановой, Наташа, и с завистью смотрела на Лару. Казалось, она ждала, когда Лара хоть на минутку сойдет с колен француз, хоть в туалет, но Лара и не думала ухолить. Она сидела прочно. Позже Маруся узнала, что Лара вышла за него замуж и уехала в Париж, а там с ним развелась и теперь живет с миллионером, и у нее много машин и разных вилл.

Была еще одна подруга, Ира, она тоже нашла себе француз, но ей француз попался какой-то ненормальный. Он был совершенно тщедушный, плешивый, кривоногий, с оттопыренными ушами, похоже, придерживался коммунистических взглядов и постоянно нес всякую чушь. Он говорил: "Vous, les russes, vous allez avec les drapeaux rouges dans les rues," - и так далее.

Маруся купила в подарок на свадьбу Ларе и Ире деревянные расписные ложки, и принесла их, а там был только этот ненормальный француз, больше никого. Он быстро-быстро, с обезьяньей ловкостью перебрал все ложки, выбрал себе те, что получше, завернул их в бумажку и убрал в чемодан. Потом сел и как ни в чем не бывало стал насвистывать "Марсельезу".

Ира уехала с ним во Францию, но он там оказался наркоманом, и она от него ушла.

Что с ней стало потом, Маруся не знала. Говорили, что она торговала сигаретами в русском ресторане на площади Этуаль, что в переводе значит "Звезды".

"Vous allez avec les drapeaux rouges dans les rues..."

"Какая сегодня хорошая погода! Солнце светит и небо синее! Я вышел из квартиры и наткнулся на привычную надпись на стенке "Пива и баб!" Она была здесь всегда. Потом я поскакал вниз. Во дворе на скамейке сидели три старухи. "Здравствуйте!" - сказал я им. "Здравствуй, здравствуй!" - ответили они. Я был в хорошем настроении. Мне еще надо было зайти в овощной магазин. В два часа ко мне собирался прийти мой новый знакомый Вольфганг. Я хотел купить зеленый салат и огурец. Я так долго выбирал огурец, что продавщица стала орать. Но я сказал: "Спокойней, пожалуйста, за свои деньги я имею право выбрать тот огурец, который мне нравится". Наконец я нашел подходящий огурец, не очень крупный и твердый. Салат выбрать мне не дали, пришлось взять, какой был. Конечно, в Западном Берлине я покупал овощи совершенно другие: чистые, крупные и упакованные в отдельные мешочки. Но все равно, этот магазин мне настроения не испортил. Я купил еще сметаны и пошел на рынок. Там я купил зелени и немного пококетничал с грузином. Грузин шутил, а я смеялся. Но цену за помидоры он все равно не сбавил. Тогда я не стал дальше с ним разговаривать, пошел туда, где мясо, купил целого кролика и отправился домой. Дома меня уже ждал Игорек, он работал поваром в кафе и был моим другом. Одно время, когда он жил у меня, он подавал мне по утрам кофе в постель. Он просто божественно готовит. Стол он накрыл очень красиво, нарезал огурец в форме цветочков и пошел тушить кролика. А я стал одеваться, краситься и причесываться. Ровно в два часа раздался звонок. Это пришел Вольфганг. Мы поцеловались. По-русски он не говорит, и мы объяснялись жестами. Но нам и не нужно говорить, достаточно взглядов. Потом пришла моя мама, я хотел познакомить ее с Вольфгангом, чтобы он тоже ей прислал приглашение в Мюнхен. Мама была просто как королева, в черном пиджаке и белой юбке, в ушах черные клипсы, волосы она уложила очень красиво. Она выглядела как настоящая аристократка. Вольфганг поцеловал ей руку. Тут появился Игорек. Он принес на большом блюде кролика, украшенного зеленью. Я громко сказал: "Просто прелесть! Надо же, скобарь, а так все вкусно приготовил!" Вольфганг вежливо улыбнулся, но все равно ничего не понял, а моя мама засмеялась. Чтобы Игорек не обижался, я его пригласил к столу. А то еще в следующий раз не придет.

Ах, как я устала - это я о себе так иногда говорю, в женском роде. Ко мне заходил Колобок. Мне нужно было с ним серьезно поговорить. Я слышал, что он втихаря отбивает у меня Кшиштофа. Ах, он сволочь, пидарас проклятый! Ведь это я сам их познакомил,

своими руками! Кто бы мог подумать, что у такого урода, как Колобок, могут быть какие-то шансы! Без меня он вечно сидел бы в говне вместе со своей мамой! Я его сделал человеком! И что же получил? Теперь он отбивает у меня моего лучшего друга! Ну, я все же думаю, это он Кшиштофу не очень-то нужен - уж больно Колобок страшный, лысый, прыщавый, глаза какие-то красные, зубы желтые. Но все же нужно его отвадить, нужно с ним разобраться. Ах, сука! - я помню, как он своей ногой о Кшиштофа терся под столом! А потом его по руке гладил! Я тогда не рассчитал, так ужасно нажрался и вырубился! А вдруг у них что-то было, и Кшиштоф меня бросит? Нет, эту паскуду надо проучить! Как только он пришел, я ему сразу сказал: "Что ж это ты, сука, так себя непорядочно ведешь? Где ж это в приличных домах ты видел такое поведение? Или ты в приличных домах никогда не был, в первый раз пустили? А может, ты считаешь, что так и надо? Что, с друзьями так поступают?" А он говорит: "Я вообще не понимаю, Павлик, чего ты так расстраиваешься. Я не знаю, в чем дело, объясни, пожалуйста".

"Ты дурочку не валяй, - говорю я, - ты зачем к Кшиштофу клеился? Ты что, не знаешь, что он мой?"

А он говорит: "Это просто я тогда по пьянке, а потом между нами ничего не было".

Тут я подумал, что это ужасно, они ведь могут меня обманывать, а я ничего не могу сделать, я даже не буду знать, встречаются они или нет. Вот так и надейся на друзей! А Кшиштоф мне так нравится, он такой красавец! Но я не стал показывать Колобку, что расстроился. Я все равно сам по его поведению обо всем догадаюсь. Я не стал его отталкивать. Зачем мне нужно это надиралово? В конце концов, я таких Кшиштофов еще десять штук найду с моей внешностью. Им цена пятачок пучок в базарный день.

Марусик мне что-то совсем не звонит. Очень гордая стала. Но она мне не особо и нужна, со старухой я больше не переписываюсь. Мне теперь французский ни к чему, я решил устроиться в Берлине. Мне нашли одну девицу, у нее папаша был русский немец, и его фамилия Шуман. Но он потом развелся с ее мамашей, и даже в паспорте себе национальность написал "русский", потому что тогда русских немцев преследовали. Хорошо хоть фамилию не стал менять, может, решил, что за еврея сойдет, хотя неизвестно, кем лучше было тогда быть. А эта девица оказалась не такая дура, и когда стала получать паспорт, то записала себе национальность "немка". И я договорился, что мы сочетаемся с ней фиктивным браком, причем ей это нужно, чтобы отсюда выехать, я ей устраиваю приглашение. А я беру ее фамилию и становлюсь "Шуман Павел Владимирович, немец". Тогда есть надежда, что там дадут квартиру, ведь это самое главное, если там иметь жилплощадь, то больше ничего и не надо. А с этой девицей мы заключили соглашение, что, как только попадем в Берлин, сразу же расстаемся, а то еще прицепится и придется с ней возиться, она еще слишком молодая, ей всего восемнадцать лет. Да к тому же у нее мамаша совершенно безумная, кажется, решила, что я на ее дочке по-настоящему женился, и что у нас любовь. Мамаша меня больше всего пугает.

Я тут продавал автоответчик. Нашли мне покупателя, какого-то торгаша. Он

приперся ко мне, жирный, рожа лоснится, волосы сальные, зато в фирменном джинсовом костюме и кожаном пальто. А у меня как раз сидел Колобок и смотрел телевизор. Этот придурок стал торговаться.

А я ему говорю: "Я цену сбавлять не буду ни на рубль, у меня, кроме вас, тысяча покупателей найдется".

Он сел и сидит, думает, аж побагровел весь. Как-то он интересно покраснел - щеки красные, нос тоже, и брови красные, а лоб белый. Я даже подумал, что ему плохо. А по телевизору какая-то музыка играет, симфонический оркестр. Я смотрю, а Колобок, который сидел тихо, вдруг стал руками размахивать.

Я удивился и говорю: "Сережа, что это с тобой?"

Я даже вспомнил, что его Сережей зовут.

А он мне: "Ах, это Бах, я обожаю Баха!"

Тогда я говорю ему строгим голосом: "Сережа, успокойся, пожалуйста, ты же видишь, что мы не одни, что о тебе человек может подумать?"

Я сам подумал, что он окончательно спятил со своим Бахом. А этот торгаш, по-моему, даже испугался, быстренько деньги заплатил, забрал аппарат и ушел. Даже удачно получилось".

Отцу Маруси становилось все хуже. Он уже не мог встать с постели. В комнате пахло лекарствами, на столике в ряд стояли разные бутылочки и коробочки. Раньше он терпел боль и не стонал, а недавно Маруся увидела, как он сидит на кровати, обхватив голову руками. "Что ж это такое, - сказал он, - надо же что-то делать". Ему начали колоть морфий. Врач в поликлинике, когда Маруся пришла за рецептами, сказала медсестре: "А, там-то? Там недолго осталось, не парься!" Маруся и сама видела, что отцу очень плохо. Он дышал с трудом, его мучил кашель, он уже не мог читать, потому что книга падала, и руки дрожали; даже когда он курил, надо было сидеть рядом, сигарета все время выпадала из рук, и он не мог ее найти. Он уже не мог подняться даже в туалет, и ему приносили баночку. Однажды, когда никого не было в комнате, он встал, упал и разбил себе лоб об косяк. Всего за неделю волосы у него стали совсем белые, и он как-то весь высох. Как только кончалось действие укола, опять начинался ужасный кашель. Он ничего не ел. Только все время курил, врачи сказали - пусть курит, от этого ему даже легче. Иногда, правда, ему хотелось чего-нибудь съесть, и марусин брат Гриша ездил по городу и искал пиво и шашлыки, или черную икру. Отец съедал маленький кусочек, остальное с жадностью доедал Гриша. Гриша как будто не понимал, что происходит. Он казался окутанным толстым слоем каучука, и там, под этим слоем, у него в голове копошились какие-то мысли. Он вдруг заговаривал с Марусей и начинал излагать ей свою теорию про евреев, которые захватили

власть и прячутся везде, и поэтому КГБ необходима бдительность. Маруся думала, что, если Гриша рехнется, то это будет неизлечимо, потому что тихое помешательство не поддается лечению. Он уже никогда не выйдет из этого состояния, а будет сидеть на койке, опустив голову и все думать, думать.

В день, когда в городе Шепетовке умерла бабушка, отец Маруси почувствовал это. Ночью он проснулся и попросил пить. Видно было, что ему тоскливо. Это была смертельная тоска, она приходила ночью, под утро, когда еще не рассвело.

"Мама умерла", - сказал отец и заплакал. Его щеки заросли седой щетиной.

А утром, действительно, позвонили и сказали, что ночью бабушка умерла.

"Вот, - сказала марусина мама, - сама умерла и его за собой тащит".

Марусе самой казалось, что между отцом и бабушкой существует какая-то мистическая связь. Эта мысль вызвала в сознании Маруси целую вереницу гробов. Сперва марусин дедушка, худенький беленький старичок, потом марусина бабушка, другая бабушка, мамина - она лежала в гробу с распухшим синим бесформенным лицом, наверное, работникам морга мало заплатили, и они совершенно не старались. Потом бабушка из Шепетовки, ее Маруся, правда, не видела в гробу, но очень хорошо представляла. А мамину бабушку она видела незадолго до смерти в больнице, когда приходила навестить. Бабушка тогда дала ей кусочек маслица, завернутый в бумажку, кусочек сыра и два куса булки. На следующий день она не проснулась после операции - ей отняли одну ногу.

Гриша помогал матери ухаживать за отцом, но он очень не любил, чтобы его будили ночью и, если это случалось, начинал дико ругаться, вытаращив глаза. Он часто орал на отца, когда тот пытался что-то сказать, а Гриша не понимал, и внезапно раздражался дикой бранью. Но, когда у отца был запор, Гриша выковыривал рукой у него из заднего прохода кал, и это занятие ему даже нравилось. Мать даже хвалила Гришу. Хотя иногда он начинал ужасно ругать и ее. Он говорил, что она и отец стучат на него в КГБ, и поэтому его карьера не может сдвинуться с мертвой точки.

Когда пришла Маруся, Гриша вдруг удалился в свою комнату и заперся там. Маруся стала разговаривать с матерью.

"Ты знаешь, он совсем уже сошел с ума, - говорила мать, - он говорит, что я доношу на него в КГБ и что я жидовка. Он говорит, что ты живешь с кагэбэшником, и поэтому тебя и взяли на работу".

Вдруг хлопнула дверь и раздался страшный удар в стенку. Потом в дверном проеме показалось толстое бледное лицо Гриши. У него почему-то совсем не росла борода, а только на подбородке пробивались отдельные волоски, поэтому он никогда не брился. Гриша был очень разозлен. Он закричал матери:

"Не смей говорить обо мне с этой сволочью! Не смей! Говори о себе что хочешь, но моего имени не смей даже упоминать при этой сволочи! Она же жидовка!"

И Гриша так хлопнул дверью, что с потолка посыпалась штукатурка. Потом хлопнула

дверь в Гришиной комнате, и через некоторое время раздалась музыка. Гриша слушал песни Розенбаума. Мать заплакала.

"Вот так каждый день. Но, правда, он мне помогает, и в магазин ходит, и в аптеку. Только ужасно ругается. Я ему предлагала сходить к психиатру, но он даже и слушать не хочет. Говорит, что это КГБ мне дало задание его в сумасшедший дом упрятать".

Теперь, когда умерла бабушка, ко всем маминым волнениям прибавился еще дом в Шепетовке. Ей стало казаться, что целый дом - слишком дорогая цена за то, что соседи два месяца ухаживали за бабушкой.

"Нет, - говорила мама, - это же не в какие ворота не лезет! Они совсем обнаглели, эти Козлюки! Какая жадность, какая непорядочность! Маруся, правда, ведь вы договаривались не на целый дом, а только на половину?"

"Да нет, мама, я же точно помню, что на целый, - Маруся чувствовала, что мама просто так не отстанет. - Отец ведь сам тебе говорил".

"Нет, на половину! Это ты нарочно говоришь, чтобы тебя не заставляли с этим разбираться! А я и так от тебя ничего не жду! Гриша все сделает! Надо подать в суд! Я уже нашла прекрасного опытного адвоката! А в крайнем случае, пусть никому не достается! Скажем, что мы хотели его отдать в фонд Чернобыля, тогда государство его у них из горла вырвет! Ишь, сволочи!"

Гриша выглянул из дверей и закивал головой.

"Гриша им тут звонил. Я заказывала разговор. Так они орать стали, что это непорядочно, что они за бабушкой ухаживали, простыни меняли, кашей ее кормили, а теперь, выходит, и дом не их? А как это он может быть их? Они его, что, строили? Это отец строил, и бабушка! И дедушка! А между прочим, ухаживать за больной - долг совести каждого нормального человека! Надо же, какое лицемерие! Какое корыстолюбие!"

Маруся села в сквере на скамейку и закурила. Было уже довольно тепло, снег растаял. Рядом с ней на скамейке сидела олигофреническая девочка с толстым одутловатым лицом и блеклыми голубыми глазами. Она протянула к Марусе руку и радостно замычала. На девочке было широкое ситцевое платье и спортивные тапочки. В руках она держала надкусанный пирожок. Ее внимание внезапно переключилось с Маруси на воробья, прыгавшего рядом со скамейкой, и она попыталась привстать. Воробей улетел. Изо рта девочки текли слюни.

Маруся вдруг подумала, что Гриша просто не находит применения своим силам, а его взгляды не такие уж сумасшедшие, вот например, члены патриотических обществ говорят почти то же самое, но их же никто сумасшедшими не считает.

И она решила про себя, что надо попытаться познакомить Гришу с ними. Может быть, это поможет ему. Потом она пошла домой и подумала, что надо узнать адрес, где они собираются, и как-то уговорить Гришу сходить хоть на одно собрание. Дай Бог, чтобы ему там понравилось.

Придя домой, Маруся стала рыться в старых газетах. Она никак не могла найти газету, в которой недавно видела интервью с одним из лидеров какого-то патриотического общества, там еще была фотография и контактный телефон. На фотографии толстый, похожий на дуче человек во френче сидел в окружении молодых людей в черной униформе. Газета, поместившая интервью, судя по комментариям и ироничной подписи под фотографией, явно преследовала обличительную цель. Однако как в словах, так и в лице человека во френче чувствовалась скрытая стихийная сила. Да и сам его наряд был необычен. Во всяком случае, не так скучно, как привычные пиджаки и галстуки.

К счастью, газета нашлась. Маруся набрала номер телефона. Ей ответил приятный баритон:

"Пожалуйста, приходите, будем очень рады. Сейчас нам, как никогда, нужна поддержка".

Маруся повесила трубку. Теперь оставалось уговорить Гришу. Это было самое трудное, потому что Гриша боялся ходить в незнакомые места, опасаясь провокаций.

Красное на сером - дьявольское сочетание... "Тот неяркий пурпурово-серый..." Все дрожит и качается как в тумане Люди ходят так быстро их движения карикатурны Раз-два раз-два - вот они бегут по своим делам озабоченно сгорбившись и размахивая ручками Это карлики маленькие тараканы Все внезапно отодвигается становится меньше как будто смотришь в перевернутый бинокль Там вдали в окне старикан достал бинокль и наблюдает за женским общежитием

Часто иногда бывает темно в глазах или перед глазами эта темнота приходит извне Зазубренные края домов начинают движение и раздается скрежет Это скрежет в металлическом голосе звучащем на всю улицу он идет оттуда... Скрежет в шуме трамваев и в потоках людей...

Он пришел рассказать миру Истину... Вот шуришат лапки или кто-то скребется Все связано воедино каждый жест - это символ тайный знак понятный лишь ему Кресты на Владимирском соборе как будто кто-то грубо обрезал тупыми ножницами А на Пантелеймоновской кресты оставили - это тайный знак дьявольское знамение В вестибюле станции метро "Маяковская" огромная красная икона Он встал на колени и перекрестился Красное на сером...

Мокрый снег идет с утра Под ногами сплошная жижа Мокрый снег и серое ноябрьское небо...

"Я предложил Вене поменяться с моими соседями и переехать ко мне. Они, вроде бы, не против, а у нас с Веней образовалась бы гомосексуальная семья. Но он мне сказал, что я его заживо сгною. И что я и так его на каждом углу говном поливаю. А я ему сказал, что это он делает по отношению ко мне. А про меня ему все злые языки наболтали. Но он все равно сказал, что предпочитает оставаться в своей коммуналке, какие бы сволочи там ни жили. Он говорит, что я непорядочный человек. Странно, что это с ним случилось? Он все удивляется, как это со мной Пусик помирился? Ведь я на Пусика в КГБ писал, Пусик из-за меня в психушке сидел, а теперь лучший друг? Дескать, как он мог меня простить. Я говорю ему, что это все чушь, бред и вранье, а с Пусиком я по-настоящему подружился после той выставки, на которую меня сам Венья и пригласил.

Венья сейчас в Америку собирается, у него и приглашение уже есть, ему одна баба прислала. Он там хочет поработать, мусор выносить, помои выливать, со столов убирать. Ему такая работа в самый раз, он просто для нее родился. Он не хочет навсегда уезжать, говорит, что ему уже пятый десяток, и кому он там нужен. Конечно, я его понимаю. Но здесь я просто не могу, такая тоска, просто ужас. Я даже не могу надеть на себя свои вещи, боюсь, что снимут. Просто не знаю, в чем ходить. У меня же теперь все вещи дорогие - джинсы за двести марок, туфли за триста.

Я тут решил съездить в Сочи, развлечься. Купил билет на самолет и полетел. В самолете, конечно, противно, кругом одни чурки и грузины, но я с ними не разговаривал, сделал вид, что я по-русски не понимаю. Там я сразу же в аэропорту познакомился с Вовиком. Вовик просто красавец, и мы с ним поехали на тачке в гостиницу "Жемчужина", у него там приятель обещал номер "люкс". Вовик такой блондин с черными глазами, у него красивые ноги, а задница просто великолепной формы, и он настоящий качок - даже кубики на животе, это вообще редкость. Он был в шортах и спортивной рубашке. Было ужасно жарко. Наконец мы приехали в эту гостиницу. Мне предоставили номер. Я принял душ, надел белый костюм, и мы с Вовиком пошли в бар. В баре было приятно, прохладно, работали кондиционеры, правда, нам немного мешали две какие-то проститутки, но потом они от нас отвалили. Мы с Вовиком пили виски со льдом. А потом пошли посмотреть на море. Там на пляже было столько красавцев! Как в журнале, что я привез из Западного Берлина! И у них такие плавки! Но у меня не хуже, да и фигура у меня ничего! На меня все смотрели, даже иностранцы! Я немного задремал на пляже и обгорел на солнце. Вечером у меня так болела спина, я просто плакал. Конечно, Вовочка помазал меня специальным кремом, но я спал все равно очень плохо. А утром я обнаружил, что у меня украли плавки. Совсем новые, фирменные! Я их вечером повесил сушиться на веревку на балкон, а утром их уже нет! Это настоящая трагедия, ведь я купил их в самом дорогом магазине, и заплатил за них триста марок! Они были такие черные и такого фасона, что вся задница была видна, очень красивые! И вот, в первый же день их сперли! Теперь для меня и отдых не в радость! Какие

же здесь все сволочи, гады, ублюдки советские! Я и одеться здесь прилично боюсь, того и гляди, разденут! У меня и настроения никакого не стало, просто никакого! Я рассказал Вовику, он тоже мне сочувствовал, хотя может, сам и спер, падло! Такие люди пошли, никому верить нельзя! Вот раньше, до войны, люди были гораздо лучше, добрее! Я вот смотрел разные фильмы, и мама мне рассказывала, и, что не говори, люди тогда были лучше, добрее, искреннее, каждый был готов другому на помощь прийти, никто чужого не брал, наоборот, все делились друг с другом! А сейчас, прямо как собаки, все злые, так и норовят что-то стащить, обозвать тебя по-всякому, толкнуть! Я даже не знаю, почему так, но я думаю, что во всем правительство виновато.

Вот цены повышают, это, конечно, не очень хорошо. Но с другой стороны, у правительства сейчас нет другого выхода. На хлеб просто необходимо поднять цены, потому что у нас люди выбрасывают хлеб в мусор, и мальчишки хлебом в футбол играют, я сам видел. Конечно, у нас хлеб не такой хороший, как в Западном Берлине, но все равно, по-моему, слишком дешевый. Тут Горбачев прав, и вообще, он довольно симпатичный, интеллигентный. Конечно, лучше, если бы у него на башке не было пятна, но это не главное. Главное, мне кажется, чтобы не было коммунистической партии, в этом все дело".

Приближалась Пасха. Звонил Петр Сергеевич и сказал, что они с друзьями собираются провести символический крестный ход вокруг собора, где сейчас располагается музей, потому что администрация не разрешила провести пасхальную службу внутри собора. Петр Сергеевич сказал, что соберется вся демократическая общественность, и пригласил Марусю прийти. Маруся знала этот собор, там одно время музейным смотрителем работал Павлик. Что-то он давно не звонил, и телефон у него не отвечает... Петру Сергеевичу она пообещала прийти. И хотя она не собиралась никуда идти, на следующий день Маруся все-таки пошла к собору. Так часто бывало с ней.

На площади у памятника императору уже собралась группа людей. Петр Сергеевич, заметив Марусю, сразу же направился к ней. Он был очень возбужден и с ходу заговорил:

"Хорошо, что вы пришли, нам нужно, чтобы было как можно больше народу. Этим мы продемонстрируем наше единство и сплоченность. Необходимо, чтобы в соборе проходили службы, чтобы власти вернули собор верующим".

Маруся уже давно слышала, что существует церковная "двадцатка", которая добивается возвращения собора церкви. И хотя все это ее мало интересовало, она спросила Петра Сергеевича об этом, ей хотелось его поддержать. Но почему-то при упоминании о давно существующей "двадцатке" Петр Сергеевич досадливо поморщился.

"Верующие, конечно, все мы верующие. Но верующие верующим рознь. Они ходят в церковь, крестятся, а сами тайком договариваются с директором. Они с ним просто

сговорились. И представляете, они сказали мне, чтобы я им не мешал. А как я могу помешать? Мы можем только помочь, нельзя отказываться от помощи, это не по-христиански! Мы все должны сплотиться в борьбе! Нам не нужно таких верующих. И знаете, - тут Петр Сергеевич доверительно наклонился к уху Маруси и лихорадочно зашептал, - та "двадцатка", о которой вы говорили, я это точно знаю, они связаны с этим патриотическим обществом, у меня есть связи в исполкоме, теперь не то, что раньше, с ними разберутся и их расформируют, я уверен... А мы тут новую "двадцатку" организовали, кстати, не хотите ли войти, у нас еще нескольких человек не хватает? И мы добьемся, чтобы собор вернули Церкви. Большевики должны вернуть народу то, что они у него отняли!" - последнюю фразу он произнес уже громким и уверенным голосом, ему явно хотелось, чтобы ее услышали все. Тут Петра Сергеевича кто-то окликнул, и он исчез в толпе.

Рядом с Марусей худая женщина вся в черном, с круглым восточным лицом, громко рассказывала столпившимся вокруг нее юнцам о каком-то своем родственнике или близком друге.

"Август Августович для меня - самый близкий человек, он сделал для меня очень много. Только благодаря ему мы можем восхищаться теперь этой красотой, этими колоннами, этой бронзой, этим мрамором..."

Толпа тем временем сильно увеличилась. Маруся заметила двух женщин и старушку в платке, которые стояли в стороне и о чем-то переговаривались между собой. Что-то во взгляде одной из них напомнило Марусе ее бабушку из Шепетовки. Как раз она и направилась к Петру Сергеевичу.

"Мы - члены "двадцатки" этого собора. Мы хотим попросить отменить ваше мероприятие. У нас уже есть договоренность с дирекцией, и в будущем воскресенье здесь пройдет служба. А ваша демонстрация может все испортить. Пожалуйста, уговорите их разойтись". Она еще что-то говорила о том, что им надо идти в церковь на службу, что им некогда, и все время просила Петра Сергеевича уговорить всех разойтись.

Петр Сергеевич обиженно поджал губы. Вдруг стоявшая рядом с ним женщина, та, что рассказывала про Августа Августовича, злобно вмешалась в разговор и завопила:

"А-а-а, в церковь им надо! Им на службу надо! Ну так идите, предатели, лицемеры! Идите! А собор, прекрасный, многострадальный собор пусть погибает! Пусть глумятся над ним люди без чести и совести! И несчастный Август Августович не получит успокоения на том свете!"

При этих словах она схватила Петра Сергеевича за руку и увлекла его за собой.

«Товарищи! То есть дамы и господа! В собор! Вперед! Зажигайте свечи! За мной! Эти свечи горели в день рождения Августа Августовича на его именинном пироге! Они помнят его улыбку, его младенческий смех».

И только теперь Маруся поняла, что Август Августович - это архитектор, построивший собор, а восточная женщина - та самая безумная сотрудница, влюбленная в архитектора, о которой ей как-то рассказывал Павлик, когда здесь работал. Она даже

устраивала день рождения этого архитектора, на который пригласила и Павлика вместе с избранными сотрудниками. Павлик рассказывал Марусе, что на столе стояли три нагроможденных друг на друга торта, в которые было воткнуто триста купленных в церкви свечек. Ведь Августу Августовичу исполнялось триста лет! Такого не ожидал никто!

Маруся даже вспомнила, что звали эту женщину Елена Борисовна. И точно. Петр Сергеевич так к ней и обращался. Елена Борисовна достала из сумки, висевшей у нее на плече, небольшую застекленную икону Божьей матери и вскинула ее над головой.

"За мной! Дамы и господа, в собор! Зажигайте свечи! Идем организованно! Никакого шума и беспорядка!"

Все достали свечи, зажгли их и толпой двинулись за Еленой Борисовной. Она шла впереди, рядом с Петром Сергеевичем, и все время повторяла: "Спокойнее, спокойнее, дисциплина - прежде всего!" Толпа увлекла Марусю за собой, она шла прямо за Петром Сергеевичем и Еленой Борисовной. Они перешли дорогу и поднялись по высоким гранитным ступеням. У кассы народу было немного.

"Не волнуйтесь, товарищи, билеты я уже купила, - сказала Елена Борисовна, - Сначала обойдем собор вокруг".

Она уверенно шла впереди, все время оглядываясь, казалось, что она кого-то ждет.

"Что, не все еще пришли?" - спросил Петр Сергеевич.

"Да нет, просто телевидение обещало приехать. Я звонила им и сказала, что я организую крестный ход протеста. Они обещали быть".

"Вы организуете? Вы? - возмущенно переспросил Петр Сергеевич. - А не я?!"

"Ну как вам не стыдно, - раздраженно сказала Елена Борисовна, - Мы делаем одно общее дело, и для нас главное - его сделать, а кто именно это организовал, - какое это имеет значение?!"

Они обошли вокруг собора уже три раза, но телевидения все не было. Елена Борисовна была одета легко, было видно, что она замерзла, нос у нее покраснел.

"Ну что ж, друзья, - произнесла она со вздохом, еще раз оглянувшись по сторонам, - теперь - в собор!"

И все толпой двинулись к входу. Испуганная старушка на контроле закричала дрожащим голосом: "Нельзя, нельзя!"

"То есть как нельзя? - бесцеремонно вмешалась Елена Борисовна, - В Храм нельзя? А у нас билеты! А свечи сейчас же всем погасить!" - крикнула она, обернувшись назад.

Все дружно пошли в собор. Посетителей, к счастью, там почти не было. Елена Борисовна шла впереди. Она встала в самом центре, прямо напротив царских врат, подняла вверх руку и хорошо поставленным голосом произнесла:

"Внимание! Наконец-то мы здесь! Это торжественнейший день! Он надолго останется в нашей памяти! Мы пришли оказать собору защиту! Этот трижды оскверненный собор вопиет к небесам! Его осквернили первый раз в 1928 году! Второй раз - в 1937, а в третий - когда пустили сюда этих отвратительных мелких людишек, которые смеют называть себя

"научными сотрудниками", а думают лишь о собственной выгоде и пользе!"

Тем временем в соборе появилось телевидение. Бойкий молодой человек в кожаной куртке подскочил с микрофоном к Елене Борисовне и сказал:

"Пожалуйста, вы, как зачинатель этого дела, скажите, что вы сейчас чувствуете?"

"Я? Что я чувствую? - голос Елены Борисовны задрожал, - Я чувствую восторг и радость победы, и, в то же время, печаль, глубокую печаль и скорбь..." - при этом Елена Борисовна, как бы невзначай, все время поворачивалась спиной к Петру Сергеевичу, не давая ему подойти к камере. Маруся заметила, что из алтаря выглядывали какие-то испуганные люди, наверное, это были сотрудники музея, никто из них так и не решился выйти, наверное, они испугались телевидения.

А Елена Борисовна выстроила свою паству полукругом и торжественно произнесла:

"А теперь, братья и сестры, споем, кто как может, "Богородицу"! - и, грозно свернув глазами по направлению к алтарю, где прятались "отвратительные и мелкие людишки", первая затянула пронзительным голосом "Богородице дево радуйся".

"Последний раз, когда я имел дело с бабой, у меня ничего не вышло. Перед тем мне удалось трахнуть одну сорокалетнюю бабу, надо было помочь Пусику получить прописку, а он очень понравился начальнице паспортного стола. Она была такая огромная толстая, ну как все наши советские, которые постоянно что-то жуют. Если бы это была Гурченко, я, может быть, и сам бы захотел, во всяком случае, это было бы гораздо проще. Но хотела она сначала Пусика, а он вообще пассив, и, тем более, с бабой, тем более с такой, то это я не знаю, как надо расстараться, даже и не Пусику. Ну он и попросил меня. Я пришел к ней и стал говорить о том, какая у моего друга тяжелая жизнь, что его бросила жена, как он страдает. Но она сразу сделала стойку на меня и так кокетливо говорит: "Вы бы зашли ко мне, мы бы с вами чайку попили, и все бы обсудили, а то так, в этой обстановке разговаривать просто невозможно». Я подумал, что одним чайком дело не обойдется, как я ни старайся. Это надо так нажраться, чтобы на нее встал, бутылку, как минимум. Но я тогда Пусика очень любил и очень хотел ему помочь. Я думал, что мы будем жить с ним вдвоем в этой квартире и никогда не расстанемся. Эта колода написала мне свой адрес и сказала, когда приходить. Ну, я пошел к ней. Она открыла мне дверь сама, и на ней был такой воздушный халатик, и ее толстые ляжки и огромная грудь постоянно выглядывали из разных отверстий. Господи, какое мучение! Это был самый страшный момент в моей жизни! Я старался на нее не смотреть, пока не выпил. Когда я опрокинул стакан, мне стало представляться, что это мужик, с которым спал Кшиштоф, он тоже был мерзкий, но не такой отвратительный, как эта свинья. Когда я выпил бутылку, я почувствовал, что, может, и смогу. А она ничего не пила, только смотрела на меня, и ее огромная грудь вся колыхалась

и волновалась. Меня разобрал такой смех, что я прямо не мог сдержаться, да к тому же еще и пьяный был. Я закрыл лицо руками и стал ржать. А она решила, что я рыдаю, и подошла ко мне и навалилась на меня своей тушей. Она обняла меня, и я просто задохнулся в ее жирном потном теле. Мне уже стало не до смеха. А она все повторяла: "Что с тобой, мой мальчик, не плачь, не надо так расстраиваться, все пройдет, все будет хорошо!" А уж мне-то как хотелось, чтобы все стало хорошо, и чтобы все поскорее прошло. Но все было впереди. Она обняла меня, и я встал со стула. Она прямо понесла меня в спальню, потому что я вдруг почувствовал, что ноги у меня не идут. Она стала раздевать меня, шепча всякие отвратительные нежности. Я старался думать про Пусика, но не мог. Я почувствовал, что сейчас буду блевать. Я попросил ее принести мне воды. Она выпорхнула из спальни, а я тем временем разделся и лег под одеяло. Она дала мне стакан сока, и я его выпил. Тошнить, вроде, перестало. Тогда она разделась и, как огромная гора жира и мяса, рухнула на меня.

Если бы Пусик знал, чего мне это стоило, он бы подарил мне что-нибудь хорошее. Например, фирменные сигареты. А он, сволочь, через месяц меня забыл и променял на другого. Да я сам, правда, не особенно расстраивался. Он мне быстро надоел. Ой, какой это был ужас! Я даже не понял, трахнул я ее или нет. Или это она меня изнасиловала. Но одно я помню точно: Пусик прописку получил и очень скоро.

Ну так вот, а второй случай был такой - ко мне приехал ночью Гарик с двумя проститутками, и с одной он лег сам, а вторая легла ко мне в постель. Тогда была ночь, и я уже спал. Она мне показалась ничего - такая худенькая, симпатичная. И она всю ночь так ко мне приставала, старалась, и так меня заводила, и этак. Но у нее ничего не вышло, я не среагировал. Теперь мне, вообще, не знаю, что для этого нужно сделать, наверное, только рядом поставить раком красивого мальчика, тогда, может, и получится. И то сомневаюсь".

Маруся уже несколько дней не была у матери и не знала, как дела у Гриши. Она шла по набережной мимо сквера, где обычно собирались члены патриотического общества. И теперь, еще издали она заметила скопление людей. Ей было интересно послушать, к тому же она думала о Грише и машинально повернула по направлению к скверу. Она вспомнила сон, который видела несколько дней назад. Ей снилось, что она пришла в точно такой же сквер, и там, на эстраде и вокруг, стояли группы мужчин в черных косоворотках и брюках, заправленных в сапоги, совсем как на той фотографии в газете. Руки их были сложены на груди. Посредине сцены у микрофона выступал тщедушный мужчина со светлыми волосами и бородкой. Он выкрикивал: "Вы представляете себе, они едят голого русского человека! Как это понимать, что это значит? Они режут ножом и едят голого русского человека!" Маруся не поняла, о чем он говорит. Она слушала дальше: "А представляете себе, что значит голова русского человека? Это мозг нации, вот что они едят!" Он

выпрямился и посмотрел вокруг. Все зааплодировали. Вдруг рядом с Марусей раздался вопль. Она вздрогнула и обернулась. Рядом с ней стоял мужчина в летней клетчатой рубашке и в коротких потрепанных джинсах. Он истошно орал: "Ка-гэ-бэшник! Ка-гэ-бэшник!" При этом вся его фигура содрогалась, на шее проступали жилы, а очки подпрыгивали на потном носу. Руки он почему-то держал по швам, в одной из них судорожно сжимал детский портфельчик, и при каждом выкрике как будто подпрыгивал, устремляясь всем телом к эстраде.

Толпа вокруг него раздалась, и мужчина очутился на пустом месте. Все с интересом смотрели и ждали, что же будет дальше. Тут из толпы вырвался, раздвинув всех, высокий кудрявый брюнет. Он решительно направился к эстраде. Когда он уже подходил по ступенькам к микрофону, один из молодых людей в черной рубашке молча толкнул его кулаком в грудь и встал, загородив микрофон. В это время на сцене появился еще один человек в черном наряде, и Маруся узнала в нем брата Гришу. Бледное лицо Гриши было значительно, оно даже казалось одухотворенным. Он встал у микрофона, скрестив руки и опустив голову. Вся фигура его выражала скорбь. Маруся удивилась произошедшей с ним перемене. Он держался уверенно и даже красиво. После минутной паузы он поднял голову и сказал громким голосом:

"Друзья! На наших собраниях выступать мы никому не предлагаем. Выступают лишь члены нашей партии, поэтому заранее просим извинения у всех желающих выступить. Я хочу сказать по поводу прозвучавшего здесь слова "кагэбэшник". Оно прозвучало из уст этого вот, - голос Гриши стал грозным, - вот этого вот... гражданина". Гриша протянул вперед руку, и его палец указал прямо на человека с портфельчиком.

"Скажите, пожалуйста, гражданин, а что, собственно, вы имеете против деятельности нашего комитета государственной безопасности? Да, эти слова многим здесь не нравятся, и они, можно сказать, наводят ужас на некоторых граждан, и можно даже понять, почему. Но запомните раз и навсегда - вы и им подобные демократы - эти слова для нас являются скорее комплиментом и ни в коем случае не оскорблением, поэтому, если хотите нас оскорбить, подбирайте другие выражения, желательно, конечно, цензурные!"

Последние слова Гриши были встречены шквалом аплодисментов и криками "ура!"

"Это один из лидеров", - услышала Маруся рядом с собой шепот.

"Надо же, как быстро он стал лидером, - подумала она, и как он изменился. Это подействовало на него, как самый эффективный курс лечения".

Тем временем, на сцене появилась полная женщина в юбке до пят, с белыми крашеными волосами, распущенными по плечам. Она подошла к микрофону и сказала:

"Друзья! Я хочу рассказать вам нечто странное и удивительное. Но я не могу поведать вам этого, пока у нас не будет нашего Русского Дома. Я расскажу вам о том, что двадцать пятого числа меня хотели убить, и кто это пытался сделать. Я расскажу, какие страшные вещи творятся здесь на каждом шагу, и кто их делает. Но я смогу сделать это только в нашем Русском Доме. Здесь вокруг столько врагов, они везде, они слушают нас, мы должны

быть осторожны. Мы живем здесь в своей стране, и у нас до сих пор нет своего Русского Дома, где мы могли бы поговорить, встретиться. Давайте же вместе требовать, чтобы он у нас появился".

Женщина повернулась и стала слезать со сцены. Ей помогли. Ее выступление тоже вызвало аплодисменты. Тут в другом углу сада послышался шум и крики, на сцене заволновались, и из микрофона раздалось:

"Друзья! Соотечественники! К нам идут сионисты! Они затевают провокацию! Давайте же не поддаваться и сохранять спокойствие!"

Толпа заволновалась, зашумела. Одни кричали: "Сионисты!" Другие: "Фашисты!" Вопли становились все громче и громче, и разносились над толпой в небе, наконец, они слились в каком-то едином противоестественном хоре. Тут Маруся проснулась. Оказывается, она с вечера забыла выключить радио, и из него на всю мощность звучал гимн Советского Союза. Было шесть часов утра.

Теперь, войдя в сквер и приблизившись к толпе, Маруся вдруг заметила знакомую фигуру. Рядом с импровизированной трибуной, составленной из забытых строителями досок и прочего хлама, в группе людей, находившейся отдельно от остальных, стоял Толик. По тому, как он держался, как разговаривал с теми, кто к нему обращался, было видно, что он является одним из организаторов митинга. Толик, кажется, тоже заметил Марусю. Он как-то засуетился и угодливо закивал ей издали, в глазах его промелькнула почти собачья преданность, он явно хотел заговорить с Марусей. Маруся вспомнила ту сцену в Николаеве, как Толик тогда лип к Косте, хватал его за рукав, что-то пытался доказать, то обличая, то угодливо унижаясь, и еще фразу о том, что в костином "холодном эстетизме нет ничего русского". Она вспомнила свое тогдашнее сочувствие Толику, и одна мысль о том, что она могла поддержать его, показалась ей настолько ужасной и отталкивающей, что она вдруг почувствовала отвращение к нему, а вместе с ним и к стоящим вокруг него людям. Она еще не успела вслушаться в то, о чем они говорили, но их одежда и манера держаться показались ей вдруг ужасными, каким-то жутким и жалким смешением безвкусицы и дурного тона. Маруся резко повернулась и пошла прочь.

Совсем недавно Маруся узнала, что Костя, последнее время живший у своей матери, перед самой Пасхой вдруг исчез из дому. И вместе с ним исчезли почти все его стихи, записки и мысли, которые он заносил в маленькую синюю тетрадочку за семь копеек. Маруся видела у него однажды такую тетрадочку на столе. Его долго не могли найти, а потом обнаружили в склепе на Смоленском кладбище в одной рубашке и домашних тапочках, и опять отвезли на Пряжку. Стояла ранняя весна и по ночам были заморозки... Но Маруся знала, что даже в нормальном состоянии он никогда не замечал холода и мог ходить в одной рубашке, хотя всегда одевался, как все, просто чтобы не бросаться в глаза. Они часто гуляли с Костей по ночному Ленинграду. И Костя все говорил, говорил, а Маруся слушала. Но если бы ее попросили повторить его слова и мысли, то она бы не смогла. Да это и не были обычные мысли или слова, а, скорее, какая-то звуковая волна, музыка,

которая входила в нее и растворялась без следа; когда она слушала, это было так значительно, так огромно, казалось, раскрывается Вечность, и ты переносишься на Небо... Маруся не только не могла повторить, но она даже не могла себе представить, как это можно записать, может быть, все дело было в костинном голосе... Она вдруг вспомнила, что все костины рукописи исчезли.

"Ну ничего, - почему-то сказала она вслух, - зато библиография сохранилась у Толика", - и свернула налево к Неве.

Последний раз, когда она с ним говорила, Костя был очень подавлен и все повторял про одиночество и тоску.

"Он так часто говорил", - успокаивала себя Маруся, но все же тревога не проходила. Она быстро шла по набережной, на остановке около Университета было много народу, и Маруся пошла пешком через мост. Дул ветер, внизу под мостом темная вода завивалась водоворотами.

"Какое здесь сильное течение", - подумала Маруся. Она шла и смотрела в лица прохожих, а они были мрачные и угрюмые. Внезапно все представилось ей как бы застывшим и черным. Она вспомнила, как давно в феврале шел мокрый снег, и она стояла на мосту и смотрела на черную воду. Вокруг летели огромные хлопья и падали на лица, на пальто. Она долго стояла и смотрела на воду, и какое-то странное тяжелое чувство вошло в нее тогда. Но жизнь отвлекает, рассеивает внимание, и это забылось, как и многое... И серые тучи на сером небе... И красная секундная стрелка мелкими щелчками продвигается вперед по циферблату ровно и монотонно... Она похрустывает и поскрипывает... Все застыло в неподвижности... Ведь, кроме этого, есть и еще что-то... Но что? И где оно?

У Маруси не было денег, и она позвонила Грише. Гриша всегда давал ей деньги, когда они ей были нужны. Она просила у него в долг, но назад не отдавала. А Гриша их не требовал, правда, иногда, передавая ей нужную сумму, он как-то многозначительно ухмылялся. На этот раз они договорились встретиться с ним у Московского вокзала, рядом с кооперативными киосками. Маруся уже издали увидела Гришу, он возвышался над кучкой людей, толпившихся около киоска, и внимательно что-то рассматривал. Маруся подошла и тронула его за локоть. Гриша обернулся и приложил палец к губам.

"Тише, тише, не привлекай к себе внимания!" - прошипел он.

Прямо перед ним на корточках сидел похожий на киргиза черный мужик с раскосыми глазами и огромной головой. На нем была джинсовая куртка. Он положил на землю кусок картона, на котором разложил три одинаковых календарика с изображением Исаакиевского собора. Он быстро-быстро тасовал их и выкрикивал:

"А вот, товарищи биндюжники, китайский способ игры! Кому - кино, кому - домино!

Подходи, налетай! Пожалуйста, пятьдесят рублей! Ваш выигрыш, мой проигрыш! Выиграл - радуйся, как жена сына родила, проиграл - не ругайся, как сварливая женщина! Называй, угадывай! Выиграла полная карта! - он перевернул один календарик, там в середине шариковой ручкой был нарисован заштрихованный синим квадрат. Два другие календарика были чистые, без квадратов.

"Один полный, как ваша голова! Два пустые, как моя голова! - Он хлопнул себя по голове, - Девушка, говори, какая карта! Показывай!" Рядом с ним, засунув руки в карманы, стоял коренастый парень с цепким взглядом маленьких глаз, в замызганных брюках, волной спускавшихся ему на пыльные ботинки. Он шагнул вперед и протянул ему мятые бумажки.

"Давай, я на пятьдесят рублей!"

"Пожалуйста! Какая полная?"

"Эта".

"Правильно угадал, ваш выигрыш, мой проигрыш! Давайте, налетайте!"

Подходили все новые люди, толпа увеличивалась. Гриша тихо сказал Марусе:

"Ты знаешь, я заметил. Эти двое точно работают в паре. Здесь грузовик проезжал, толпу на время разогнал, так я даже слышал, как они переговаривались. Грубо работают", - Гриша самодовольно усмехнулся.

"А главное, я вот что заметил, зрение-то у меня отличное, я все четко вижу; и я заметил, что эта карточка, на которой нарисовано, помечена, у нее уголок надрезан немного. Никто этого, конечно, не замечает, народ все время то отходит, то подходит, и никто долго не задерживается. Один идиот даже золотое кольцо ему проиграл, у него денег не хватило. А это же самое настоящее жулье! Я уже достаточно проанализировал ситуацию..."

С этими словами Гриша достал из кармана пятьдесят рублей и решительно протянул черномазому: "Держи!" Тот снова перетасовал карточки. Гриша уверенно показал на ту, что справа.

"Верно, выиграл! Поздравляю, твое счастье!"

Мужик протянул Грише те пятьдесят рублей, которые Гриша ему только что дал. Но Гриша сказал:

"Это же мои. А где выигрыш?"

Мужик поморщился, но все же достал из кармана еще пачку купюр и отдал Грише полтинник.

"Та-а-ак!" - Гриша был доволен.

"Ну, держи снова!" - Гриша опять дал ему полтинник.

Мужик снова разложил карточки, правда, уже без прибауток. Гриша угадал и на этот раз. Мужик уже не улыбался. Рядом с Гришей незаметно появился парень в мятых брюках и стал оттирать Гришу плечом.

"Слушай, иди отсюда, а? Иди дарагой! Смотри, у тебя девушка красивая! Иди, у тебя

что, дела нет?"

Гриша возмутился.

"Чего это я должен идти! У нас, между прочим, в Конституции записано, что все равны, и я могу стоять, где хочу!"

Он опять протянул пятьдесят рублей.

"Держи еще, друг! Раскладывай!"

Маруся видела, что дело идет к скандалу; она отошла и издали наблюдала за толпой. Вдруг послышался истошный крик.

"Ты чего толкаешься, сволочь? Ты чего? Что я тебе сделал? Смотри, уже спокойно и стоять нельзя! Ах ты, шпана проклятая! Братское чувырло!"

Это вопил парень в мятых брюках. Толпа заволновалась, потом народ расступился, и оттуда вылетел Гриша. Он держался рукой за глаз. Маруся подошла поближе.

"Гриша, ты что? Что случилось?"

Гриша с досадой махнул рукой. Под глазом у него был здоровенный фингал.

"А, жулье проклятое!"

И он пошел прочь быстрым шагом. Маруся последовала за ним.

Последнее время Гриша почти забыл про КГБ, но зато теперь он всем говорил, что поддерживает связь с инопланетянами. Это случилось с ним недавно, рассказывал он Марусе, когда они шли с ней по Невскому. Он шел по улице и увидел такую светящуюся точку. Точка стала расти, расти, приближаться, и вдруг прямо перед Гришей появился человек, абсолютно лысый, с очень пронизательными глазами, почти как у Геннадия Аристарховича, в общем, вид у него был необычный. Гриша точно не мог объяснить, в чем заключалась его необычность, и только повторял: "Глаза его горели неземным огнем". Этот человек дал понять Грише, что он инопланетянин и отныне будет поддерживать с ним связь. Им была необходима информация для того, чтобы исправить человечество, которое погрязло в пороках. Для поддержания связи от Гриши не требовалось ничего сверхъестественного, "только в кармане должно все время лежать вот это", - и Гриша показал Марусе маленькую круглую батарейку, 343-й элемент. Маруся спросила:

"Это что, он тебе дал?"

"Ну да, - Гриша важно кивнул, - я теперь всегда ее с собой ношу. Даже сплю с ней".

У Гриши был двойной подбородок и толстое расплывшееся лицо. Давно не стриженные волосы спускались на воротник, из-под волос маленькие глазки задумчиво смотрели в небо, где желтые облака в небе и неизвестно откуда взявшиеся чайки напоминали кладбище, на котором похоронили отца.

Тогда еще здоровенный мужик в комбинезоне и с золотым крестом на голой груди рассказывал стоящим вокруг свежей могилы сослуживцам отца, что он был художником и своей матери на могилу устроил памятник, в котором теплилась свеча. Кладбище находилось далеко за городом, оно было грязное и неухоженное, без единого дерева. Но

марусин отец хотел, чтобы его похоронили именно здесь, потому что здесь был похоронен его друг, с которым он когда-то вместе учился. Маруся слышала, как мамина сестра, марусина тетя, сочувствует маме и недоумевает, почему он не захотел, чтобы его похоронили на кладбище, где похоронена их мама, оно такое приятное, зеленое, а теперь марусиной маме придется мотаться из одного конца в другой.

Вдруг Гриша перехватил взгляд Маруси и ужасно разозлился.

"Что ты на меня так смотришь? Я ведь не брежу, я не пьяный, не сумасшедший, я взрослый, здоровый, нормальный человек, и я доверяю только своим чувствам, своим органам. Я вижу, слышу и осязаю только то, что реально существует. Не надо делать из меня сумасшедшего".

И Гриша, резко повернувшись, пошел прочь. Маруся издали видела, как он шел в толпе против течения, изредка дергая плечом, когда его кто-нибудь задевал.

"Ну ничего, - подумала она, - ведь их же осматривают врачи перед выходом в рейс. И психиатр там, конечно, есть".

Марусе позвонила мать и в ужасе рассказала, что Гриша, придя домой с вахты, тоже сообщил ей про инопланетян. Он все время разговаривал с ними, а недавно опять сказал маме, чтобы она не смела доносить на него в КГБ, и что после смерти отца она нарочно установила сигнализацию, из страха, что он ее изнасилует.

"Он же скоро собирается в рейс. Как отпустить его в таком состоянии?"

"А врачи его осматривали?" - спросила Маруся.

"Да, осматривали. Он утверждает, что подробно рассказал психиатру про инопланетян, и тот заключил, что Гриша абсолютно здоров. Но, с другой стороны, сейчас, действительно, очень ко многим прилетают инопланетяне, и даже недавно по телевизору была передача, в которой выступали настоящие пришельцы из космоса, один мужчина и две женщины, похожие на обычных людей, и тоже говорили, что прилетели сюда, чтобы помочь людям на земле, которые ужасно испорчены и погрязли в пороках... Да, скорее всего, он нормальный, вдруг успокоилась мама.

- А еще я тут видела по телевизору передачу, как одного мужика инопланетяне взяли к себе, а потом отпустили. И они вылечили его от всех болезней и даже от хронического алкоголизма. И теперь они периодически его навещают".

"Да, - сказала Маруся, - но в рейс ему все же лучше не ходить".

"Почему это? - Мама вдруг разозлилась. - А ты подумала, что я буду есть? Сейчас все хуже и хуже, а если его выгонят из пароходства, то он может пойти работать только грузчиком в магазин. Ведь он ни на что не способен. Ничего не умеет! А здесь он еще и валюту зарабатывает! А недавно капитан сказал, что будет писать на него характеристику на второго помощника! Да нет, он совсем нормальный!»

"Я не знаю, - сказала Маруся, - но кончится это плохо".

"С тобой невозможно разговаривать!" - и мама бросила трубку.

Маруся задумалась.

Теперь, когда Гриша подружился с инопланетянами, он стал гораздо веселее. Он напевал по утрам, когда вставал, правда, мыться все равно не хотел. Мама даже нашла ему невесту, дочку заведующей интернатом для слепоглухонемых детей. Эта заведующая могла сделать очень много, и дачу построить, и квартиру отремонтировать, даже достать продукты, ведь в магазинах теперь вообще ничего не было. Интернат же, по-прежнему, снабжался очень хорошо, а дети, все равно, не могли никому пожаловаться, потому что они не только ничего не видели и не слышали, но, главное, не могли ничего никому сказать. Заведующей досталось больше всех посылок из Германии, а посылки туда присылали самые лучшие: с куртками из плащевки, мохеровыми свитерами и сапогами из натуральной кожи, не то, что какие-нибудь там макароны или крупу. Но, конечно, ей приходилось делиться с остальными педагогами. Мама очень надеялась, что Гриша все-таки женится на дочке заведующей, потому что ему это было просто необходимо. Но Гриша говорил, что ему надо посоветоваться с инопланетянами, что он так просто не может взять и жениться. Он совсем не звонил этой девушке, и мама вынуждена была звонить сама и передавать ей приветы от Гриши, но так ведь не могло продолжаться вечно. Девушке было уже двадцать шесть лет, она хотела замуж и долго ждать не собиралась. Но Гриша все равно тянул. Поддержка инопланетян очень помогала ему, он даже начал изучать английский язык, чтобы сдать экзамен на второго помощника. Только вечерами на него снова находила тоска, и он начинал ругаться и орать на маму, что она сотрудник КГБ.

"Я уже окончательно понял, что здесь я жить не смогу. Но я уже пробовал жить в Берлине, там очень тяжело, там надо так рано вставать и ломить с утра до ночи. И даже если пахать как карлик, все равно не купишь себе мерседес и виллу, и не будешь обедать вместе со Шпрингером. А здесь все плохо, но зато можно вообще не работать и жить. А с другой стороны, на кой нужна такая жизнь здесь, тогда она просто не нужна. Все время сидеть дома? Так это же надоест. Я уже посмотрелся на этот Ленинград, один из красивейших городов мира. Вот я курил с Веней, мы вышли покурить во двор. А он работает на Невском, там рядом есть двор, где дом идет на капремонт. Мы пошли, а там всюду какие-то доски набросаны, кирпичи, и еще куча говна в углу. Воняет ужасно, даже покурить по-человечески нам не удалось. Вот вам ваш Ленинград. Пора мне уже сваливать из этого Ленинграда. Только что бы придумать, как бы сделать так, чтобы меня там устроили и дали жилье. А то платить такие бешеные бабки, как я платил Гюнтеру за квартиру, я больше не в состоянии. Вот я и решил стать евреем. А что? Теперь так многие делают! Всего восемь кусков, и у тебя в документе будет написано, что твоя мать еврейка. Потому что по ихним законам еврей тот, у кого мать еврейка. Это даже очень удобно, ни по фамилии не

проверишь, ни по отчеству. Только свидетельство о рождении надо исправить. Хотя у меня теперь даже и фамилия подходящая, я теперь Шуман. А там в Берлине есть лагерь, специально для евреев, не тот лагерь, что во время войны, а специальный, пересыльный. Раньше туда принимали и русских, а теперь только евреев. Это у них комплекс вины, что они евреев всячески преследовали в войну, жгли их в газовых камерах и уничтожали. Там в этом лагере кормят бесплатно и даже дают по две марки в день на личные расходы. Можно мороженое купить. Марки, конечно, гэдээровские, но и то лучше, чем ничего. И есть, где жить. А потом всем евреям дают квартиру и устраивают на работу. Ну а мне только бы квартиру дали. Этого вполне достаточно. Там я бы уж нашел, как прожить.

Мою мать зовут Людмила Николаевна, но я ей позвонил, и мы договорились, что она станет Абрамовна. Она так смеялась, просто ужас! Потом мне дали телефон одного мужика, я и пошел к нему на квартиру. Там я просто обалдел. Это не квартира, а дворец, у него даже ручки на дверях, по-моему, из Эрмитажа. Он мне выдал новое свидетельство о рождении, где написано, что моя мать Людмила Абрамовна, еврейка. А я тогда получаюсь еврей. Я дома смотрел на себя в зеркало и думал, похож я на еврея или нет. Кажется, совсем не похож. Я читал где-то, что то ли Геббельс, то ли Гитлер исследовали евреев и описывали, какие они обычно бывают, как их распознавать. Вот ухо у них как будто должно быть ниже носа. Но у меня, по-моему, так и есть. Господи, хорошо бы хоть что-то было общее, а ведь там вдруг догадаются, что я не еврей, и не возьмут меня. Евреи бывают и светлые, но у них волосы обычно курчавые, а у меня прямые. Но все равно, мало ли, может у меня отец был русский, и волосы у него были прямые. Но я надеюсь, что меня не будут там очень подробно исследовать, хотя они и специалисты в этом вопросе. Можно, конечно, сделать обрезание, это, наверное, больно. Но мне сказали, что не надо, что там никто этого проверять не будет. Хотя на всякий случай, это бы не помешало, конечно, мать еврейка - это хорошо, ну а если вдруг обрезание не сделано? Вдруг они меня тогда выгонят? Но я думаю, что до таких крайностей не дойдет. Ведь есть, в конце концов, и права человека. Может, я не хочу им показывать. Я, например, знаю евреев, у них нет никакого обрезания. Ну и, в общем, я со свидетельством о рождении и еще с паспортом пошел в милицию. Там я показал свое свидетельство милиционеру и сказал, что раньше, до перестройки, я боялся говорить, что я еврей, а теперь не боюсь и хочу, чтобы в паспорте была записана моя настоящая национальность. Я еврей и хочу быть евреем. Милиционер посмотрел на меня, взял свидетельство и сказал: "Пишите заявление!" Ну, я все, что требовалось, написал. Мне нужно было поскорее, потому что в ФРГ принимали евреев из Советского Союза только до двадцатого числа. А уж после двадцатого, будь ты хоть самый синагогальный еврей, ничего не поможет. Не примут, поезжай в Израиль. А в Израиль мне что-то не хочется, там у них свои законы, и вообще, гражданство дают только тем, кто примет иудаизм, почти как у нас до революции, только местечек для русских не хватает. Нет, быть на положении еврея среди евреев мне что-то не хочется. Это не для меня. У немцев, наоборот, комплекс вины перед евреями, поэтому евреям лучше всего теперь ехать в Германию, а там принимают

только до двадцатого".

Гриша собирался в рейс. Теперь он шел вторым помощником капитана. Он сдал все экзамены и даже английский язык. Ему помогали инопланетяне. В кармане у Гриши все время была круглая батарейка, которую он сжимал в потной ладони. Мама уже два месяца жила у своей подруги на даче, и он попросил Марусю приехать погладить ему рубашки, он их обычно стирал сам, и они были вечно грязные и серые. Но Маруся все равно их гладила, потому что перестирывать их ей было лень. Она погладила ему десять рубашек, а после этого он попросил ее зашить форменные брюки, которые опять разошлись в паху по шву. Гриша сидел за столиком, на котором, вместо скатерти, лежал старый календарь. Календарь был тряпичный, разноцветный. Гриша привез его из Австралии, на нем было написано "Happy new year!" На столе стояли эмалированный чайник, чашка и лежал полиэтиленовый пакет с печеньем. Гриша пил чай. Он съел уже все полкило печенья, что принесла ему Маруся. Гриша сидел в трусах, у него были очень толстые белые ноги и женская грудь. Он сидел на бархатном диване, рядом лежали одеяло без пододеяльника и подушка в серой засаленной наволочке. Он всегда спал так, причем обычно не раздевался. Он рассказывал Марусе про инопланетян, как они подсказывают ему, что нужно делать.

"Ты понимаешь, я делаю все, как они говорят, и еще ни разу не поступил неправильно. Наоборот, если я не совсем уверен, и не знаю, какой выбор мне сделать, они подсказывают мне, и все получается очень хорошо. Представь себе, я тут потерял ключ от сейфа с деньгами - а я в тот день должен был выдавать команде зарплату. Меня бы просто разорвали, а уж Боров наверняка написал бы на меня докладную. Я уже собрался писать ему рапорт, я все обыскал. Я был уверен, что потерял их, их нигде не было. И вдруг как будто что-то так тоненько звякнуло, что-то прошуршало, какое-то дуновение в воздухе Я смотрю - а эти ключи лежат на столе в пепельнице. А ведь перед этим там ничего не было. Я точно помню, я оттуда хобцы выбрасывал. А во время последнего рейса капитан и старпом напились и заснули, а у старпома как раз была ходовая вахта и мы чуть не сели на мелягу. Я спал - ведь это была не моя вахта, чего мне зря горбатиться. И вдруг меня кто-то толкнул и прошептал: "Иди в рубку". Я вскочил и прямо в трусах туда побежал. Вижу - мы давно с курса сбились, с гирокомпасом черт знает что, а старпом храпит на койке в углу. И мы шли прямо на мелягу, да еще слева по курсу в двенадцати кабельтовых от нас - немецкий сухогруз. А если бы что случилось, ты думаешь, кто был бы виноват? Конечно я, ведь на меня и раньше все спихивали. Меня и так постоянно все травили, на каждом судне, где бы я ни плавал. Везде. И все из-за КГБ, я же тебе все это уже рассказывал!"

Гриша с сомнением посмотрел на Марусю.

"Они хотели меня извести и мстили за то, что я слишком много знаю обо всех их

подлостях и секретах. Они не любят таких людей. Я даже боялся на машине ездить, они могли запросто мне устроить автомобильную катастрофу. Помнишь, я тогда вез на машине дочку первого секретаря нашего райкома, знакомую отца, был дождь, машину занесло, и я разбил правое крыло и лобовое стекло? Хорошо, что эта дура сидела сзади, иначе бы ее в лепешку раздавило, с ней потом истерика случилась. Я тоже здорово перепугался, у меня прямо руки тряслись, когда я из машины вылез. Впереди мужик на "Жигулях", сволочь, меня не пропустил, и я в него вмазался. А он стал еще орать на меня, что у него новенькие "Жигули", а я ему их разбил. И милиция приехала. Я тогда с трудом его уговорил, чтобы он в суд не подавал, и так на меня в пароходстве бочку катили, да еще бы и это. Стали бы характеристику требовать, там всякий моральный облик, а я ведь тогда только недавно в партию вступил, и мне могли такую характеристику дать, что и визу бы потом закрыли. А этот мудака, когда понял, что я плаваю, почувствовал, что я не хочу, чтобы в суд подавали и потребовал с меня шесть тысяч. И я не мог отказаться, откуда я знаю, может, он тоже из КГБ и нарочно мне эту катастрофу подстроил. Да еще эта дочка Покровского у меня в машине была, а у нее, между прочим, муж есть и даже ребеночек какой-то дебильный, наверное, результат пьяного зачатия, - они тогда здорово квасили вместе со своим придурком. Они даже ко мне в квартиру хотели прийти с блядами, потому что знали, что квартира пустая стоит, и родители тогда на даче были. Я, конечно, так прямо не мог отказаться, только сказал, что отец должен приехать по делам. Они от меня и отвязались. И из-за этой автомобильной катастрофы я все свои деньги и всю валюту должен был отдать, чтобы эти сволочи не поднимали шума, и все обошлось тихо. Как я мог один выдержать против всех этих подонков? Ты думаешь, это легко? Когда все за тобой следят, когда каждый твой шаг на учете? Когда каждый на улице подслушивает твои разговоры и даже мысли? Нет, ты скажи, ведь ты, конечно, считаешь, что все это бред? Я же не псих, как этот твой Костик, и даже медкомиссию прошел, а там, между прочим, был известный психиатр, доктор наук, профессор, и он признал меня вполне здоровым, хотя я и рассказал ему о своих контактах с инопланетянами. Сейчас об этом даже в газетах пишут. Он сказал, что я могу плавать... Нет, я вижу, что ты какая-то мрачная. А ты ведь должна радоваться, ведь теперь у меня действительно все хорошо. А раньше, когда меня все преследовали, и травили эти подонки из КГБ, ты была веселая и хихикала! Да ты и сама была с ними связана, не знаю, как сейчас! Ты, может, и теперь там работаешь, конечно, тебе не нравится, что мне теперь вы уже ничего - слышишь! - ничего не можете сделать! Передай своим друзьям, не знаю, как их там зовут, что до меня им теперь не добраться!"

Гриша удовлетворенно посмотрел на Марусю.

«Ты знаешь, я тут болел, то есть у меня чего-то заболел зуб, и я принял таблетку, но она совершенно не помогла. Тогда я взял вот это».

Гриша достал из кармана батарейку и многозначительно показал Марусе

- Вот это, и приложил себе сюда. - Гриша приложил батарейку к щеке. - И зуб у меня сразу же прошел. А ведь это тебе не голова болит, не живот, когда болит зуб, это так просто

не вылечишь. Тут нужно лечить или удалять, да ведь ты сама знаешь, что я тебе объясняю. И он совершенно прошел, как будто вообще не болел. И еще - я тут сдавал экзамен на второго - и там была эта сволочь - ну ты понимаешь. Боров, с которым я на "Красножопске" плавал, и он все задавал мне вопросы, он хотел меня завалить и так, и этак. А я этих вопросов не знал, ведь все равно всего не выучишь, я просто не успел их прочитать. Но они мне все время помогали, я слышал - у меня в ушах тихо-тихо - это слышал только я - все ответы. И я ответил все правильно".

Гришино лицо преобразилось, он весь светился гордостью и счастьем.

Маруся вспомнила, что он всегда учился очень хорошо и в училище был даже отличником. Потом его вместе с лучшими курсантами посылали в ГДР. Она видела фотографию - Гриша вместе со здоровым курсантом в фуражке сидят рядом с каким-то фонтанчиком и улыбаются. Он всегда должен был учиться хорошо, чтобы никто не мог сказать, что ему помогает отец, и что он просто сынок высокопоставленного чиновника. На отца могли написать анонимку, а это бы ему повредило, и его не послали бы за границу. А мама всегда мечтала поехать работать за границу, потому что там можно покупать разные красивые вещи, которых здесь не купишь ни за какие деньги. Мама мечтала сделать ремонт и отделать квартиру и кухню по европейским стандартам. Она хотела, чтобы вся мебель была заграничная и раковина, и унитаз тоже. Здесь это тоже, конечно, можно было достать, но, все же, это было не то. Она рассказывала Марусе, что соседи, жившие этажом выше, провели десять лет в Финляндии и привезли оттуда целых два вагона вещей, и что даже гвозди у них в квартире финские, а советского нет ничего. Маруся знала этих соседей, она раньше играла с их дочкой Анеточкой, но потом Маруся украла у нее колечки, и ее перестали приглашать в гости. Тогда еще пришла мама Анеточки и стала жаловаться марусиной маме, что у них пропали колечки, а Маруся уже успела показать маме те колечки, сказав, что нашла их на дороге. Мама сначала поверила и все восхищалась: "Какие они хорошенькие!" - а теперь, конечно, догадалась, что Маруся их украла, и отдала их маме Анеточки.

Это был дьявольский лабиринт из которого не было выхода только полная сосредоточенность и внимание и бодрствование могут помочь тебе преодолеть его И вдруг какая-то мысль мелочь внезапно отвлекает тебя - и все ты пропал... Дьявольский лабиринт снова завлекает тебя втягивает овладевает тобою...

Каждый раз когда ты выходишь из этой путаницы чувствуешь толчок и все становится таким ясным четким и светлым... Кажется что это и есть пробуждение что все понял... Это как стихотворение как будто происходит прорыв в другую реальность... Но сонный морок снова наваливается на тебя ты вырубается ведь не

спать несколько ночей подряд очень тяжело... Да ты и сам знаешь что спать нельзя никак нельзя... Враг только этого и ждет Но клонится голова глаза закрываются - взглянешь на часы - дьявол уже передвинул стрелки ведь только что было десять и уже одиннадцать... а прошло лишь мгновение... И опять светлый миг пробуждения ясности растворился в мутном липком потоке Ах только бы выйти только бы выйти на свет из этого дьявольского туннеля!

Когда Святой Дух пролетает над миром дуновение его крыльев так легко так нежно невесомо его не замечают люди И только Он чувствует это Божественное присутствие... Он пришел чтобы возвестить это Миру...

"Я пошел к Вене. Веня сидел у себя за прилавком и скучал. Около него толкалась какая-то старая колода. Она была вся накрашенная, с рыжими волосами, в бантиках, и явно старалась понравиться Вене. Она купила у него билет книжной лотереи и тупо тыкалась туда своими подслеповатыми глазками. Потом кокетливо захихикала и говорит Вене: "Молодой человек, посмотрите, пожалуйста, что я выиграла?" А он, даже не повернувшись в ее сторону, отвечает: «Ничего». А она: «Ах, я уже как-то покупала билет художественной лотереи. Там был такой симпатичный продавец, такой симпатичный! Я даже билет сохранила. А с этим билетом что мне делать?» И она завороченно уставилась на Веню. Веня лениво потянулся и сказал: "А этот билет можете выбросить в урну", - и вдруг громко заржал. Эта старуха даже вздрогнула. Веня немного картавит при разговоре, и когда смеется, весь сморщивается, широко разевает рот и приседает. К этому надо привыкнуть. Тут он увидел меня и явно обрадовался. "Привет, - сказал он, - пойдём, покурим". Мы вышли в подсобное помещение, заваленное книгами. Эти книги, по-моему, были никому не нужны, не понимаю, зачем они столько накупали. Мы сели с Веней на стопку книг, и я рассказал ему о своих планах. Он мне сказал: "Правильно, поезжай. Может, повезет и устроишься. Только смотри, станешь жидом, а немцы - народ ненадежный, потом евреи их так достанут, что они опять за старое примутся. И что ты тогда будешь делать? Обратное в русского уже не получится, можешь не успеть".

Вот ведь сволочь какая, и тут настроение захотел мне испортить, из зависти, конечно, он-то уже никому не нужен, старый стал. Я и говорю: "Ну, скоро у нас будет свободный выезд, и можно будет ездить туда-сюда, сколько захочешь". А он: "Свободный выезд - это ты что думаешь - так взял и поехал, да? Все равно нужно будет приглашение показать, чтобы в консульстве тебе разрешили. Сам подумай, кто туда поедет? Вся наша шелупонь туда помчится и поскачет сразу. А им там уличных бродяг не надо. Их там и так хватает, из стран социализма набежали. А у нас нация воров, рэкетиров и проституток. Даже страшно представить, что будет, если мы по свету разбежимся. Туда вот едут такие, и что там

делают? Воруют в универмагах и грабят квартиры своих бывших соотечественников. Там у них уже и так полиции не хватает. А он приехал так свободно, нигде не отметился и бродит где-то, рыщет. Как его найти?"

Веня явно не хотел со мной нормально говорить, что-то он совсем озлобился, тоже мне моралист нашелся, забыл, наверное, как сам в универмаге воровал, но я не стал ему ничего говорить, зачем человеку в глаза тыкать".

Марусе было жалко, что она больше не сможет играть с Анеточкой. Они с Анеточкой играли в мужа и жену, и целовались в засос, причем Анеточка учила Марусю, как нужно всовывать язык и делать губами. Маруся целовала Анеточку, а Анеточка целовала ее. Марусе это быстро надоело, потому что Анеточка была очень слюнявая, и у нее были очень толстые губы, она, словно огромным кляпом, закрывала Марусе рот и нос, и Маруся задыхалась, но терпела, потому что иначе Анеточка злилась и кричала на нее. Наверное, Анеточка делает что-то не так, как надо, иначе почему в тех индийских фильмах, которые Маруся смотрела в Шепетовке, целовались так подолгу, и им это нравилось. Они бы просто не смогли выдержать так долго, - думала Маруся, но сказать об этом стеснялась. Анеточка хотела стать актрисой, и однажды мама Маруси пригласила в гости своего одного знакомого режиссера, с которым она раньше училась в школе. Маруся тоже хотела стать актрисой и даже пробовала поступать в "Театр Юношеского Творчества" во Дворце Пионеров. На экзамене она прочитала стихотворение Маяковского и не поступила, а Анеточка читала стихотворение Эдуарда Асадова про собаку. Она читала очень проникновенно про то, как бросили собаку, а она была хромя и долго бежала за поездом, пока не упала на рельсы. Маруся потом долго искала это стихотворение, но так и не нашла, потому что тогда ей показалось, что Анеточка сказала, что это стихотворение Есенина, и Маруся просмотрела все его стихи, которые ей очень понравились. Особенно строчки: "Что ты смотришь так синими брызгами, или в морду хошь?" Но того стиха про собаку так и не нашла.

Анеточка читала стихи про собаку и даже прошла на второй тур, а Марусю сразу не взяли. Да и Анеточку, в результате, не взяли тоже, потому что оказалось, что тогда набирали мальчиков, а девочек и так было слишком много. С ними поступало всего три мальчика, они читали стихи очень плохо, но их всех все равно взяли. Маруся, когда узнала, что не поступила, шла по Невскому и рыдала. Ей было стыдно перед Анеточкой, что она так расстраивается, и принимает близко к сердцу всякую чушь, но она просто не могла сдержаться, у нее по щекам катились слезы, и она не могла говорить. Анеточка это заметила, но не поняла и стала Марусю утешать, что она поступит на следующий год, что это ничего не значит, но сама была очень рада, что, вроде бы, поступила. Потом только на

собеседовании ей сказали, что берут только мальчиков, и предложили пойти в какой-то детский театр при Музкомедии или еще где-то, Маруся так толком и не поняла. Она очень боялась, что Анеточка расскажет обо всем в школе или своей маме, а та расскажет марусиной. Маруся вообще ничего не хотела рассказывать маме, потому что та ничего не понимала.

Когда Анеточка узнала, что она тоже не поступила, она очень расстроилась, но, конечно, не рыдала, а попросила Марусю, чтобы ее мама познакомила Анеточку с этим режиссером, о котором мама часто рассказывала соседям, и все знали, что у нее есть знакомый режиссер. Мама пригласила режиссера, накрыла стол и пригласила еще нескольких своих подруг. Марусю одели в заграничное платье, и она выучила стихотворение Светлова "Итальянец". Она долго тренировалась перед зеркалом читать его с выражением. Марусе раньше, когда она была маленькая, казалось, что она очень красивая, к тому же все ее знакомые мальчики в Шепетовке дружили с ней, и она думала, что, если бы она была уродина, с ней бы вряд ли стали дружить. Теперь же в зеркале она видела какую-то толстую нескладную девочку. Да и мама Маруси тоже говорила ей, что она не красавица. Маруся очень этого стеснялась, но ей все равно хотелось стать актрисой. Анеточка выучила стихотворение Блока "Незнакомка". Она пришла в красивом бархатном платье и с бархатной же ленточкой в волосах. Прическу ей сделали совсем, как взрослой, и даже завили локоны. Они долго сидели с Марусей в комнате и читали стихи из книжки "Путешествие в страну поэзия". Потом в комнату вошла марусина мама, взяла у них книжку, открыла ее, полистала и, наткнувшись на подходящее стихотворение, стала читать с выражением:

"Работай, работай, работай, ты будешь..." Тут она остановилась и как будто удивилась, но все же продолжала, правда, уже немного вяло: "Ты будешь с уродским горбом..."

Она задумалась, а потом сказала: "Вообще-то правильно..." Потом она молча прочитала дальше, отложила книжку и сказала: "Какая-то чушь..."

"Мама, - спросила Маруся, - а где же режиссер?"

"Сейчас позову, - мама вышла из комнаты и закричала:

"Володя, Володя, иди сюда!"

В комнату вошел толстый человек с большой лысиной и черными глазами навывкате. Он подошел к Марусе и Анеточке и сел рядом с ними на диван.

"Ну что, девушки, мечтаете стать актрисами?"

Марусина мама сказала:

"Они тут тебе подготовили стихи. Послушай, пожалуйста".

Володя тяжело вздохнул и сказал:

"Ну что ж, я вас слушаю".

Маруся встала посреди комнаты и прочитала стихотворение "Итальянец". В комнате верхний свет не горел, включена была только настольная лампа. Маруся старалась читать с выражением, она воображала себе этого итальянца, какой он бедный, лежит и умирает

на снегу, и сам такой красивый. Мама ей пыталась объяснить смысл этого стихотворения, но Маруся ее не слушала, ей всегда было скучно, когда мама что-то говорила. Когда Маруся закончила, она заметила, что Володя внимательно рассматривает ее ноги.

"Ну хорошо, а теперь вы", - сказал он после небольшой паузы.

Встала Анеточка. Она читала очень красивое стихотворение, Маруся оно очень понравилось. Анеточка читала томно и красиво, она вся изгибалась и клонилась то вправо, то влево. Когда она закончила, режиссер, казалось, спал. Он опустил голову на грудь и прикрыл глаза. Но как только она замолчала, он встрепенулся и зевнул.

"Вот что я вам скажу, девушки, - заявил он, - это ваше стихотворение - он обернулся к Марусе, - вы читаете очень недурно, из вас может выйти неплохая характерная актриса. Но не героиня, нет... - он с сожалением посмотрел на свой рукав, где было пятно. - А вам, милая девушка, я скажу вот что: вы хотя бы знаете, что такое ай?"

Анеточка вся покраснела и кивнула.

"Ну и что же это?"

«Вино», - прошептала Анеточка.

"А-а-а, вино! А вы его пили? Вы его видели? Так как же вы можете читать про то, что вы не знаете и никогда не видели и не пробовали! Да еще и вообще все это, - он сделал рукой странный жест, как будто что-то отряхнул, - все эти чувства ведь вам еще не известны? Или я ошибаюсь, и вы в столь нежном возрасте уже знаете все эти нюансы?"

Анеточка стояла красная, как рак, и растерянно молчала.

"Мне мама посоветовала", - пролепетала она.

"А, мама! Но вы же должны сами выбрать себе что-то, более подходящее вам по возрасту, и вообще... - он устало махнул рукой и встал с дивана. - Вы хотите быть героиней. Это не так просто, уверяю вас!"

С этими словами он вышел. Анеточка тогда осталась ночевать у Маруси, потому что ее родители уехали на дачу, и она боялась ночевать одна. Когда все заснули, и в квартире погас свет, Анеточка позвала Марусю к себе, приподняв простыню. Маруся встала и легла к ней в постель, там они довольно долго обнимались и целовались, и Марусе это очень надоело. Потом она ушла к себе и заснула. А рано утром Анеточка разбудила ее. Она рыдала. Маруся ничего не могла понять, что такое могло случиться за ночь, что так ее расстроило. Анеточка жестами звала ее к своей кровати, приглашая Марусю подойти и посмотреть. У Маруси мелькнула мысль, что Анеточка снова хочет лечь с ней в постель, и она решила отказаться под предлогом того, что скоро встанут родители. Но когда она подошла, Анеточка стыдливо приподняла простыню, и Маруся почувствовала отвратительный запах и увидела что-то коричневое, размазанное по простыне.

"Какой ужас, какой ужас, - сквозь слезы повторяла Анеточка, - что же теперь будет! Какой позор!"

Маруся очень удивилась, но не хотела обижать Анеточку.

"Ничего, - сказала она, - родители пока спят, давай я постираю".

Ей было очень странно, как это Анеточка могла обкакаться, ведь она уже совсем не маленькая.

"Нет, нет, - сказала Анеточка, - я сама".

Маруся проводила ее в ванную, включила там горячую воду, и Анеточка долго стирала простыню. А потом Маруся зажгла газ, и они сушили простыню над газом. Анеточка уже повеселела, она хихикала и лукаво посматривала на Марусю. Маруся потом никому не рассказывала об этой истории, она осталась для нее загадкой. После этого Маруся довольно часто приходила к Анеточке в гости. Марусе очень нравилось, что у Анеточки так красиво и разные заграничные игрушки. На дверях в квартире Анеточки была решетка и еще вторая дверь, железная. Маруся однажды спросила маму, почему у Анеточки есть разные игрушки, а у Маруси нет. Мама стала очень ласково рассказывать, почему. Что, может быть, если отец поедет за границу работать, он тоже будет привозить ей такие же, и отца уже несколько раз собирались туда послать, но каждый раз все срывалось. В то время он уже не плавал, а преподавал в училище.

Там в Москве была какая-то женщина, через которую проходили документы, и она нарочно задержала документы отца, а вместо него послали кого-то другого, из Одессы. Потом к ним в гости приезжал сын этой женщины, он собирался поступать в училище, и отец Маруси должен был ему в этом помочь. Сын был очень черный, как будто крашеный брюнет, в вышитой рубашке с цветочками, и очень подробно рассказывал за столом, что его не берут в армию, потому что у него одно яичко куда-то там не опустилось, и требуют, чтобы он лег на операцию, и все повторял:

"Я добровольно под нож не лягу!"

Потом он стал приводить к ним в квартиру разных девок и еще отвратительного типа, крашеного блондина. Все это ужасно раздражало марусину маму, но она терпела, потому что думала, что, может, все же отец наконец-то поедет за границу. Но сын в училище не поступил, он вообще ничего не знал, и на экзамене не смог сказать ни слова. Он думал, что его все равно возьмут, но не взяли, и его мама была очень недовольна. Она звонила из Москвы и разговаривала с марусиным отцом и тот, очень раздраженный, сказал ей, что ее сын болван.

"Ах так! Ну хорошо же!" - сказала та и бросила трубку. На этом все и кончилось.

"Паспорт я получил довольно быстро. Теперь я стал Шуман Павел Владимирович, еврей. И фамилия как раз пригодилась, а приглашение у меня уже было, мне его прислал Эдвин, и я сразу полетел в ОВИР, там у меня знакомая, я столько ей подарков передарил, и она за это меня всегда принимает без очереди.

Потом все было как во сне, когда я прилетел в Германию, господи, я прямо

соскучился, как будто на родину прилетел, я сразу пошел в контору, меня Гюнтер отвел - и я подал документы, что хочу остаться, что в Советском Союзе меня травят за то, что я еврей, и не дают мне спокойно жить и работать. Я написал, что у меня там не было даже квартиры, и я ютился на разных чердаках и в подвалах. Они мне, как еврею, это мне тоже Гюнтер сказал, должны будут потом предоставить квартиру, причем недорогую, а пока меня поселят в лагере для беженцев. Тут меня бесплатно кормили, учили немецкому языку и даже выдавали по две марки в день! Как хорошо, что я вовремя успел! Конечно, жил в этом лагере я не долго, честно говоря, там мне не очень понравилось, кругом одни евреи, и я переехал к Гюнтеру, только каждый день приходил туда, ел и получал свои две марки. Там, конечно, были настоящие евреи, хотя если честно, по-моему, они были такие же, как и я. Настроение у всех было бодрое, и хоть и была плохая погода - дождь, ветер, но мы все равно радовались. Ведь нам дадут квартиры, а так-то, своим горбом, ее хрен заработаешь. Сейчас у них тут и гудроны, и советские рыла, кого только нет, и какие-то черножопые еще, и всем нужно где-то жить. А чтобы получить квартиру, я бы и негром стал, не то, что евреем. Здесь в Западном Берлине, кстати, один еврей из Одессы здорово поднялся, он открыл свой магазин, даже двухэтажный, и продает там всякую аппаратуру на втором этаже, а на первом стоит его жена и говорит со всем и по-русски, потому что в этот магазин ходят только русские, иногда поляки. На первом этаже она продает разное тряпье и косметику, которой, по-моему, тоже кто-то уже успел попользоваться. Но все равно покупают, потому что у него гораздо дешевле, чем где-нибудь еще. Как я ему завидую! Ну вот, у меня, вроде бы, все складывается не так уж плохо. Я даже и не ожидал. Ну конечно у меня здесь много знакомых, но я думаю, что это просто мне так повезло.

Я тут решил зайти еще к Эдвину. А у него уже новый любовник живет, какой-то отвратительный! Быстро же он меня забыл! А Эдвин сам разжирел, как кабан и все лежит, у него что-то с позвоночником еще в молодости было. И вот теперь такие последствия. Я еще в тот раз заметил, что он совершенно не может терпеть голод, ему надо сразу что-нибудь съесть. Ну вот он и жрал, жрал, а теперь такой стал - ужас! Недаром, это его Бог наказывает. Боженька не фраер, так Веня любит говорить. Я вообще-то считаю, что не только во мне тут дело. В конце концов, мы не муж и жена! Но то, как он поступил с Веней, просто непорядочно. Ведь Веня тогда ему привез несколько этюдников на продажу, конечно, и еще картину какого-то там художника, работы которого очень ценятся на Западе. И все это Эдвин должен был продать за тысячу марок. Но когда Веня уехал, он, очевидно, решил, что это ему такой подарок. За то, что он позволил Вене пару дней поспать на его простынях, на которых, кстати, была засохшая кровь, он даже их постирать не догадался, а скорее всего, денег на прачечную пожалел. И он кинул Веню на тысячу марок! Это же надо! И Веня так от него ничего и не смог добиться! Но я, конечно, в это дело не мешался, мое дело сторона! Хотя Веню мне было жалко!

Меня Эдвин, конечно, пригласил к себе на квартиру и сказал тому педикю, чтобы он нам сварил кофе. Мы посидели, выпили кофе, причем тот его друг так все время вертелся

и хихикал, что даже чашку свою опрокинул. Правда, он у него хорошо выдрессирован и дисциплину понимает - сразу же на кухню побежал за тряпкой и старательно вытер. А Эдвин его потрепал по заднице. Задница у того, правда, аппетитная такая, круглая. Ну и Эдвин мне сказал, что ему звонил Веня. А я-то про Веню ничего не слышал уже давно, мы с ним поссорились, еще перед тем как я уехал из Ленинграда. И Веня, оказывается, звонил-то ему из Америки, я думаю, все еще надеялся получить свои марки, но не на того нарвался, у Эдвина из глотки ничего не вырвешь, что туда попало.

Веня в Америке устроился работать посудомойкой в одном баре для наших, ну там со столов стирает, подбирает всякие объедки, конечно, все же это ему как прибавка к жалованью. Я так понял, что он, вроде бы, с хозяином сошелся, хозяин тоже какой-то старый, замшелый, таким обычно мальчики нравятся, а Веня уже сам не первой свежести. Наверное, здесь какое-то вранье. Я подозреваю, что этот его хозяин - негр. Негру все равно, он может и крысу трахнуть, когда ему сильно захочется.

Наверное, я Веню больше никогда не увижу, мне даже грустно стало. Эдвин мне сказал, что у него есть один приятель, очень богатый старик, он живет на Курфюстендамштрассе, и Эдвин мне дал его адрес. Он сказал, что у него большой дом и несколько машин, и у него раньше была жена и дети, а теперь жена умерла, а дети выросли, и он может жить в свое удовольствие. Он всегда любил мальчиков, но скрывал, только Эдвин был его любовником и знал все это. Он-то Эдвину в свое время и помог здесь остаться. Теперь ему нужен друг, но, конечно, на содержание он не возьмет, это исключено, но он будет помогать и на работу устроит. Он мне показал фотографию этого старика. Он там сидит за столиком с собачкой, а на заднем плане его дом. Он такой морщинистый, но загорелый, крепкий старикан в железных очках. Мне даже он чем-то понравился. Эдвин мне посоветовал сразу пойти, а то вдруг еще кто-нибудь опередит".

Маруся с Гришей часто мечтали, как у них будет машина, и они будут в ней сидеть, и как там будет хорошо, тепло и приятный запах. Но машины у них тоже не было, хотя мама все повторяла, что вот отец защитит диссертацию и купит "Жигули". Она очень этого ждала и даже завела дома такую стенную газету, где записывала, сколько дней осталось до защиты. И когда, наконец, отец диссертацию защитил, она большими красными буквами написала: "Ура! Ура! Защита диссертации! Ни одного черного шара!" Как раз перед этим выяснилось, что у отца есть любовница, и мама устроила ужасный скандал, и стала требовать развода. Отец ушел в рейс, и она начала переносить из дома к бабушке разные вещи. Маруся помнила, как они с мамой шли по улице и несли портфель из кожи крокодила, а какой-то проходивший мимо незнакомый мужик пощупал его, а мама на него заорала. Потом оказалось, что у отца дела по службе идут в гору, и что, может быть, он даже

наконец-то поедет за границу, и мама передумала. Она решила подвергнуть его публичному позору, но не разводиться с ним. Она звонила всем знакомым и рассказывала о том, как он ее обманул. При этом она рыдала и повторяла все с начала до конца. Маруся все это слышала. Как раз в то время Маруся ходила к Анеточке и однажды, вернувшись домой, она каталась по кровати и кричала: "Мне завидно, завидно!" Маме было не до нее, хотя Маруся и заметила, что ей неприятно. Потом Маруся украла у Анеточки колечки, они были разноцветные, зеленые, синие, красные, фиолетовые, и сверкали чудесными огнями. Маруся сперва долго любовалась ими в углу своей комнаты, а потом сказала маме, что нашла их.

Гриша достал из пачки еще одну сигарету, и Маруся закурила с ним, хотя она уже обкурилась, и во рту был неприятный привкус.

"Ну так вот, - Гриша значительно посмотрел на нее, - а потом опять ко мне приходил Он! Он сказал, что они за нами уже давно наблюдают, даже когда был жив отец, они наблюдали за отцом. Помнишь, отец рассказывал, как он плавал первым помощником, и у него на судне чуть не повесился боцман. Он тогда тоже спал, и вдруг его будто что-то толкнуло, он встал и пошел на палубу".

Гриша задумался и обернулся к Марусе.

"Видишь, и ко мне они тоже приходили по ночам. Очевидно, они любят ночь, им не нравятся дневной свет и суета. Ну, так вот, они тогда шли в Атлантику. И он увидел в углу на скамейке какую-то скорченную тень. Это был боцман, он уже и до этого был какой-то странный, все ходил, закатив глаза, и ни с кем не разговаривал. Так вот, он свой поясной ремень накинуд на трубу и так закрепил, а другой конец себе на шею, и так сидел и тянул. Он уже весь скорчился и посинел, еще немного, и ему уже бы ничего не помогло. Откинул бы концы и добился того, чего ему так хотелось. Отец тогда сразу же снял с него этот пояс и стал делать ему искусственное дыхание. Тот задышал и застонал. Отец сразу же вызвал докторишку, и тот его взял к себе. И до конца рейса этот боцман был заперт в каюте, там его связали, и он так и сидел. Конечно, ему приносили поесть, ну там суп, котлеты, компот, все это приносили. А когда пришли в Вентспилс, сразу же его сдали. Отец мне рассказывал этот случай, но он тогда и подумать не мог, что это "они" ему помогают. А "они" мне сказали, что им тогда стало жалко отца, такой хороший человек, и такая неприятность может выйти. Ведь если бы боцман повесился, представляю, что было бы с отцом. Ведь ему точно бы визу закрыли, и он до конца своей жизни плавал бы в портофлоте. Он сам так все время говорил. А они ему помогали, если он хорошо себя вел, если он не нарушал гармонию - так мне тот мужик сказал, ну, инопланетянин. Им самое важное в человеке - гармония, и во мне они ее тоже обнаружили. А отцу они не помогли, когда он болел, потому что он был связан с КГБ, и на меня все время стучал. Это для них и есть - самое страшное нарушение гармонии. Такого они не прощают.

Вот тут я недавно встретил своего школьного друга - Николая, так он мне

рассказал, что Иванбрес - этот тоже со мной учился в одном классе – умер. Я очень удивился, как это умер, ведь он же еще совсем молодой и был здоров, ничего у него не болело. Оказывается, они с Николясом и еще с другими придурками ужасно перепились, взяли ящик портвейна, что ли, самого дешевого. А это ужасная гадость, от него голова становится такая мутная, и ничего не замечаешь. И там еще были бабы из нашего класса, самые бляды, они с ними постоянно сношались, еще в школе начали. И Иванбрес решил им показать, какой он крутой. Он решил прыгать из окна кухни на балкон комнаты. И Николяс тоже захотел. И они открыли окно. Ну бабы стали визжать, а это их еще больше завело. Николяс прыгнул, он такой ловкий, и как раз попал на балкон, бабы зааплодировали и стали его целовать в засос. Иванбрес тоже разбежался, но то ли он разбежался недостаточно, то ли слишком пьяный был, но только он не допрыгнул, всего на сантиметр, упал вниз, а там, между прочим, пятый этаж, и разбился. Умер сразу же. "Скорая" его только на носилки положила, закрыли простынькой с головой - и прощай Иванбрес. В среду похороны. Ну как ты думаешь, как это им в голову могло прийти - именно так прыгать? Ведь это не такое простое развлечение, до этого просто так не подумаешься. Это так в голову не придет. Как ты думаешь, а?"

И Гриша вопросительно посмотрел на Марусю. Маруся пожала плечами. Она помнила всех товарищей Гриши. У Гриши на них были заведены досье, и она знала об их телефонных разговорах и отношениях с девочками. У Иванбреса было землистое лицо и вытаращенные бесцветные глаза. Он часто рассказывал Грише о Кирпичниковой из шестого класса, что она блядь, что у нее есть взрослые мужики. И что если ей заплатить, то она даст. Она уже сосала у Николяса, и он остался очень доволен. Гриша хихикал и поддакивал, а потом подробно записывал эти разговоры и вкладывал их в досье. Память у него была очень хорошая. Потом в школе разразился ужасный скандал. Иванбрес и Николяс учились тогда в восьмом классе, и вот они купили две бутылки портвейна и их выпили. Гриша тогда любил повторять:

"Кто пьет портвейн розовый, тот ляжет в гроб березовый!"

А потом Николяс и Иванбрес, совершенно пьяные, сделали себе из веревок длинные хлысты и пошли на Ленинский проспект. Тогда была весна, канун 22-го апреля, поэтому везде были выставлены портреты членов Политбюро. И они шли прямо по лужам и по грязи. Эти хлысты волочились за ними, и они с размаху стегали ими по нарисованным лицам. На них оставались грязные полосы. Но долго это развлечение не продолжалось. Подъехал милицейский газик, оттуда выскочили разозленные менты и, заломив им руки за спину, затолкали за решетчатую дверь и увезли в отделение. В отделении их долго расспрашивали, кто их этому научил, нет ли у них знакомых за границей, как они вообще до такого додумались, если правда, что их никто не подучивал. Но они только размазывали соплю по лицу и старались зареветь. Потом вызвали родителей. Дело стало принимать серьезный оборот, им шили "политику". Отец Иванбреса был в ужасе, он долго разговаривал с начальником отделения, и ему с трудом удалось того уговорить, и делу не

стали давать ход. Все, вроде бы, кончилось благополучно, но Иванбрес на радостях очень много трепался, и история дошла до Гриши. Гриша все записал в досье, а потом дал почитать отцу. Марусе было неизвестно, получили ли эти сведения в КГБ. Но только ни Николаяс, ни Иванбрес после школы никуда не поступили, хотя Николаяс учился хорошо, а у родителей Ивабреса были связи. Николаяс устроился продавцом в мясной магазин, а Иванбрес вообще нигде не работал, его содержали родители.

Когда Гриша был маленький, отец его часто бил. Он бил и Марусю, но Марусю за дело, а Гришу просто так. Маруся тогда воровала в школьном гардеробе из карманов деньги, срезала пуговицы с пальто, а один раз украла в универмаге краски. Гриша же был очень послушный, но отец его все равно бил. Он подозревал, что Гриша занимается онанизмом, и подолгу сидел ночью с фонариком у гришиной кровати и следил, не прячет ли Гриша руки под одеяло. Руки у Гриши должны были быть вытянуты поверх одеяла, а если он их случайно прятал, то получал удар резиновой дубинкой. Утром отец поднимал Гришу и Марусю в шесть утра и заставлял делать зарядку. Он показывал, как надо делать упражнение. Гриша все время держал руки криво, растопыривал пальцы, а отца это ужасно злило, и он на него орал: "Прямо держи, прямо, к-р-ретин!" Гриша ужасно пугался, вообще переставал соображать и делал что-то совсем непонятное: махал руками совершенно беспорядочно и втягивал голову в плечи. Маруся была постарше и поэтому делала все гораздо лучше, отец ее хвалил и ставил Грише в пример. Потом начинали работать ногами, как будто плывешь на спине. Отец заставлял делать так пятьсот раз. Гриша не мог так много, он перекашивался набок, высовывал язык, тяжело дышал, но все равно, пятьсот раз никак не мог выдержать. Тогда отец с гантелями подходил к нему и орал, замахиваясь гантелями:

"Делай, к-р-ретин, как следует! Как сле-ду-ет! А то прибью сейчас!"

Но гантелей он его, конечно, не бил, а просто избивал ремнем и резиновой дубинкой. Резиновых дубинок у него было две. Он привез их в качестве сувенира откуда-то с Востока, но онигодились по назначению. Одна была очень красивая, вся оплетена как бы лианами и змеями, а сверху на рукоятке стоял голый резиновый туземец с луком и стрелами. Туземец потом сломался, когда отец колотил Гришу. Вторая дубинка была попроще, на рукоятке были сделаны листики, как у ореха, и вся она была расчерчена на квадраты и подзеленена. Как будто это ананас. Эту дубинку отец тоже сломал, когда колотил Марусю за воровство в магазине. Потом ее пытались склеить, но не получилось.

После зарядки отец вел их в ванную и обливал холодной водой. Маруся мужественно терпела, ей даже нравилось, что она такая молодец, а на Гришу отец орет и бьет его, а ее не трогает и хвалит. Отец поливал Гришу ледяной водой, а если тот как-то проявлял неудовольствие, например, ежился, то опять бил его, на этот раз шлангом, потому что в ванной шланги были под рукой. Шлангом можно было бить даже больше, чем резиновой дубинкой. Маруся это испытала на себе, когда мама сама избивала ее уже в старшем классе

за пьянство.

Отец всегда выходил из себя, тогда Маруся поздно приходила домой и все время орал матери:

"Вот погоди, она еще тебе в подоле принесет!"

Эти слова вызывали у Маруси ужасное отвращение, причем слышала она их с самого детства. Сначала они вызывали у нее неосознанное раздражение, хотя она их и не понимала, а потом, когда стала понимать, раздражение еще возросло. Ей все время хотелось специально сделать родителям какую-нибудь гадость, чтобы они раздражались, вопили, и, в то же время, всякая мысль о том, что такое можно принести в подоле, внушала ей отвращение почти до обморока, и эта бесконечная бешеная злоба никак не могла найти себе выхода. Однажды, когда отец стал орать на нее за то, что к ней пришла подруга, с Марусей случилась истерика, она стала кричать в ванной, рыдать, разбила какую-то чашечку и осколками сильно изрезала себе руки. Ей не то чтобы хотелось перерезать вены, но просто хотелось сделать себе больно, и это истерическое желание никак не могло реализоваться. В то же время, боли она ужасно боялась, и отец не раз говорил, поигрывая дубинкой и с наслаждением глядя на Марусю:

"Единственное, чего ты боишься, - это физической боли!"

Он имел в виду, что так и будет на нее воздействовать, если она будет вести себя не так, как надо будет ему. Но Маруся, хотя и действительно боялась боли, все равно продолжала пить и стала приходить домой все позже и позже и даже находила в этом какое-то странное удовольствие. Отец решил воздействовать на нее по-другому. Он пригрозил, что не будет помогать ей при поступлении в Университет, куда Маруся собиралась после школы. Это на какое-то время подействовало на нее, потому что она была не уверена в своих силах, а мама все время долбила ей, что отец может все, что у него связи с КГБ, а это самая могущественная организация. Маруся знала, что это правда, потому что сама все время с этим сталкивалась. И еще марусины знакомства, ее пьянки могли отрицательно сказаться на положении отца, в КГБ обращали внимание на моральный облик всех родственников сотрудников. Отец уже однажды в порыве злобы сказал Марусе, что разорвет с ней родственные отношения официально, через суд, и тогда он сможет писать в графе "дети", что у него только сын, а дочери будто бы никогда и не было. Ведь здесь была замешана не только судьба отца, но и судьба Гриши, которого из-за Маруси не брали в КГБ.

У Маруси была знакомая девочка, она с ней познакомилась в театре, когда они с классом ходили на спектакль "И это все о нем", а Маруся не могла усидеть на месте и все время хохотала и разговаривала. У этой девочки папа был известный диссидент, и даже

печатался на Западе. Но Марусе она об этом прямо не говорила, а все какими-то полупонамеками. Маруся с ней подружилась, они часто ходили гулять по Литейному и заходили в магазин "Букинист". Один раз в субботу она пригласила Марусю к себе в гости, жила она на Московском проспекте. Они вдвоем после школы купили в магазине четыре бутылки "Ркацители" и пошли домой к Лиде. Лида была небольшого роста, черненькая и пухленькая, но у нее были красивые голубые глаза с длинными черными ресницами. Мальчишкам в классе она не нравилась, отчего ужасно переживала. Они с Марусей сели на пол и выпили по бутылке "Ркацители". Потом Лида легла на пол на спину, ее грудь свесилась по обе стороны туловища и проглядывала сквозь проймы платья. Лида стала мечтательно говорить о мальчишке из их класса, каком-то Диме. Она говорила, что он ей так нравится, так нравится, а она ему совершенно не нравится, и она не знает, что же ей делать. Потом ее рассуждения стали более пространными, она стала говорить о будущем замужестве и сетовать на то, что вряд ли выйдет замуж. Маруся пыталась ее утешить и говорила, что нет, она выйдет замуж. Вообще ей было скучно разговаривать на эту тему, но неудобно обрывать подругу. Потом они выпили еще по бутылке, и Маруся почувствовала, что совсем остекленела. У Лиды был старый магнитофон, и они поставили на него песни Галича, там были такие длинные лирические песни, он выкаркивал слова чеканным голосом, Лида восхищалась, но Марусе это не особо нравилось. Марусе больше нравились песни Высоцкого, правда, Лиде они тоже нравились, и они их часто слушали. Вдруг Маруся услышала, как открылась входная дверь, и вошли родители Лиды. Она испугалась, но Лида не проявила никаких признаков беспокойства. В комнату зашли мужчина с густой окладистой бородой и круглая толстая женщина с румяными щеками и черными глазами, которая заплетающимся языком произнесла:

"Лидочка, это ты?"

Хотя Маруся сама была пьяная, но ей показалось, что мама Лиды была пьяна еще сильнее, просто в стельку. Лидин отец вообще ничего не говорил. Он молча прошел в другую комнату и оттуда больше не доносилось ни звука. Лидина мама стала что-то делать на кухне и напевать хриплым голосом. А Марусе ведь еще надо было возвращаться домой, где предстояло объяснение с отцом. Она чувствовала себя так, будто у нее расплавились мозги. Она пошла в туалет и наклонилась над унитазом. Блевать не хотелось, но она сунула два пальца в рот и стала щекотать небо. Выблевалось очень мало, потому что они почти ничего не ели, а вино, наверное, уже успело всосаться, с трудом подумала Маруся. Она встала с колен от унитаза и направилась к двери. "Я тебя провожу", - крикнула ей Лида. Маруся взяла свою синюю сумку, которую носила через плечо. Они пошли на троллейбусную остановку, и тут как раз подошел марусин троллейбус. Они побежали за ним, и Марусе показалось, что она летит, так легки, невесомы были ее ноги. Она успела вскочить в троллейбус и помахала Лиде рукой.

Дома отец встретил ее молчанием и стал к ней присматриваться. Маруся хотела пройти к себе и лечь, но он пошел за ней и встал в дверях. "Ты где была?" - спросил он. "У

Лиды", - ответила Маруся. Она уже рассказала маме про Лиду. Иногда она рассказывала маме про своих знакомых девочек, про мальчиков же не рассказывала никогда. Про девочек она рассказывала затем, чтобы, когда ее будут спрашивать, где она была, иметь возможность ответить, что была у этих девочек. Правда, родители требовали номера телефонов и всегда могли проверить, правду ли говорит Маруся. Маруся иногда давала настоящие телефоны, иногда неправильные, но телефон Лиды она дала отцу, потому что он был сильно раздражен. Таким она еще его не видела.

"А ты знаешь, что это за люди? - стал кричать он. - Ты давно знакома с этой девицей? А ведь это самые настоящие подонки! Расскажи-ка мне, о чем вы говорили? Может, они предлагали тебе почитать какие-нибудь книги? Да это самые настоящие отщепенцы, ведь я уже проверял!"

Маруся ничего не могла понять, ей ужасно хотелось спать, в голове был сплошной туман, да еще внезапно захотелось опять поплевать, хотя, кажется, она уже все выbleвала. Отец продолжал:

"А вот я сейчас позвоню Геннадию Аристарховичу, мы возьмем машину и поедem в этот твой притон и посмотрим, чем они там занимаются!"

"Ты же не знаешь адреса", - пролепетала Маруся. Теперь ей стало по-настоящему страшно, ведь получалось, что она заложила Лиду, и что из-за нее к ней могли прийти из КГБ.

"Ха-ха-ха, - злобно рассмеялся отец, - все я знаю! Родители этой твоей Лиды уже давно на учете, и их адрес занесен в картотеку. А вот их я отучу совращать детей. И с тобой, может быть, уже тогда не захочет дружить эта сволочь. Ишь, как она в тебя вцепилась. Наверное, получить что-нибудь хочет! У них ведь просто так ничего не делается!"

"Папа, не надо туда ездить, - стала просить Маруся со слезами - Я не буду с ней дружить! Я больше никогда туда не пойду!"

Отец, вроде бы, смягчился, да ему и неохота было тащиться куда-то из дому так поздно.

"Ну ладно, прощу их на первый раз. Но смотри, хоть что-нибудь замечу, и им несдобровать! Это я гарантирую!"

Маруся сразу протрезвела. Она не могла заснуть всю ночь. Она лежала и думала о том, как бы ей все же уйти из дому, да так, чтобы ее не могли найти. Но у отца же были связи с КГБ, он всегда любил повторять, что они знают все и могут достать любого человека хоть из-под земли. Маруся думала о том, чтобы отравиться или повеситься. Но повеситься ей казалось невозможно - надеть грубую веревку себе на шею, как она тебя будет душиТЬ, это ужасно! Отравиться казалось легче, тем более что одна девочка из параллельного класса чуть не отравилась насмерть из-за несчастной любви. Ее звали Ира. Как раз незадолго до того Маруся спрашивала, нет ли у нее места, где она может спрятаться от родителей, чтобы ее не нашли. Ира ей сказала, что есть, крыша над головой будет, и даже кормить будут, и никто не найдет, только трахаться придется. Марусе это показалось

отвратительным, и больше на эту тему она с ней не говорила. А вскоре узнали, что Ира отравилась. Она съела целый пузырек снотворного, которое принимала ее мать, и ее увезла "скорая помощь", ее младшая сестра вовремя заметила, что Ира как-то странно хрипит во сне. Маруся с Машей Степановой тогда приезжали к ней домой и разговаривали с ее младшей сестрой. Сестра с грязным лицом и спутанными волосами рассказывала им:

"Ирка сказала мне: "Или я прыгать буду, или я буду на том свете!" А потом так легла и стала хрипеть! А я маме сказала!"

Маруся с Машей долго обсуждали, что же хотела сказать Ира этими странными словами, что значило: "Я буду прыгать"? Что ей будет очень весело? Иру потом засадили в психушку, потому что туда сажали всех, кто пытался совершить самоубийство, считалось, что, если человек пытается наложить на себя руки, значит, он психически болен. Маруся и Маша навещали Иру, ее положили в "Скворешник", когда они приходили на отделение, им стало жутко, потому что кругом ходили всякие бабы, одна быстро-быстро что-то говорила, другая, очень мрачная, подошла к Марусе и погрозила ей пальцем. Потом пришла и Ира. Она была в синем халате с болтающимися завязками и с опухшим лицом. Они передали ей яблоки и конфеты, она очень обрадовалась, но почти ни о чем их не спрашивала. Рядом все время стояла рыжая санитарка и следила за ними. Конфеты она все вытрясла из пакета и просмотрела, и яблоки тоже, и все сложила в алюминиевый тазик с номером, грубо намалеванным красной краской. Через пятнадцать минут она объявила, что свидание окончено, и девочкам пора уходить.

Маруся рассказала дома про этот случай, и мама все ужасалась:

"Какой кошмар! Какой ужас! Но ведь у них неблагополучная семья! По-моему, даже отца нет! И мать пьет, а у нее трое детей!"

Маруся каждое мамино слово внушало отвращение и вызывало тошноту, почти физическую. С Лидой они встретились через два дня, и Маруся рассказала ей, что могло произойти в тот день. На лице Лиды отразился ужас.

"Ой, это было бы очень плохо. Это было бы очень-очень плохо, - проговорила она дрожащим голосом, - ведь мои мама и папа тогда пришли из гостей и сами были в таком состоянии, а у них и так неприятности..."

Маруся почувствовала себя словно зачумленной, причем способа излечиться не существовало. Маруся стала всячески скрывать свою дружбу с Лидой, а теперь Лида познакомила ее еще с двумя девочками. Их звали Ляля и Лена. Ляля с Лидой очень любили театр, особенно ТЮЗ. Им там нравился один актер, и они всячески выражали ему свое восхищение. Они даже узнали, где он живет, и караулили его у дома. А когда он выходил из дому, шли за ним. Они бежали за троллейбусом, в который он садился, если им не удавалось сесть в тот же троллейбус или хотя бы в следующий. Таким образом, они знали обо всех связях этого артиста с разными девушками и знали, что он изменяет жене, которая работала в том же театре. Это был их большой секрет, и они однажды рассказали об этом Марусе и взяли с нее клятву, что она никому не расскажет. Маруся и не собиралась никому

рассказывать. Она была скрытная девочка, так говорила про нее мама. Хотя Маруся иногда начинала рассказывать маме про разные случаи в классе, но это она делала нарочно, чтобы создать впечатление, что она все ей рассказывает.

Ходить за этим актером Маруся не хотела, ей казалось, что это неинтересно, а бегать за троллейбусами она и тем более не собиралась. Лида и то жаловалась, что это для нее хуже всего, эта беготня, она готова была часами караулить у его дома, только бы не бегать. Марусе очень понравилась Лена. Лена не ходила за актером, она была тихая девочка, задумчивая. Ей нравились стихи Блока, она любила ходить по магазинам старой книги и рассказала Марусе то, чего Маруся никогда не знала и о чем не подозревала. Например, она открыла для нее радость просто заходить в магазин старой книги, смотреть на разные книги в старых переплетах с ветхими страницами и вдыхать их запах. Мама Маруси любила только все новое, ну а если старое, то оно должно быть "старинным", таким, за чем все гоняются и стараются достать. Вообще, конечно, марусина мама старалась привить детям любовь к книгам и даже сама им покупала разные книги. Маруся все их добросовестно читала, она уже с детства любила читать, это было для нее как наркотик. С книгой она забывала обо всем на свете, она сама себе качалась красивой и замечательной, как героини этих книг. Еще она любила читать и есть, особенно конфеты. К сладости конфет добавлялось легкое опьянение, и Маруся могла читать без конца, без остановки. При этом она сменяла одну книжку другой, не обращая внимания на названия. Когда она была в седьмом классе, она любила книжки про детство Ленина, про то, как он жил на Волге и помогал бедным во время голода, а его мама давала бедным голодным детям пирожки. При этом Марусе самой нравилось есть пирожки, поэтому она всегда, когда мама пекла пирожки, старалась найти в книге это место. Она прочитала очень много книг, но не могла вспомнить ни их авторов, ни самих книг, эти книги слились во что-то одно расплывчатое, вызывающее в памяти то вкус шоколадных конфет, то разноцветного фруктового сахара, то пирожков с мясом.

Только когда Маруся познакомилась с Леной, она впервые прочитала Достоевского. И тут есть ей совершенно расхотелось. Она читала, и при одной мысли о еде ей становилось противно, она читала даже по ночам с карманным фонариком под одеялом, с тем самым, с которым отец отучал Гришу от онанизма. Потом она решила худеть и вообще перестала есть. Только когда они с Леной гуляли по Таврическому саду, Маруся иногда съедала пару листиков с тополя. Так продолжалось неделю, а потом Маруся утром вышла на кухню и упала в обморок. Она сама стала зеленого цвета, как листик. Мама дала ей меду, и она оклемалась.

Достоевский навсегда остался для Маруси замечательным, прекрасным, недостижимым идеалом. Она хотела стать сама, как его героини. Хотела быть бедной, нищей, побираться на помойках, ходить в обносках, в рваной обуви, считать копейки и покупать четвертинку ржаного хлеба, чтобы съесть ее, запивая водой из-под крана в общественном туалете. А марусина мама все время покупала ей новые платья, уродливые, квадратные,

каждый раз, когда мама заставляла Марусю надеть обновку, раздражался скандал, потому что Маруся отказывалась наотрез. Но, в конце концов, мама одерживала верх. Для Маруси дружба с Леной была причастием, приобщением к чему-то высшему, тому, что было недоступно Марусе, и никогда не будет доступно, потому что она не прошла через то, что позволяет приобщиться. Однажды они с Леной гуляли по Литейному и наткнулись на отца Маруси. Он куда-то спешил, был очень раздражен и устроил Марусе скандал, что она тут делает и почему не идет домой. Маруся пыталась отвечать нейтрально, чтобы Лена не подумала, что у нее плохой отец. Лена отошла в сторону и рассматривала витрину магазина. Маруся покраснела, ей показалось, что Лена все слышала, хотя может и не слышала, она что-то лепетала, и чувствовала, что ненавидит отца.

Вечером дома отец спросил Марусю:

"А что это за жидовский высерок был там с тобой?"

Маруся не любила возвращаться домой. Дома она в основном стояла у окна и смотрела в серое небо, ей хотелось уйти куда-нибудь подальше и гулять, гулять, только бы не возвращаться домой к этой пошлости и обыденности. Даже телевизор она не могла смотреть вместе с родителями. Они постоянно отпускали самодовольные замечания и комментарии, особенно мама. Когда показывали фильм "Преступление и наказание", мама со вздохом сказала:

"Все же Достоевский был ненормальный! И этот актер какой-то сумасшедший! Да, сколько все же психов вокруг!"

Маруся готова была заплакать от бессильной злобы, она постепенно научилась скрывать свои чувства и сидела с непроницаемым видом. Ей казалось, что родители специально издеваются над ней и с холодным интересом следят за ее реакцией. Она думала, что нарочно ничем не покажет, что это ее задевает, она ненавидела их все сильнее и сильнее, она даже не хотела говорить с ними, но ей все равно приходилось.

Мама обычно Марусю не била, наоборот, когда отец ее избивал, она его ругала, даже если и сама перед этим на нее капала. Этим мама напоминала Марусе бабушку, которая тоже всегда лицемерно за нее заступалась. Бабушка и мама Маруси чем-то походили друг на друга, хотя всегда друг друга ненавидели. Эта ненависть родилась тогда, когда отец, вопреки воле бабушки, решил жениться на маме, а бабушка уже нашла ему невесту, дочь какого-то генерала в Риге. А отец познакомился с мамой, она тогда была очень красивая, с тонкой талией, Маруся видела ее фотографии. И отец в нее влюбился. Бабушка жутко разозлилась и даже не приехала на свадьбу. Маруся потом у бабушки читала письма отца, он униженно просил свою дорогую мамочку не сердиться и приезжать, что его жена очень хорошая и добрая, и что они подружатся. Бабушка же отвечала злобным молчанием, но потом все же, наконец, приехала к ним. Отец с матерью жили тогда в коммунальной квартире, и у них родилась Маруся. Из этого периода их жизни Маруся помнила, что у нее была баночка из-под черной икры, и мама посоветовала ей копить в этой баночке денежки.

Маруся получила тогда от мамы несколько копеечек, и мама ей сказала, что, если она будет хорошей девочкой, она будет каждый раз получать по такой денежке. Марусе показалось обидно, что в баночке так мало денежек, и она тихонько ходила в прихожую, а там висели на вешалках пальто, и Маруся шарила в карманах и доставала оттуда денежки, относила их в комнату и складывала в баночку. Наконец в баночке их стало так много, что они выпирали сверху, и Марусе даже пришлось попросить у мамы резиночку, чтобы закрепить крышечку. Мама захотела узнать, зачем, и Маруся с гордостью показала ей свою заполненную баночку. Мама пришла в ужас, забрала все денежки и отшлепала Марусю. Маруся громко ревела. Еще Маруся помнила, что ей на ночь всегда давали молоко, у них была большая кружка с синим и золотым ободком, и мама говорила, что она "папина", а папа обычно был в рейсе, то есть в море. Маруся знала, что папа моряк, и она гордилась тем, что пьет из папиной чашки. Обычно мама молоко кипятила и ставила его за окно на жестяной подоконник, чтобы оно остыло. Маруся все время боялась, что чашка упадет, потому что подоконник был наклонный. Еще ее пугало, что прилетит голубь и выпьет молоко. Мама успокаивала ее, но однажды, действительно, чашка упала и разбилась, и Маруся плакала. А потом к ним приехала бабушка. Маруся очень радовалась: бабушка пекла вкусные пироги и делала пирожные "безе", которых Маруся до этого никогда не ела. Но потом оказалось, что в этой квартире жила какая-то отвратительная соседка по фамилии Лиля, фамилия была почему-то французская, все произнесли ее с ударением на последнем слоге, но мама говорила Марусе, что она украинка, и что она ненавидит их и ругается с мамой. А бабушка с ней сразу подружилась и даже потом, когда уехала, писала ей письма и жаловалась на отца, что он ее совсем забыл из-за этой толстой проститутки, - так бабушка называла марусину маму. А соседка взяла это письмо, пошла в пароходство и показала его в парткоме, она сказала, что сын совсем забыл свою мать, она пишет чужим людям и жалуется. Отца стали разбирать на партсобрании, а он как раз тогда только что вступил в партию, и оказалось, что его мать ему подложила большую свинью. Мама рассказывала об этом Марусе, и в ее голосе звучало злорадство. К счастью, все кончилось хорошо, потому что отец написал об этом бабушке, и она прислала в пароходство опровержение.

Когда Маруся еще не ходила в школу, они с дедушкой и бабушкой ездили в Евпаторию в санаторий. Путевку доставал дедушка, потому что он был железнодорожник. Там Марусе очень нравилось, дедушка на нее никогда не кричал, или кричал очень редко и без злобы. С бабушкой Маруся старалась быть поменьше.

Однажды к ним приехал отец. Маруся была очень рада, этот приезд приносил особую бодрость, и от отца так хорошо пахло табаком и одеколоном. Он привез шоколадки Марусе и Грише. Маруся съела свою шоколадку, а потом тихонько достала Гришину и тоже съела. Когда отец хотел дать шоколадку Грише, оказалось, что там осталась одна бумажка. Он сразу догадался, что это Маруся, и набросился на нее. Маруся гуляла тогда перед

санаторским корпусом на волейбольной площадке. Когда она увидела, что к ней направляются отец и бабушка, она сразу поняла, в чем дело. Она встала рядом с волейбольной стойкой, на которой была прикреплена корзина. Она держалась руками за железные палки и изображала независимость. Она и сейчас, через столько лет, помнила свои тонкие загорелые руки и белые волоски на них, и солнце, от которого песок тоже казался белым. Отец был в светлом капитанском кителе и в темных очках.

"Маруся, - спросил он ее, - кто взял шоколадку? Гришину шоколадку?"

"Не знаю, - ответила Маруся, - понятия не имею".

Этот ответ прозвучал нагло и вызывающе, и лицо отца исказилось. Он снял очки и положил их в нагрудный карманчик кителя.

"Еще раз спрашиваю, кто взял шоколадку?"

"Я же сказала, что не знаю", - Маруся прищурилась и смотрела на него с вызовом.

Тут ее оглушил сильный удар, ее голова ударилась о железную стойку. Из глаз полетели искры. А отец уже поднял руку для нового удара. Маруся заревела, она стала обдирать у себя с плеча кожу, которая облезала и была уже ободрана, под ней была молодая розовая кожа, но Маруся все равно яростно обдирала и ее. Новый удар обрушился на Марусю, но она крепко держалась за железную стойку. Тут между ними встала бабушка. Она прошипела отцу:

"Я тебя прошу, успокойся, не трогай ее!"

"Мама, отойди", - злобно прохрипел отец.

Маруся поняла, что на этот раз он избьет ее жестоко.

"Нет, бей меня! Меня бей!" - бабушка говорила лицемерным голосом, и ее лицо было как-то слащаво перекошено. Марусе стало ужасно противно. Бабушка обняла ее и прижала к мягкому животу. У бабушки изо рта неприятно пахло. Марусе даже захотелось, чтобы отец ее избил, бабушка же вызывала только раздражение. Но она не оттолкнула бабушку, а покорно стояла, прижатая к бабушкиному животу. Отец выругался и ушел.

Тогда же, когда они жили в коммунальной квартире, Маруся подолгу оставалась дома одна, в детский сад она не ходила и сидела на окне и ждала маму. Мама уходила то ли в магазин, то ли на работу - Маруся не знала. Она рассматривала два больших темно-фиолетовых тома "Энциклопедии домашнего хозяйства", там ее привлекали разные карнавальные костюмы для Нового Года. Особенно Марусе нравился там один, для царевны-лягушки. В книге была нарисована очень хорошенькая белокурая девочка, на ручках у нее были зеленые перчаточки, сзади надета такая вуалька, а на головке желтая картонная корона, и лягушечья маска. Марусе хотелось быть такой же, ей не столько нравилась маска, сколько эта девочка. По утрам, когда мама уходила, она смотрела вниз, как мама уходит. Она шла в розовом пальто и сером берете и махала Марусе снизу рукой на прощание. Потом внизу всегда шел мужик. Он был в пиджаке и клетчатой кепке, и Маруся про себя называла его Олег Попов. Олега Попова она знала, она один раз смотрела у соседей телевизор и там видела Олега Попова, мама объяснила ей, что это клоун. Он

показался ей очень красивым, и Маруся в него влюбилась. И этот мужик ей нравился. Он останавливался внизу и подолгу смотрел на Марусю, улыбаясь ей. Она смотрела на него и тоже улыбалась. Она чувствовала что-то непонятное, и ей почему-то нравился этот мужик. Она хотела, чтобы мама сделала ей костюм царевны-лягушки, и она бы села на окно в этом костюме, а он бы ее увидел, и она бы понравилась ему еще больше. Она ему и так нравилась, иначе зачем он так долго смотрел на нее снизу? Их окно было на третьем этаже. Маруся продолжала просить маму, и мама наконец сделала ей картонную корону и раскрасила ее в желтый цвет, но Марусе показалось, что это совсем не то, чего ей хотелось. Она все равно надела эту корону и утром села на подоконник. Но мама в этот день не уходила. Они остались дома. Она спросила Марусю, зачем она сидит на подоконнике, ведь провожать некого, мама дома. Маруся сказала, что ждет Олега Попова.

"Какого Олега Попова?" - насторожилась мама. Она встала рядом с Марусей и стала смотреть вниз. Почему-то Марусе было неприятно, что мама стоит рядом с ней, и ей не хотелось, чтобы сегодня пришел Олег Попов. Но он вышел из парадной и, как всегда, посмотрел вверх. Когда он увидел марусину маму, то сразу опустил голову и пошел прочь быстрым шагом. Мама Маруси рассказала про этот случай бабушке, и хотя ничего определенного она сказать не могла, но все же повторяла, что у этого ребенка странные задатки.

Когда бабушка сломала ногу, и Маруся поехала к ней с отцом, бабушка ее ужасно доводила. Она все не могла простить марусиной маме того, что она вышла замуж за ее сына. А к этому уже успели прибавиться и тысячи других поводов, например то, что, когда Гриша был маленький, марусина мама отвезла его к бабушке, потому что ей надо было заканчивать институт. Гришу тогда положили спать в кроватку. До этого его никак не могли укачать, и вот, наконец, он заснул. Мама тоже легла спать и бабушка тоже. И вот мама слышит, что Гриша опять заплакал. Она встала и ходила, укачивая его, пока он опять не заснул. Мама легла и думала, что теперь, наконец-то, поспит. Но Гриша опять стал плакать, и маме так и не удалось поспать. Только под утро она обнаружила, что форточка открыта, и что это комары не дают Грише спать, и что это бабушка нарочно открыла форточку, чтобы не дать спать ни Грише, ни маме.

"Вот ведь какая она сволочь!"

Эту историю Маруся тоже выучила наизусть, потому что мама рассказывала ее всем знакомым. А бабушка жаловалась Марусе, что мама не помогала ей полоть огород, что она целыми днями валялась на диване с книжкой. Бабушка вообще ненавидела всякие книжки, она считала, что, раз человек их читает, значит, он лентяй. В первую очередь это относилось к женщинам, потому что женщине всегда найдется работа в доме. Стоило

Марусе взять в руки книжку, как бабушка начинала гонять ее по всему дому, и не давала спокойно посидеть. Маруся уходила в парк или в лес. Ночью бабушка не давала Марусе спать, она все время стонала. У нее болела нога. Под конец Маруся пришла в ужасное раздражение. Бабушка стала звать ее:

"Марусенька, Марусенька, переверни меня на другой бочок!"

Маруся же сделала вид, что спит и ничего не слышит. "Марусенька, а Марусенька! - бабушка не унималась.

«Переверни меня на другой бочок!"

Маруся вскочила и крикнув:

"А черт, блядь, надоела!" - схватила бабушку и одним махом перевернула ее на другой бок. Бабушка в ужасе охнула и замолчала. После этого Маруся смогла спокойно проспать два часа, и бабушка не издала ни звука.

Маруся знала, что ее ожидает наказание за знакомство с грузинами.

"Разбирайся с ней сама", - отец устало отвернулся и ушел на кухню курить. Мама взяла резиновый шланг из ванной и, взвешивая его на руке, встала в дверях. Внезапно она резко размахнулась и ударила Марусю по лицу. Маруся согнулась, закрыла лицо и повернулась к маме спиной. Мама стала хлестать ее, причем норовила попасть по лицу и животу. Мама приговаривала:

"Вот тебе сволочь, вот тебе сука!" Наконец она устала и уже не так энергично размахивала шлангом. Удары стали слабее. Тогда отец встал с табуретки, подошел к ней и, ласково обняв, сказал:

"Ну хватит, ты уже устала, пожалей себя!"

Мама разрыдалась и без сил рухнула на диван. Маруся ушла к себе в комнату, а потом опять отправилась бродить по улицам.

Гриша сложил все свои рубашки в большую черную сумку и надел форменный китель. Сегодня ночью он должен был уходить в рейс. Судно шло на Кубу. Гриша включил магнитофон и поставил кассету с записями Вилли Токарева. Еще там пели разные эмигранты, которых Гриша называл подонками.

Ах, они там в ресторане расппевают. И эта Люба Успенская, и вся остальная мразь. А они вокруг сидят и жрут! А они перед ними выябываются, блядь! Ненавижу..."

Но когда кассета кончалась, он ставил ее снова. Он пил чай с печеньем, и еще он взял

с собой в сумку два килограмма печенья, чтобы есть на вахте. У них в кают-компании иногда тоже давали печенье на полдник, как в детском саду.

Гриша ходил в детский сад в городе Шепетовке всего один год. В Шепетовку его отвезла мама, когда ему было только шесть месяцев. Бабушка Гришу очень любила, и, когда дедушка ловил рыбку, она тщательно выбирала для него все, даже самые мелкие косточки и клала самые вкусные кусочки Грише в ротик. Она покупала ему телятинку и каждый день давала еще яичко. Бабушка специально для этого держала курочек, и дедушка для них доставал пшено.

Потом, правда, от такого количества яиц Гриша весь покрылся красной сыпью, у него оказался диатез, а потом даже астма. Поэтому они и ездят в Евпаторию, чтобы его подлечить. А мама говорила, что Гриша заболел астмой оттого, что бабушка целыми днями держала его в огромном широком с низкими бортиками железном холодном тазу, который по-украински назывался "балия", где Гриша простудился, и что бабушка засаживала его туда, чтобы он ей не мешал, потому что Гриша не мог оттуда вылезти. Почему Гриша попал в детский сад, Маруся не знала. Она тоже туда ходила некоторое время и помнила, как во время тихого часа воспитательницы ходили и проверяли, все ли спят. Если ты не спал, то они наказывали - отводили в темную кладовку, поэтому Маруся накрывалась с головой простыней и там тихонько играла. Она нашла маленький кусочек пластилина, сделала из него диванчик и представляла, как на этом диванчике будут спать маленькие человечки, она воображала, какие они из себя. Но только она устроилась поудобнее, как услышала шаги воспитательницы, ее звали Петровна, но все называли ее Перловкой, она была очень злая и дети ее боялись. Маруся замерла под простыней и закрыла глаза, а диванчик выпал у нее из рук и потерялся. Перловка прошла мимо и вышла из комнаты, а Маруся стала искать диванчик. Но она никак не могла его найти, он словно испарился, она просмотрела все, и на полу, и в кровати, но его нигде не было. Это осталось для Маруси одной из самых больших потерь в жизни и даже потом, когда она об этом вспоминала, она чувствовала тоску.

Потом в этом детском саду был праздник, и всем девочкам раздали костюмы. Марусе очень хотелось украинский костюм, он был красивый, с коротенькой юбочкой и разноцветными лентами, но такие костюмы давали только худеньким девочкам, а Маруся была толстая и получила русский сарафан. Ей дали веточку березки, и она уныло ходила вокруг картонной березы вместе с другими девочками и махала этой веточкой. Ей этот костюм очень не нравился. Правда, на следующем празднике ее нарядили бабочкой и приделали ей на спинку крылышки из папиросной бумаги, но Маруся села на стульчик и облокотилась на спинку, хрупкие крылышки помялись, и она стала плакать, а ее еще к тому же ругали воспитательницы. Ей было жалко крылышек, они ей нравились. В этом детском саду в клетке во дворе сидела белка, и она все время бежала куда-то в огромном колесе. Маруся подолгу ее рассматривала. Ей было удивительно, как это белке не надоедает, но, в

то же время, она знала, что, если убрать колесо, то ей будет еще хуже, и почему-то от этого ужасная тоска нападала на нее, и некуда было деваться.

Гриша ходил в младшую группу. Маруся не знала, почему бабушка отдала его в детский сад, может, чтобы он стал более общительным и подружился с ребятами.

Иногда по дороге из садика Маруся с бабушкой заходила к "дедушке доктору", так бабушка называла одного своего знакомого старичка. Он жил в небольшом трехэтажном особнячке на первом этаже, у него была однокомнатная квартира, очень чистая, и на мебели были надеты белые чехлы. Он был совершенно лысый и глухой, у него была костяная трубка, которую он прикладывал к уху, когда с ним разговаривали, и при помощи этой трубки он слушал. Он почти ничего не говорил, говорила в основном бабушка, да и то шепотом. Маруся запомнила, что у него на стене висел большой портрет какого-то человека с усами и в военной форме. Бабушка потом говорила с дедушкой про "дедушку доктора", что он совершенно больной, и что он был в лагерях, а раньше весь этот дом принадлежал ему, и у него была даже прислуга. "Дедушка доктор" всегда давал Марусе конфетку, но у него было скучно, и она не любила, когда они заходили к нему.

На праздник бабушка решила сшить Марусе брюки, она где-то прочитала, что брюки входят в моду и захотела нарядить Марусю по-городскому. У нее был толстый зеленый материал, она хотела, чтобы брючки были тепленькие. У бабушки был знакомый портной, он шил дома, у него было три сына. Сперва бабушка пришла с Марусей, и он снял с нее мерку. Потом они пришли на примерку. На Марусю напялили брюки, которые ей везде жали, а портной сунул руку ей между ног и сказал:

"Писюнчик не жмет?"

Сыновья стояли вокруг и пялились на Марусю, а после этих слов громко заржали. Маруся промолчала, а бабушка стала с ним ругаться, что он испортил материал: брюки узкие, а девочка полненькая, и они ей тесны. Но, в конце концов, бабушка все же заставила его перешить, они ходили к портному еще раз, и брюки Марусе уже не жали, но она все равно их не любила, они были очень толстые и неудобные.

Потом бабушку что-то стало беспокоить в Марусе, и она повела ее к врачу. Там был огромный белый дом и большие клумбы розовых и красных цветов. Было очень тепло, и бабушка о чем-то долго говорила с женщиной в белом халате. Марусе же хотелось сорвать хоть один цветочек, и она ждала удобного момента. Но бабушка взяла ее за руку, и они вошли в кабинет. Дверь туда была широко открыта, и весь коридор был заполнен женщинами, они стояли в очереди. Очередь заканчивалась у огромного кресла, напоминавшего вертолет, оно блестело. Женщины, подойдя к нему, клали рядом свой узелок, снимали штаны и влезали на него. Они отвратительно распяливали ноги, а мужик в белом халате подходил к ним, смотрел туда и пихал им между ног какую-то блестящую палочку. В кабинете мерзко пахло. Марусю чуть не стошнило. Рядом с креслом стоял маленький бритый наголо мальчик и с интересом смотрел, открыв рот и ковыряя в носу.

Бабушка подвела Марусю к этому креслу и велела снять штаны. Маруся стала плакать, но бабушка сказала, что купит ей куколку и конфет. Маруся сняла штаны, ей было очень стыдно, потому что вся толпа женщин стояла и рассматривала ее и ее трусы, а на них было желтое пятно, и она стала комкать их, пытаясь спрятать. Мальчик же довольно захихикал. Бабушка взяла у нее трусы и постелила на кресло, на которое Маруся влезла, и бабушка помогла ей расставить ноги на подставки. Марусе казалось, что она попала в какой-то кошмар. В окно была видна улица, яркое солнце и розовые цветы, а здесь было ужасно, какой-то потусторонний мир. Мужик в белом халате подошел к Марусе, и ее что-то кольнуло между ног.

"Здоровенький писюнчик! - сказал мужик. Одевайся!" - и похлопал Марусю по голому задку. Женщины все стояли и мрачно смотрели. Бабушка стала благодарить мужика и пихать ему деньги. Он спокойно взял их рукой в резиновой перчатке и положил в карман, откуда уже торчало много разноцветных бумажек.

Грише было очень плохо в детском саду, потому что его там заставляли есть, а Гриша не хотел, там все ему казалось невкусным и гадким, а если ребенок что-то оставлял на тарелке, две воспитательницы брали его с двух сторон за руки, а третья заталкивала в рот все, что он не доел. Гриша не мог заставить себя проглотить мясо, оно было с жилами и с жиром, но выплюнуть он боялся, поэтому весь день держал это мясо за щеками, и вытаскивал только когда воспитательниц не было рядом. Ему удавалось тогда переложить это мясо из-за щеки в карман штанишек, а дома он выбрасывал засохшие кусочки во двор, курам. Но печенье он любил всегда и съедал все.

Бабушка верила в Бога и часто ходила в церковь, и даже брала с собой Марусю и Гришу. Марусе там нравилось, там было красиво, и священник добрый, но почему-то бабушка запрещала об этом говорить, как о чем-то постыдном, и особенно не велела говорить маме и отцу. Маруся все равно однажды проговорила, и мама долго смеялась над бабушкой, она говорила, что это "мракобесие" и бабушка "серая баба", и что зачем она тащит туда детей. Маруся не знала, на чьей она стороне: бабушки или мамы. Но ей нравилось, когда на Пасху бабушка пекла пышные высокие куличи и красила яички, а потом уходила рано-рано утром в церковь, и Маруся просыпалась, и ее не было дома, а потом она приходила, всегда праздничная, в нарядном платке и давала Марусе просвирку. Все садились за стол, приходили гости, все ели и пили, и говорили друг другу "Христос Воскресе!" Летом бабушка приносила из церкви зеленые веточки и втыкала их за икону, а весной у них за иконой были первые вербочки. Марусе они очень нравились, они напоминали ей цыпляток. У бабушки было две иконы: одна Спасителя, а другая Божьей Матери, и перед ними всегда горела лампадка.

Мама всячески настраивала Марусю против бабушки, ее раздражало все, что от нее исходило. И они вместе с мамой смеялись над бабушкой и над ее Богом. Маруся написала письмо от Бога бабушкиной подруге и натерла его колбасой, потому что они с Гришей решили, что тогда та должна поверить, что оно именно от Бога, из рая, потому что в раю все едят такую вкусную колбасу. Но подруга не поверила и пришла жаловаться бабушке, и бабушка их ругала. Эта подруга была очень бедная и жила в каком-то сарае вместе со своими козами, и ее все дразнили "Козья мать", она часто приносила бабушке козье молоко.

Потом Маруся приехала в Ленинград, ей нужно было поступать в школу. Перед школой мама ненадолго опять сдала ее в детский сад недалеко от дома. Там Марусе очень понравились два мальчика, они были близнецы, и поэтому она не знала, который из них ей нравится больше, она их даже различала с трудом. Она называла их "братья Григорьевы". Дома у нее на столике с игрушками лежала вышитая дорожка, на ней были котятки, которые сидели в ботинке. Эти котятки очень нравились Марусе, она их часто целовала. И вечером, когда она приходила из садика домой, она воображала, что эти котятки и есть братья Григорьевы, она целовала их и все говорила маме:

"Правда, они хорошенькие?"

"Да, - соглашалась мама, - очень милые".

"Это братья Григорьевы", - сказала Маруся.

"Какие еще Григорьевы?" - удивилась мама.

"Ну у нас в садике есть братья Григорьевы, - Маруся поцеловала котеночка, - и я их люблю..."

"То есть как это - люблю? - возмутилась мама и как-то по-особенному посмотрела на Марусю. - Ведь ты же любишь маму? И папу, да?"

"Да, - прошептала Маруся. Ей почему-то стало стыдно.

"И бабушку, и Гришу? - не отставала мама. - Как же ты можешь говорить такое слово по отношению к каким-то Григорьевым? Разве ты можешь их любить? Что они тебе такого хорошего сделали? Подумай, Марусенька!"

Маруся молчала и смотрела в пол. Она никак не могла объяснить маме точно, почему она любит этих братьев, а если и не любит, то вообще, какие чувства к ним испытывает, но она все же знала достаточно определенно, что любит их. Мама еще долго смотрела на Марусю с отвращением и подозрением и качала головой.

Прошло уже три часа, магнитофон все играл. Гриша врубил полную громкость. Из динамиков несся хриплый рев. Гриша расправил плечи и важно ходил по комнате. Через час ему нужно было быть на судне. Он со вздохом выключил магнитофон и посмотрел на

стенку. Там висела записка "Перед уходом в рейс не забудь выключить свет, выключить везде воду, выключить газ, телевизор, магнитофон, закрыть все форточки, и окна, включить сигнализацию". Это написала ему мама ровным аккуратным почерком. Гриша обошел всю квартиру, он закрыл везде форточки. В их бывшей детской комнате в одной форточке стекло так и было разбито. Гриша вспомнил, как Маруся однажды сильно напилась. Она пила спирт со своей подругой Степановой. Они отмечали первый день весны, первое марта. Спирт они разбавляли водой, потом Маруся зачем-то пошла в комнату и стала открывать окно. Она поскользнулась и рукой разбила форточку. Она сильно порезалась, перерезала на пальце какую-то артерию, кровь прямо хлестала. Все вокруг было в крови – и диван, и подоконник, и ковер. Хорошо, что Степанова была не такая пьяная, принесла ведро с водой и помогла замыть, а Маруся замотала руку каким-то грязным тряпьем и надела на себя старую рваную отцовскую рубашку, старые брюки и отправилась шляться вместе со Степановой. Недалеко от дома им повстречался Гольдман, который стал орать в неизвестно откуда взявшийся рупор:

"Алкоголики, стойте! Алкоголики, стойте!" А Гриша тогда заперся в большой комнате и не выходил.

Однажды они со Степановой в очередной раз напились, выпили у отца все его напитки из бара, и стали выгонять Гришу из комнаты, чтобы он не слышал их дебилные разговоры, ему особо интересно-то не было, но уходить он из принципа не хотел. И они схватили его вдвоем за руки и за ноги и запихнули в диван, на котором иногда спал отец. Они вытащили из дивана хранившееся там постельное белье, положили его на кресло, а в диван запихали Гришу. После чего уселись сверху и стали гоготать и даже подпрыгивать. Гриша не мог выбраться, потому что они оказались сильнее, и еще очень тяжелые.

С тех пор, как они вместе украли краски в универмаге, ей со Степановой вообще-то общаться не разрешили, но ее, как муху, так и тянуло на говно. Отец всегда это говорил. Вечером она пришла домой, а там уже были мама и ее сестра тетя Кира. И они стали Марусю допрашивать, а папаня, к счастью для нее, был в командировке, а то ее вообще бы убили на месте. Они почувствовали запах спирта, хотя Маруся и жевала кофейные зерна, все равно, она так нажралась, что этот спирт все забивал. Они даже заметили, что Маруся была без лифчика. Гриша не знал, зачем она его сняла, но маманя всегда такие вещи замечала, она очень внимательно следила за Маруськой и все боялась, что та "принесет в подоле". Тетя Кира стала говорить:

"Марусенька, деточка, почему ты без лифчика? Ведь это же некрасиво! Я иногда вижу - девчонки молодые идут, и у них грудки трепыхаются туда-сюда, туда-сюда!"

Маруся молчала, как баран, это у нее был отходняк. А Гриша все это слышал, он-то все уже знал заранее. Потом Маруся повели к гинекологу, потому что из-за этого пьянства и курения у нее прекратились менструации, и маманя это заметила, потому что все время за ней следила. К тому же тогда же прочитали какой-то ее дневничок, где было написано про какого-то там ублюдка и его умоляющие глазки. Ну и они начали с ней

разборку. А она все молчала, и вот тогда ее и направили. У мамани знакомая работала врачом в поликлинике, и она, чтобы не афишировать позор семьи, решила это сделать тихо. Маманя взяла с собой и Гришу, потому что одной ей было слишком страшно и стыдно, и он ее морально поддерживал. Гинеколог была такая очкастая баба, но довольно приятная. Так Грише показалось. Она тихим голосом сказала Маруське, что надо чаще подмываться, и тогда от нее всегда будет хорошо пахнуть, и она будет нравиться мальчишкам. А Маруська сказала, что ей плевать, пусть воняет. Еще она спросила, есть ли у нее знакомые мальчишки, а Маруська сказала, что нет и никогда не было, что она дружит только с девочками. Грише было смешно, он все это слышал из-за двери, но он сдержался, а то маманя разоралась бы на него.

В их комнате раньше были обои со слониками и жирафами. И однажды они с Марусей решили помочь родителям сделать ремонт, ремонт как раз тогда собирались делать. И они стали обдирать все эти обои. Они так приятно обдирались и хрустели. А обрывки они выбрасывали в форточку. Тогда была зима, куски обоев летали, как огромные птицы, и ложились на серый снег... А затем они стали выбрасывать все игрушки. А потом пришел отец, он ничего не заметил, даже что стены ободраны, он о чем-то думал. И тогда Маруська спросила у него:

"Папа, ты ничего не замечаешь?"

Он сказал, что нет, и недоверчиво посмотрел на нее. Она ему тогда показала, она думала, что ее похвалят. Ну а он жутко разозлился и избил ее, и отправил их с Гришей на улицу за игрушками. А у Маруськи был такой пупс в красной рубашке, ей его на день рождения подарили, но она легла с ним спать и ночью случайно пальцы у него обломала, они из глины были, что ли. Она тогда рыдала, а ее ругали. И этого пупса она тоже выбросила. И Гриша с Маруськой пошел, а там у помойки дети уже этого пупса подобрали, они сделали ему из мокрого снега трон и посадили на него и натыкали кругом разноцветных бумажек и фантиков и сделали из бумаги корону, а сверху еще один из этих детишек свою шапочку на него нафигачил, чтобы он не замерз. И они очень торжественно ему поклонялись, это был их царь. Они не хотели его отдавать Грише и Марусе, но потом пришел папаня и отобрал.

Гриша надел куртку, она была грязная, потому что в ней он работал на швартовке, но она ему нравилась. Потом надел шапочку на самую макушку, так ему казалось очень красиво. Посмотрел на себя в зеркало и выдвинул вперед нижнюю челюсть. После смерти отца Гриша отрастил себе такие же усы, какие были у него, но они выросли очень редкие и совсем светлые, и были незаметны. Чтобы все видели эти усы, Гриша их все время пощипывал. Иногда он даже думал их немного подкрасить, такой тушью, что бабы используют для ресниц, но не решался, вдруг на судне заметят и решат, что он пидор. Он включил сигнализацию и вышел на улицу. Было совсем темно. Перед парадной горел единственный фонарь, его сильно качало ветром.

"Черт, штормяга будет", – подумал Гриша и поежился. Ему надо было поймать машину, потому что трамваи уже давно не ходили. Он долго стоял посредине дороги с поднятой рукой. Наконец остановился старый запорожец. За рулем сидел инвалид без ног. Инвалид заломил до порта четвертак, но выбора не было, и Гриша спорить не стал. Он и так уже опаздывал.

В проходной у главных ворот порта он показал свой пропуск и пошел вперед широкими шагами. Судно было недалеко, у шестого причала. Он стал подниматься по трапу. Вахтенный матрос задремал на табуретке, и Гриша толкнул его в плечо. Тот вздрогнул и проснулся.

"Привет, - сказал Гриша, дрыхнешь? А если враг проберется?"

Матрос ответил матом. Гриша прошел в свою каюту и бросил сумку на койку. В иллюминаторе была видна бледная широкая луна. Сегодня судно снимется с якоря и выйдет в открытое море. У Гриши была первая ходовая вахта. Он совершенно не выспался, ведь он всю ночь слушал магнитофон. И прошлую ночь он тоже слушал музыку и думал. Гриша улыбнулся и потрогал в кармане батарейку. Он долго сидел на койке без движения. В его голове проносились обрывки мыслей. Сколько времени прошло, он не заметил. Наконец он вспомнил, что пора идти в рубку. В рубке ровным светом горел экран локатора. Он был зеленоватый, это успокоило Гришу. Слышался шум. Капитан обернулся.

"А, это ты! А мы думали, спишь! Что это у тебя глаза такие красные, напился вчера, что ли? Иди тогда отдохни, а вместо тебя второй постоит, тут опасное место. Сейчас будем проходить пролив. Иди, отдохни", - и капитан похлопал его по плечу. Гриша передернулся от такой фамильярности, но ничего не сказал. Он молча подошел и встал к рулю. Внимание Гриши было приковано к широкому диску луны, видневшемуся слева в окне рубки. Видимость была прекрасная, волны блестели, и яркая дорожка бежала перед судном. Гриша стоял у штурвала. Иногда он отключался, иногда до него доносились обрывки фраз. Он не мог понять, кто это разговаривает, но его это и не интересовало. Вот за спиной слышались тяжелые шаги.

"Это Боров", - подумал Гриша, но оборачиваться ему не хотелось. Вдруг он заметил, что луны уже нет, и перед ним сплошной серый туман.

"Черт, как видимость упала, - пронеслось в голове у Гриши, - надо внимательней следить за локатором. Ломаная линия берега... какие-то точки...".

- "Следи за курсом, услышал он тихий голос, - не сбейся с курса. Ты же знаешь, Боров уже давно храпит. А для нас очень важно, чтобы именно теперь ты не сбился с курса...".

- "А сколько времени прошло? - спросил Гриша, пытаясь разглядеть сбоку часы, мы давно в море".

- "Не бойся, ничего не бойся, мы давно уже вошли с тобой в контакт. Мы наблюдаем за тобой, помогаем тебе. Не думай ни о чем, отдохни. Ты слишком устал за последние дни".

Гриша кивнул, достал из кармана печенье и начал есть. Но он даже не заметил вкуса. Просто хруст. Сбоку на койке лежала темная масса рядом с подушкой.

- "А это что?" - Грише стало страшно.

- "Не бойся, это старпом. Он спит. Теперь он не будет тебе мешать. Держи курс зюйд-зюйд-вест."

Гриша послушно повернул штурвал. На локаторе он заметил какую-то точку. Он автоматически навел визир на локатор и увидел, что пеленг изменился, а дистанция осталась та же.

"Что-то здесь не так, - пронеслось в голове у Гриши, - ведь мы же учили..."

Вдруг перед ним справа из серого тумана выросла черная громада. Гриша отшатнулся.

"Не бойся, ничего не бойся, - сладко пел голос в ушах, - ты правильно держишь курс..."

Крест... Нет, это больничная койка, а напротив грязная ободранная стена. Ночь И там, в просвете дверей, рыжеволосая санитарка с кем-то говорит. С кем? Он не видит. Надо отвязать руки. Почему он не видит, с кем говорит санитарка? Это они специально так поставили зеркала, чтобы дверь отражалась в них, и он не видел тех, кто за зеркалом. А там за зеркалом лабиринт, целый лабиринт из зеркал. Он встает, он подходит ближе, смотрит в зеркало Это окно, и вдруг его заливают волна свежего голубого воздуха, он почувствовал, что этот воздух как его жизнь, его дыхание, этот воздух сливается с его воспоминаниями, прозрачными и голубыми, как этот воздух... Маленький городок, где он родился и когда-то жил с родителями... Воспоминания наталкиваются друг на друга льются откуда-то изнутри из самого сердца... смешиваются с воздухом И он сам растворяется в этом воздухе, исчезает в нем... какая легкость... Полет... И вдруг кто-то снова вцепился в него и потянул вниз Его руки привязаны Крест... Нет Это больничная койка напротив стена а там за зеркалом рыжеволосая санитарка продолжает с кем-то говорить Вот она реальность... Кто расставил эти зеркала? Кто загнал его в лабиринт? Вот сейчас он встанет На сей раз он не должен заблудиться...

С тех пор, как Павлик стал евреем и уехал навсегда, он ей больше не звонил и даже не писал. У нее остался только его дневник, который она любила перечитывать. Она обнаружила его случайно, когда зашла к нему домой уже после его отъезда за своим французско-русским словарем. Тетрадь в кожаном тисненном переплете, заботливо перевязанная голубой ленточкой, лежала в ящичке стола, и Маруся тихонько взяла ее,

точнее, украла, как тогда краски в магазине. Но записи в дневнике обрывались, и она не знала, что с ним стало...

Павлик рассказывал ей о Берлине, и Маруся представила себе, как Павлик, придя в магазин в Западном Берлине, увидел там много разных конфеток, которые все искрились и сверкали в ярком свете лампочек, они так красиво переливались, как будто наступил Новый Год и уже больше никогда не прекращался, там был вечный Новый Год, рай на земле, изобилие и счастье для всех, верующих и неверующих, евреев и немцев, и русских... Павлику было хорошо и, счастливый, он шел по улицам, освещенным солнцем, и солнце то ярко освещало его, то пряталось за тучи, и он то снимал, то снова надевал темные очки. На тротуаре сидел нищий с испытанным лицом. Нищий был одет в лохмотья, а рядом с ним лежала собака, обреченно положив морду на лапы. Подавали ему исключительно из-за собаки, такая у нее была грустная морда. А нищий был просто придатком.

май 1991, Ленинград